

love_sf

Властелина
Богатова

Невеста проклятого (СИ)

Росся, младшая дочка старосты, отправляется в далёкие земли к богатому жениху. Порадоваться бы — повезло девице, ведь, ходят слухи, что суженый не только высоких кровей, но и красив — невесте сулило светлое будущее, но, судьба коварна. Новое пристанище оказывается темницей каменной, а жених вызывает только дрожь в коленях. Но беда не приходит одна. Росся узнаёт о том, что княжич проклят Лесным Хозяином и невесте предстоит стать либо спасением, либо очередной жертвой.

Самиздат, любовные испытания, истории о любви, романтическое фэнтези
2018

ru
ru

ProstoTac

calibre 3.26.1, FictionBook Editor Release 2.6.6
2018
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=411796997349F94E-699E-40BB-8664-8EA67928106C
1.1

v 1.0 — создание
v 1.1 — примечания, обложка, скрипты ProstoTac

СИ
2018

84(2)6 82-312.9 Б73 Автор обложки: https://vk.com/bogatova_vlastelina

Властелина Богатова
НЕВЕСТА ПРОКЛЯТОГО

ГЛАВА 1. Видение

— Ксс-ксс, где ты, рыжая? Вылазь немедля! — шикнула Росья и на всякий случай вцепилась в замшелое дерево — мосток хлипкий, уже и мхом оброс, а ну как рухнет, ноги переломать можно.

По мосту этому уж почитай как век не хаживали — деревенские в лес далеко не забираются, побаиваются. А живность так и повадилась, вот и кошка бежит, будто её тут прикармливает кто.

— И чего ты тут ищешь? Разве мест нет поудобнее? Ну, негодная, поймаю, усы то повыдергиваю. Что же ты тут забыла, рыжехвостая? Забралась-то как глубоко.

Солнце уж скрылось. Быстро нынче деньки заканчиваются, на подходе Листопад — месяц девичьих венчаний. Через луну зима будет на пятки наступать, гнать люд по избам, к печам, руки греть, а она всё босой бежит, да всё в одном льняном платье — ей и не холодно. Мороз нипочём, иной раз голышом с истопки выскочит, да в реку бросится, только и слышен с берега визг Станиславы. Вспомнив о старшей сестрице, Росья поторопилась. Нужно вернуться в избу до темна да на трапезу успеть, а то ж влетит от отца.

Рухнув на колени, она потянулась рукой в холодную глубь. Внезапно дощечка под ней хрустнула, девица прямиком-то и ухнула вниз, в сухой папоротник, только охнуть успела. Стукнулась об острые камни, счесав колени, но боли не почувствовала, только страх объял, что платье испортила. Сестрицыно платье-то, за косы оттаскает, если испортить. Не видать ей тогда нарядов больше, донашивать старое до дыр придётся. Росья торопливо ощупала подол и замерла — ткань влажная то ли от сырости, то ли от стёсанных коленей — в темноте не разобрать. Если кровь, то не выстирать. Поджав досадливо губы, полезла дальше — чего уж теперь терять. Сырость и темнота окутали, но как глаза привыкли к мраку, заприметила кошку. Мутно блеснули зелёные глаза в тусклом жёлтом свете, что сочился через щели. Протянув руки, Росья таки нащупала меховой комок, потянула за мохнатые лапы, но тут из дебрей дремучих раздался треск, будто подкрался кто. Сердце дёрнулось да забилося галопом, она резко руки одёрнула, прижала к груди. Перепугавшись до онемения, задышала часто и глубоко, вдыхая еловую смолу и сырость земли. Завертела головой, но кругом никого, только густой полог леса. Не успела Росья опомниться, как поплыл из-за деревьев мутный туман, да не белый, как надо, а синий. Он тут же оплёл пояс. Так и заледенело всё в груди, и беспамятной сделалась от страха. Туман, словно чьи-то широкие ладони, скользнул по оголённым лодыжкам, будто ощупывал, и вдруг беспутно нырнул под подол. Росья попыталась отпихнуться, одёрнуть платье, но словно к земле приросла. Оплетая поясицу, туман хлынул морозцем вверх по спине, сжал шею — не вздохнуть, а в горло будто ледяных осколков насыпали.

Из ямы послышалось злое шипение и клёкот Рыжей. Хвоя над головой зашуршала, ветви вниз склонились, будто норовили схватить. Вздогнула Росья, сбрасывая невидимые оковы, подскочила на ноги и стрелой вылетела из замшелого оврага.

Неглядючи пустилась через заросли, и заметив в густых сумерках тропку, по ней и поспешила бегом к деревне. Следом колыхнулся в листве ветерок, ринулся с веток и окатил моросью. Росья ещё пуще-то и припустилась, выбежала на вспаханное поле и прямиком к огонькам.

За окоёмом отгорал закат. Солнце пыхнуло, озарив алым светом деревья да холм, по которому девица бежала, но тучи скрыли его быстро, ещё больше страха напуская.

«Говорил же дед Лытко в лес далеко не уходить!»

Странные случаи происходят в последнее лето. Толкуют люди, что Лесной Хозяин разъярился сильно, разгневался, поговаривают, обидел его кто-то, да так, что не одному волхву ещё не удалось его задобрить ни словом, ни жертвой, ни щедрым даром. Морок напускает, тропки путает, а иной раз девиц крадёт. Вон из деревеньки уже одна побывала в его заточении. Нашли бедную, а она только глазами хлопает. До сей поры не вспомнила ни родичей, ни подруг любимых, ходит в беспамятстве и поныне. Никто так и не узнал, что с ней было. А как замуж отдала, оказалась и порченная девка, и кто теперь знает правду. Гуляла ли, или же леший что сотворил?

Густо покрыла темнота землю. Запыхавшись и едва не валясь с ног от непрерывного бега, Росья перешла на шаг, прижав руки к груди, унимая сбившееся дыхание, но спокойней не стало.

«Кто же это был там, в лесу? И Рыжая осталась ночевать», — горестно подумала девица, но обернуться побоялась.

Запустила руку в связку оберегов, сжала, какие попались. Железо в ладони быстро потеплело.

Всё одно глубоко вкралось предчувствие недоброго. Оторвав глаза от окоёма, Росья повернула

в сторону деревни. Елица погрузилась во мрак. Избы просели в землю, что видны были только кровли и тлевшие в окнах лучины.

Решив сократить путь, снова свернула и пошла через высокие заросли лопуха. Пусть и цеплялось за колючий бурьян платье, и рвали косу сухие ветви, а быстрее хотелось оказаться рядом с отцом и матушкой. Приблизилась к отшибу, откуда доносились уже голоса деревенских да бляющие коз, и страх схлынул. Теперь Росья ощутила, как колени от ушиба жгло. Глянула вниз — на подоле разводы бурые.

«Вот достанется от Станиславы, и матушка полезет в спор, выругает на чём свет стоит».

Выбралась на тропу — тут до родного терема и рукой подать, пошла шагом. Земля под ногами мягкая, ещё тёплая. Залаял грозно цепной пёс из двора деда Лытко. Кошка бы оцетинилась, испуганно бы смотрели жёлтые, как подсолнухи, глаза в сторону подворья. Но Рыжая осталась в лесу...

Повернула за плетень, и показалась высокая кровля. Хоромы широки, просторны, у других скромнее будут. Проскользнув к задворкам, чтобы быть никем незамеченной, Росья тихонько вошла в калитку и, миновав старый яблоневый сад, добралась до порога. Щёлкнула задвижкой и за дверцу нырнула. Поднявшись в полной тиши по лестнице, оказалась перед дубовой дверью. Взявшись за ручку и осторожно толкнув скрипучую дверь, нырнула за неё и почти впотьмах прокралась по переходу. Из глубины терема загудели, как из трубы, голоса — видно, уже за стол родичи сели. Всё-таки опоздала, теперь лучше и не попадаться на глаза. На этот раз не повернула в кухонную клеть, чтобы пустить кошку по полу, а та не поднимет хвост трубой да к миске молоко лакать не пустится, и не слышно будут громкое, раскатистое мурлыканье.

Горестно вздохнув, Росья поднялась в девичью светлицу, юркнула в просторную хоромину, понадеявшись, что сестрица в трапезной со всеми. Переодеться бы успеть, платье спрятать, а с зари попробовать отстирать.

В светлице, слава матушке Макоши, не было никого, тлела в светце лучина, освещая прибранные постели. И уж, было, выдохнула спокойно, как скрипнула за спиной дверь. Росья с испугу вздрогнула, обернулась. На пороге, уперев руки в бока, возвышалась Станислава, раскрасневшаяся, в глазах искры.

— Где тебя злыдни носили, Росья? Матушка все глаза проглядела, тьма какая на улице.

— Так светло ещё.

— Тебе что день, что ночь, — фыркнула Станислава. — Бродишь, что отшельница бездомная. Не страшно тебе в лесах околачиваться? Батюшка же запретил. Вот попадёшься лешему, будет тебе тогда!

— Не страшно, — буркнула меньшая, припомнив странный туман. — Это вы за засовы крепкие прячетесь, а в лесу куда спокойнее, нежели слушать днями напролёт бабью болтовню да сплетни.

Соболиные брови сестрицы сначала выгнулись, а потом грозно сошлись на переносице, в глазах серых гнев сверкнул, обжёг.

— Вот как значит! А как сама уши греть — так не прочь!

Росья, знамо дело, вспыхнула: «Когда же это я уши грела? Что за клевета беспутная?»

Но только она хотела возразить, как Станислава замерла, а потом шагнула вглубь светлицы, обходя Росью стороной. Та, не будь вольна над собой, сжалась.

— Росья, что с платьем сделала?! — охала старшая, вертясь вокруг, осматривая.

Младшая глаза закатила, взывая к заступнице Макоши. Всё за платье сестра волновалась, а что под ним колени разбитые нетерпимо саднили — это её не трогало. Вот уж горе-девка, только тряпьё на уме. Но Росья от чего-то почувствовала себя виноватой, голову пригнула.

— Прости, Станислава, — буркнула.

Та ерепенилась всё пуще, и раскаяние её не вразумило, глухая стала от гнева.

— Так и знай, больше не получишь ни одной рубахи от меня! — прошипела она, что змея. —

Может, научишься беречь что имеешь, поймёшь, когда одеть больше нечего станет, тогда будешь хоть на долю ценить. Переодевайся скорее, нас отец к столу кличет.

Кивнув, Росья быстро прошла к сундуку, выживая чистую рубаху, наспех стала раздеваться.

Станислава уже девица на выданье, ей положено платье надевать да голову покрывать, а младшей ещё зимовать простоволосой да в рубахе девичьей носиться. Сердце защемило от того, что скоро, как и старшая, превратится в деву старую, ворчливую, хмурую и злую. Скукота несметная.

— Добегаешься ты, сестрица, околдует тебя кто в лесу, иль зверь утащит, — всё причитала Станислава. — Нельзя одной ходить в лес, нельзя, батюшка не велит. А ну всё расскажу, будет тебе встрёпка! Запрёт наверху в одиночку дни коротать, — роптала она, и с каждым её словом покой да уверенность Росья теряла.

И пока опоясывалась и из волос папоротник сухой да репей выбирала, всё не отступалась сестрица, разошлась в гнев, на лице уж и пятна багровые проступили. И ведь ясно, что за младшую волнуется, а оговоры её всё же обиду вызывают.

— Когда ты образумишься! Пусть боги мужа тебе пошлют такого, чтобы в ежовых рукавицах держал, спуску не давал! — грозила она, обжигая взглядом. — Батюшке всё расскажу, он выпорот тебя!

Батюшка был строгий, это верно, надо будет — и жгут в руку возьмёт, и по ногам стеганёт так, что расхочется не то, что в лес ходить, но и за частокол терёмной высовываться.

— Не рассказывай, — попросила Росья, глядя в глаза сестре, приблизилась. — Обещаю, не пойду больше по темноте.

Хоть и младшая, а благо ростом вровень были, и глаза одинаковые — серые с зеленцой речной, но у сестрицы всё одно ярче и волосы русые с серебристым отливом длиннее и гуще. Чертами Станислава чуть мягче была в лице, пухлые губы, ровные брови, а взгляд, когда надо, делался робким, губы складывались так, что всё отдашь, лишь бы улыбнулась она. Да и фигурка ладная на загляденье, талия узкая, бёдра округлые, не то, что Росья — щепка. Матушка утешала, что мол не созрела ещё ягодка, ещё всё станет. А потом и сама учить начала, чтобы не смотрела, как волчица, и улыбку нацепляла чаще, потому как, по словам матушки, хороша больно становилась, когда улыбалась.

Сама не своя от прихлынувших не к месту беспокойных чувств, Росья шагнула вперёд и обняла сестру.

Станислава задеревенела, было, а потом так и обмякла, тоже обняла.

— Ты чего, Рось? Случилось что ль чего?

Верно, никогда не обнимала сестрицу просто так. И верно от того Станислава была в замешательстве.

Росья головой покачала отрывисто, резко, и глаза влажные стали. Сама себе подивилась. Видно, лес морок навёл, закат — тоску, да и сердце продолжало заходиться, не успокаивалось, предчувствуя, не дай боги, беду.

Выдохнув тяжело, Росья выпустила сестру.

— Пошли.

Сестры спустились в трапезную. Отец, что сидел во главе стола чин чином, завидев припозднившихся дочек, смял крупные кулаки. Ещё не тронутые сединой тёмные брови от извечной хмурости сошлись на переносице, под густыми усами сжались в суровой твёрдости сухие тонкие губы. Строгость в льдисто-голубых глазах распатывала в девицах уверенность, и каждой сделалось не по себе.

«Неужто прознал, что в лес ходила?» — Росья виновато отвела взор и столкнулась со взглядом матушки.

И как бы гордо ни сидела Вельмира рядом с мужем, во взоре её гуляло прохладное беспокойство. Золотисто-карие глаза матушки блеснули, на губах вымученная улыбка мелькнула и снова пропала. В тени мужа Вельмира казалась ещё меньше. Нарядно одета была: на узких плечах плат лежал, вышитый нитью, височные кольца с кованными птицами, подрагивали, касаясь белых щёк. Косы толстые матушка всегда под повой прятала, как положено. Точёный носик, чуть вздёрнутый, придавал ей озорство и молодость, светлые брови и большие карие глаза делали её очень красивой женщиной. Росья пошла не в неё — ростом в батюшку, нос тоже его, тонкий и прямой, губы вовсе не маленькие. Хоть матушка и говорит, что улыбка её — глаз не отвести, но Росья губы поджимала каждый раз, когда вспоминала, как широко она улыбается. Иной раз на вечерних посиделках юноши забывались, смотря на неё неотрывно. Неловко тогда делалось девице, и серьёзнела в раз, не то, что сестрица — хохотушка, любившая привлекать к себе внимание нарядами да смехом звонким. При ней о Росье сразу и забывали. И радовалась младшая, что есть у неё Станислава.

— Чего оробели? Садитесь, — кивнул отец, потянувшись к крынке, наливая в корчик душистого, с укропом и зелёным луком, кваса.

Станислава чуть сжала в кулаки тонкие пальцы и, задержав дыхание, смиренно прошла к столу первой. Пристроившись рядом с сестрой, Росья всё больше чувствовала повисшее в воздухе тягостное напряжение, будто, пока она в лес бегала, тут случилось что-то важное. И Станислава молчала. Впрочем, сестра мало чем делилась с ней. О её возлюбленном Росья и то узнала от Руяны, чернавки.

— Ну что, Станислава, — начал Доброга, поглядывая с интересом на дочь, — дождалась ты суженого своего, пришла к тебе весточка.

Он умолк, зачерпывая деревянной резной ложкой кваса, поднёс к устам, отпил.

Станислава так и вытянулась вся, задубела, что берёзка молодая, на побелевших, было, щеках тут же багрянец вспыхнул, как маковый цвет. И только Росье было видно, как сестра сцепила под столом на коленях пальцы в замок. Понятно теперь, что матушка по случаю важному приоделась. Вот же досада — подругам старшая делилась, что по сердцу ей Верлад, с ним она и хороводы водила всё лето, и он норовил её поймать в Купальскую ночь. Сестрица хоть и не делилась, а Росья догадывалась, что поцелуй юноша всё же сорвал.

— Ивар своего сына сватает нам, Станила, — сказал Доброга, подобрёвшими глазами глядя на старшую дочь. — А выбирать нынче не приходится, год неурожайный, да и сама знаешь, на весенней пахоте одного вола лишились, и земли теперь вдвое меньше досталось. А Ивар в вдвое больше, чем мы, собрал зерна.

— Твоя воля, — ответила тихонько Станислава, выслушав отца, кротко и смиренно опустив глаза, хоть и было видно, как кричит её сердце.

В груди Росьи сжалось всё, но воле отца нельзя перечить. Станил, сын мельника, был юношей видным. Пусть и волос с рыжиной, зато мастер на все руки — и косу подточит, и седло подлатает. Давно знали, что приглянулась ему Станислава. Только бы не вспыхнула она в последний миг. И только Росья подумала об этом, как сестрица резко повернула голову в отцову сторону.

— Мне другой по сердцу, — выпалила она.

Доброга в раз посуровел, схлынуло и довольство с его лица. Матушка плечи расправила, прожигая Станиславу укоризненным взглядом. Чернавки, что на стол собирали, попрятались, но Росья знала, что уши они пригрели за дверью.

Есть перехотелось, да и повисла такая тишина, что зазвенело в ушах. Но отец вдруг ослабил плечи, буркнул:

— Верлад хороший. Только в мужья тебе Станил больше подходит. У него и изба богата, и полны короба зерён да муки, зимой голодать не будешь. Да и замёрзнуть не даст. Он давеча вот с торгу приехал. Привёз и шубы с черно-бурой лисы, и тканей цветастых. В общем, я всё решил, за него пойдёшь, такова моя отцова воля.

Станислава поджала дрожащие пухлые губки и, вздёрнув брови в мольбе, вскочила с лавки.

— Знамо мне, как ты заботишься, за мешки зерна отдаёшь, — выпалила она жарко, ярясь.

Доброга так же твёрдо и терпеливо продолжал смотреть на неё, видно, заранее ждал, что дочь перечить начнёт, но желваки на его впалых скулах заходили. Матушка за руку его схватила крепко, сжала, призывая к спокойствию. Яркие зелёные глаза Станиславы увлажнились, не дождавшись никакого ответа, она всхлипнула и бросилась из трапезной прочь. Росья хотела, было, за ней припуститься, но, столкнувшись со строгим взглядом отца, осталась.

Вечеряли молча, в тусклом свете лучин. Никто больше и словом не обмолвился о замужестве Станиславы. Росья понимала, что нынешняя зима для них испытанием будет. Запасов мало, чтобы прокормить себя, не то, что чернь, которую, по-видимому, Доброга распустит. Однажды уже случалась такая напасть в Елицах, Росья хорошо запомнила, как три года назад была засуха и неурожай. Многих в ту зиму Мара

[1]

прибрала к себе. Вспоминается, и дрожь по телу. В то время они как-то перебились. Было тяжело, тогда на её долю перепало много забот, приходилось и работу тяжёлую выполнять, и ночами не спать, сидя за пряжей да полотнами. Станислава и тогда всё руки не желала марать, мозоли натирать, а отец и не настаивал, жалел. Росья запомнила, как всю зиму кормились ячменём, но и сестрицу жаль — сердцу ведь не прикажешь. А любовь, говорят, такая, что ей ни смерть, ни голод не страшны, но младшая об том не знала, может ли такое

быть. Едва справившись с двумя ложками пшённного варева, Росья отложила ложку и только поднялась, было, уходить, спеша утешить Станиславу, как отец остановил.

— Погоди, — отёр он усы, и голос его не был уж таким дробяще-жёстким, стал мягким и разморённым от сытости, видно, отлегло.

— Слушаю, батюшка.

— Разбаловал я её, — начал, будто оправдываясь, он, избегая долго смотреть в глаза.

Повисло молчание, матушка ласково погладила руку Доброга.

— Ничего, придёт в себя и поймёт, что ты правым оказался, — в утешение сказала она, наклонившись к мужу.

Росья только в очередной раз подивилась доброте и смирению матушке. Ведь рассказала она однажды, что выдали её против воли. Не сразу приглянулся ей Доброга, а потом свыклаась. После многих лет пришла и привязанность глубокая, и чувства сильные крепили с каждым годом. И сколь помнила Росья, говорила мать, что любовь настоящая появляется, когда вместе проходишь многое. И младшая видела, как любит матушка, как лучатся молодо её глаза, а лик светится, что полная луна. Лытко учил, что только терпение и смирение приносят дары.

— Ступай, — позволил уйти отец, обращая на неё задумчивый взгляд.

Росья чуть преклонила голову в почтении, поднялась с места и неспешно покинула трапезную. Едва очутившись за дверью, припустилась бегом в светлицу, на лестнице чуть не сшибла с ног Руяну, помощницу старшую. Ту, видимо, Станислава погнала прочь, и в глазах её Росья успела прочесть тревогу.

Сестрицу она застала рыдающей, ещё никогда не приходилась видеть старшую в таком отчаянии. Бесшумно пройдя вглубь, Росья взяла со стола светец и, присев на край лавки рядом с лежащей Станиславой, поставила кованую подставку на сундук. Девушка притихла, было, но потом плечи её вздрогнули, и Станислава вновь зашлась в рыдании. Росья, не зная, как утешить, протянула руку, погладив сестру по мягким волосам, так и не возмев смелости что-либо сказать. Да и что тут скажешь. Любит она Верлада, из души такое не выдернешь, словно сорняк. Дед Лытко говорил, чтобы забыть любовь, времени много нужно. Но впрочем, Росья всё равно не понимала, с чего бы по юноше вот так убиваться.

— Ну будет тебе, может, со Станилом слюбится ещё.

Сестра замолкла, а потом повернула голову. Лицо её уж всё мокрое стало от слёз, растрепавшиеся волосы облепляли красивый лик девушки.

— Тебе почём знать, каково это? У тебя не сердце в груди, а сухарь. Не лезь лучше, ложись спать, — огрызнулась она и снова отвернулась, задушив рыдания в подушке.

Росья убрала руку с горячего плеча сестры. Слова сказанные задела, и уйти бы подальше, но осталась сидеть на краю лавки.

— Наверное, и мне недолго оставаться в отчем доме, — вдруг prorонила она.

Станислава замерла и вновь повернулась, забыв о своём горе, с подозрением глядя на младшую.

— Чего ты такое мелешь? Срок твой ещё не вышел, рано думаешь о таком.

И в самом деле, можно было послушать Станиславу, но чутьё не обманешь.

Говорить вслух о том, как почувствовала, что о ней узнал кто-то, только смешить лишний раз. Станислава, выждав в молчании, вдруг подобрала ноги и, спустив ступни на прохладный пол, села.

— Признавайся, о чём ты говоришь? — утёрла она ладонью щёки.

Росья подняла на сестру взгляд, пожалев, что сболтнула лишнего. Ведь это она напроорочила старшей встречу с Верладом, и после того сестра начала прислушиваться к каждому её слову. Только младшая зареклась говорить о том, что не быть сестрице долго с возлюбленным. Что отец отдаст дочь за другого.

Росья, думая обо всём этом, смотрела будто сквозь сестру, но та ждала-таки ответа. Младшая смолчала — чего худое кликать, может, уляжется ещё всё. Да защитит Макошь от беды.

— Не бери в голову, — отмахнулась Росья, поднялась, направилась к своей лежанке.

Стянув с волос накосник

[2]

, она сняла платье, оставшись в белёной сорочке, осмотрела раны. Сильно сшибла, но благо, подсохли. А Рыжая так и в лесу осталась, не подобрётся к её ногам ночью, комочком свернувшись, только бы не растерзали злые псы. Станислава, наблюдая за сестрой, как та укладывается спать, молчала, но вспомнив о своей доле, вновь всхлипнула, заходясь рыданием.

Забравшись под одеяло, Росья расплела косу, отвернулась к стенке, закрыв глаза, и ещё долго слышала глухое сопение старшей сестры. Пусть плачет. Чтобы дальше жизнь была слаще, девке лучше сейчас оплакать свою вольную жизнь. Так дед Лытко говорит.

Росья спала беспокойно, то проваливалась в чёрную яму, то вздрагивала, просыпаясь, пока не оказалась на берегу реки. Тёмные воды накатывали грязно-серой волной и с шумом отходили от берега. Босые ступни утопали в холодной глине. Хлестал по лицу ледяной ветер вместе с дождём. Росья всё вглядывалась через мутный шквал вдаль, будто ждала кого-то, и среди полотна марева она различила лодку. Даже издали она увидела седые косы Бреславы. Сердце в похолодевшей груди дрогнуло, девица шагнула навстречу, и тут же по колено захлестнула вода, потоком отталкивая её назад к берегу, едва не сбив с ног. Росья не сдалась, снова сделала попытку идти навстречу приближающейся лодке, на этот раз накатило по пояс, намокшее платье прилипло к груди, подол раздувался в серых волнах парусами. Росья махнула рукой и хотела было крикнуть, что она тут, чтобы Бреслава увидела её, но наконец, сумела привлечь внимание. Старица повернула голову, заметила Росью, и уже совсем скоро лодка причалила к берегу, ткнувшись носом в глиняное дно.

— Что ты тут делаешь? — Бреслава, казалось, была не рада её видеть.

Росья растерялась, смахивая с лица мокрые волосы, дрожа от холода. В лодке сидел старец в серых грубых одеждах, на девицу он не смотрел, сжимая в посевших от холода руках весло, ждал.

— Уходи, Росья, рано тебе ещё сюда. Уходи.

— А как же ты? Я тоскую по тебе.

Бреслава вздохнула, лицо её разгладилось, а глаза стали такими глубокими и мутными, как вода под ногами.

— Я больше не вернусь, уплываю в последний путь, ждут меня мои предки. А ты, ступай.

— Как же? — встрепнулась Росья, не веря своим ушам. — Лытко нагадал зиму холодную, запасов мало. Вот и Станиславу батюшка отдаёт за мельника, в печали она от того, не хочет за Станила, — сказала Росья, но вспомнила вдруг и о своей собственной судьбе, добавила: — Пугают меня видения разные, лезут в голову. Что это, Бреслава, расскажи?

Гребец чуть повернул голову, но лица его под тенью одежды не увидела Росья. Старица сжала бесцветные губы, раздумывала.

— Вот что, дочка, я тебе скажу, — помолчав, сказала она. — Жди гостя, он многое откроет тебе.

— Какого гостя? — не поняла Росья.

— О том узнаешь в свой срок, — нахмурилась Бреслава, и девица почувствовала, как тяжело ей даётся говорить, — ...бедствовать вы не будете...

— Не понимаю ничего, — замотала головой Росья, и так холодно стало, что зуб на зуб не попадал.

— Дар в тебе просыпается, Росья. Время твоё подошло, — вздохнула старица тяжело и замерла. — Пора мне...

Только тут Росья почувствовала, что буря стихла. Чавкнуло в воде весло, и лодка вновь отошла от берега. Бреслава села спиной к гребцу, и ещё долго Росья видела её, пока туман не поглотил их, а сердце разрывалось от тоски.

Снова хлынул ветер, и смешались глубокие воды с небом, чернело стремительно, нагоняя мрак. Девицу показывало, она сделала шаг, но оступилась и упала в воду. Накатившая волна накрыла, сковал ледяной холод. В следующий миг грудь сдавило и обожгло болью, Росья закричала, мгновенно потоки воды ворвались в горло, забивая дыхание.

Она открыла глаза и тут же, зажмурившись, уткнулась в подушку, глубоко и часто дыша, пытаясь задушить проступившие слёзы, но, горло, будто тисками прихватило. Знать, бабки Бреславы не стало... Но не успела она погрузиться в горе, как взяло смутное предчувствие. Открыв глаза, Росья обнаружила, что всё так же лежала отвёрнутой к стенке, только светёлку

заливал утренний, холодный свет. Всей кожей почувствовала, что Станиславы нет рядом. Повернулась, чтобы убедиться в том, и застыла. Сердце захолонуло в страхе. Лавка сестры пустовала.

«Странно, обычно спит до пения последнего петуха. Уж не надумала ли сестрица сбежать?»

Только подумала, и мороз по телу: — «А что, если правда? И сон этот не случайно.»

Росья в лихорадке поспешила вспомнить, о чём толковала бабка, но ночь неумолимо утекала, как вода сквозь пальцы, забирая с собой все видения.

«Нет, не может Станислава так поступить с отцом, матушкой, со всеми!»

Однако Росья не выискала взглядом девичьих уборов: ни гребня на сундуке широкого, резанного из кости, (им сестра очень дорожила), ни очелья, расшитого жемчугом, что носила не снимаючи, ни накосников, ни бус. Только платья были разбросаны по лавке, будто сестра ворошила их, наспех перебирая, а такого она никогда не позволяла себе — всегда опрятная. Росья, не помня себя и напрочь позабыв о сне, слетела с лавки, не почувствовала стопами и ледяного пола, прошла к месту Станиславы. Вновь и вновь оглядывала беспорядок, что учинила сестра. Вышла из-за оцепенения, когда за дверью шаги тяжёлые послышались.

Отец предстал перед дочерью распалённый в гневе, до красноты в глазах.

— Сбежала, — пыхнул он горячим дыханием, раздувая ноздри, глядя на пустую лавку Станиславы.

Но тут взгляд его скользнул к Росье, будто он только что её приметил.

— Ты знала?

Росья не вольна собой от растерянности, замотала головой.

Стиснув челюсти отец, снова бросил взгляд на лавку.

— Даже нарядов своих не взяла, паскудница.

За его широкой спиной появилась матушка, напуганная и встревоженная.

— Найду, на глазах у всех выпорю, — прошипел он, горячась, развернулся и ступил за порог.

— Из терема ни ногой! — только и услышала Росья его строгий наказ.

Она стояла ни живая ни мёртвая, осознавая, что сестрица натворила. После такого не быть Доброге старостой в Елицах, погонят.

Сердце бешено запрыгало в груди, и руки дрожь проняла. Не медля больше, Росья кинулась платье надевать, опоясавшись, наспех заплела и косу. Нужно найти её. Хоть отец и приказал не покидать стен, но Станиславу нужно вернуть!

«Пока народ обо всём не прознал, может, обойдётся ещё всё», — лелеяла она надежду.

Отперев ставни, Росья выглянула наружу. Елица, ещё погружённая в предрасветные сумерки, потихоньку просыпалась. Рыбаки уже ставили сети на песчаном берегу, лаяла всё та же злая псина за околицей. На окоёме полосами сочился через плотную пелену туч тусклый свет. День будет пасмурный. В ответ этой мысли закрапал дождь, оставляя на руках Росьи дрожащие холодные капли. Закрыв ставни, она прошла к двери, снимая с крючка душегрейку.

Как же она не услышала ухода сестры? Всё сон, такой глубокий и крепкий был, что и не очнулась. Вспомнила о Бреславе, и в груди сердце сжалось. Неужели ведунья всё же покинула этот мир и по реке забвения отправилась в свой последний путь, в чертог предков?

В голову одно за другим хлынули воспоминания былые, предстали перед ней те времена, когда бабка жила с ними. На то время Росье было от роду восемь зим, мало тогда она смогла уразуметь слов её, да перенять мудрость старицы. А толковала она дельное, вся деревня ходила к ней за словом заветным. Она и судьбы разгадывать могла, сама Макошь-пряха ей в том покровительствовала. Но однажды Бреслава собралась и покинула кров. Куда пошла — не сказала, но стой поры о ней никто ничего не слышал. Росья часто вспоминала её, тосковала, а теперь вот и сон придвинулся.

«Знать бы, чему наставляла она во сне?»

И вдруг вспомнила. Говорила о даре к пророчеству, что срок подошёл. Росья поёжилась, застёгивая последнюю петлю жилетки, душно, жарко стало. Она выглянула за дверь.

— Руяна! — позвала чернавку.

Девка быстро появилась на лестнице.

— Звала, Росья?

— Отец где?

— Так ушёл только давеча, — она перехватила тяжёлую корзину в другую руку, видно шла стиральную одежду развешивать в натопленную клеть.

«Откуда же Доброга узнал, что Станислава терем покинула? Может, люди его видели?» — но вслух Росья ничего не сказала, верно чернавки ещё не знают, что приключилось ныне ночью, и об уходе старшей дочери Доброги ещё не прослышали.

Росья вышла за порог, притворив за собой дверь, спустилась.

— Куда же ты в такую рань? — остановила её Руяна, любопытствуя.

— Росой хочу умыться в поле, — не задерживаясь более, она спустилась на крыльцо, сбежала с порога под хмурое небо, огляделась.

Отец, верно, пошёл напрямиком к избе Верлада толковать с отцом наглеца, что посмел увести дочку. Оглядев верхушки сосен, Росья выйдя из ворот, направилась к лесу. Потянуло именно туда.

В лесу среди рыжебрюхих деревьев было куда теплее и ветра мало, только шумела хвоя над головой. Росья шла быстро, смотря под ноги. Мерешилось, будто ступает след в след за сестрицей, так и мелькает подол платья её. Раздумывать она себе не позволяла много, боялась сбиться с пути, что пролегал через лес и расщелины, а вскоре Росья забрела в скальную межу, только кругом вековые каменные глыбы поросшие мхом. В воздухе так и звенел тихий смех Станиславы, будто рядом она была. Девушка, не выдержав, остановилась, подняла подбородок, вглядываясь в прорехи крон, где виднелись клочки серо-сизого неба. Дождь зачастил плотнее, ударяясь о лицо Росьи, холодные капли катили за ворот, она щурила глаза, моля богиню Макошь подсказать ей путь дальше. Но этого не потребовалось. Девичий голос послышался с глубины леса, и не было сомнений, что принадлежал он Станиславе, звучал не в голове призрачным туманом, а со стороны скального утёса. Росья решительно направилась туда, ступая по мягкой усыпанной влажной хвоей земле. Пробравшись через заросли вереса, остолбенела. У расщелины густо дымился заглушенный дождём костёр. Беглецы собирались в путь, торопились. Станислава была одета тепло, голова покрыта платком, хоть и не любила она так носить его. Она подхватила с земли мешок походный, затягивая верёвкой. Верлад, высокий плечистый юноша с кудрявыми русыми волосами до плеч и такой же, уже по-мужицки густой отросшей бородой, надевал шапку, укрываясь от дождя. Он первый завидел Росью. Станислава повернулась в ту же сторону, куда смотрел и её возлюбленный.

— Росья, — положила она руку себе на грудь, выдохнула, — напугала же ты.

— Вернись домой, — потребовала тут же младшая, выходя из укрытия. — Отец пошёл искать тебя.

Возлюбленные переглянулись. Верлад понурил голову, и Росья поняла, что вернись тот, не сносить ему головы.

— Пойдём, ещё можно отговориться. Пока есть время.

— Сдурела! — прозвучал сталью голос Станиславы. — Не вернусь я, поняла? Не люб мне Станил. Если хочешь, выходи за него вместо меня, раз тебе так надо.

Росья от обиды поджала губы. Станислава и раньше была на слово не скупа, иногда и груба, но сейчас обида сжимала горло. За что так сестрица обозлилась на неё?

— Без тебя я не вернусь. Подумай об отце, что с ним станется?

Глаза Станиславы сделались стеклянные и такие зелёные, ярче еловой вымытой дождём хвои.

— Не могу я, Рось, не проси, — моргнула она и сделала шаг к Верладу, прижимаясь к его боку. — Возвращайся да передай батюшке поклон, пусть простит меня, если сможет, и ты прости меня. Верно, больше с тобой мы не свидимся.

От таких слов земля под Росьей вздрогнула, будто ударил в неё гнев Перунов. Бессмысленно пытаться настаивать, сестрица решение своё приняла.

Станислава, вдруг вырвавшись из объятий Верлада, бросилась к сестре, обняла горячо. Обдал знакомый запах трав медуницы и зверобоя, коими мыла она свои густые волосы.

— Прости, — прошептала сестра, заглядывая в глаза, и Росья ощутила её горячую ладонь на своей щеке, — наряды мои себе забирай, — сестра отняла руку и, отступив, побежала обратно к Верладу.

Росья так и стояла, немая от неверия в то, что Станислава ушла. Навсегда. Проводив их взглядом, пока те не скрылись в глубине леса, младшая вздрогнула от пронявшей её жаби.

Промозглый воздух забирался за шиворот. Росья перевела взгляд на костёр, и её объяло такое одиночество, что заболело в груди. Сжав в кулаки холодные пальцы, она прильнула спиной к стволу, задышала часто. Что теперь их ждёт? Что будет с родичами? Больше всего тревожил

отец, ведь какой же позор обрушится теперь на его голову, на саму Росью. А она не смогла вразумить Станиславу, да и куда ей? Разве старшая слушала её когда...

Росья не успела оправиться, как вдруг в спину ей будто ткнулось что-то острое. Она выгнулась, потеряв дыхание. Лес, окутанный туманом, поплыл. Хватаясь за ветви, чтобы уберечься от падения, Росья не устояла всё же и упала на колени. В глазах резко потемнело, и перед собой она увидела не кущи, а просторные широкие хоромы. Не успела удивиться и испугаться одновременно, увидела среди них мужчину. Высокий, статный, с широкой спиной. Видно знающий ратное ремесло, в походах побывавших не единожды, стоял он, отвернувшись, и волосы его тёмные падали на плечи.

— Дарко, я знаю, где её искать, — мужчина повернулся, и Росья вздрогнула, столкнувшись с пронзительными, серо-карими, как кора дуба, глазами.

Девушка втянула в себя холодный воздух так глубоко, будто только что вынырнула из недр реки.

Сминая в пальцах комки земли и закашлявшись, она села.

«Дарко, — билось в голове, — Дарко».

И тут-то воспоминания сна обрушились, будто снег на голову.

«Дарко, не об этом ли госте говорила ведунья Бреслава!?»

Ответом были лесная тишина да глухой шелест крон.

ГЛАВА 2. Дальние земли

Тишину разорвали грубые и весёлые возгласы мужчин, с грохотом стукнулись кубки, полилась брага да медовуха через края. И снова на некоторое время воцарилось молчание, пока побратимы опрокидывали содержимое чар в себя. Знатный пир устроил князь Мстислав по случаю приезда волынян в Дольну, собрав и всех своих друзей за общий стол. Знатный, но ненужный... Беспокоил Волот, слишком старший брат пристрастился к подобному увеселению, дай только повод. Дарко это не нравилось, как не нравилось и то, что сажает рядом с собой не самых благочестивых воинов. Взять хотя бы Венцеслава. Дарко невольно глянул через край чары на вытянутого поджарого с редкими усами и чёрными, что воронье крыло, волосами сборщика подати.

«Подонок, обирает народ без зазрения совести. А Горята, сын купца?»

Дарко перевёл взгляд на хмурого тучного мужчину с короткой рыжеватой бородой, который присосался с жадностью к питью, что пиявка, ходит за Волотом, что тень.

Осушив чару первым, Дарко отставил посудину. Растегнул петлю ворота кафтана, что стал натирать шею и колоть. От духоты голову сжимало раскалёнными клещами. Челядь раскрыла ставни, чтобы хотя бы врывался вечерний и в последнюю седмицу ставший по-осеннему холодный воздух, но он лениво залетал в палату, обдавая скудной освежающей прохладой, которой вовсе не хватало, чтобы вздохнуть полной грудью. И когда мужчины заговорили о дальних плаваниях, Дарко поднялся со скамьи и отошёл от общего стола ближе к выходу, где спасительно дул сквозняк. Прислонившись спиной к холодному каменному столбу, он растегнул остальные петли. С него было достаточно питья — огненным сделалось дыхание, а каменный покрытый узорами потолок плыл, и Дарко закрыл глаза на миг, чтобы остановить поднимающуюся к горлу муть.

— Влей-ка и мне, краса, — услышал он голос Полада рядом с собой.

Княжич открыл глаза, наблюдая, как побратим подставил под кувшин чернавки чару. И ненароком залюбовался девицей, что наливала гостью питьё, несмело поглядывая то на Полада, то на самого Дарко. Весьма миловидна: с пышной русой косой через плечо, глаза... Глаза голубые, как дождевые капли, именно такие ему нравились, чистые, непорочные, только вот была ли так же чиста девица внутри? Взгляд княжича невольно скользнул к нежным маленьким губам и ещё ниже, к открытой тонкой шее, от вида которой во рту враз пересохло, а затем беспуто сполз вниз на сочные топорщащиеся в стороны налитые груди, что так плотно облегал рубаша с вышитым воротом. Открывшийся вид мгновенно разжёг в нём бесстыдные желания, к животу хлынула жидким огнём кровь, налились мышцы тяжестью. Впрочем, в последнее время для него все девицы были привлекательны. Особенно ныне, когда голова хмельная, и шальные мысли лезли в неё против воли.

Он должен думать не об этом. Бесы бы побрали Мирогоста. Впрочем, Дарко клял и себя, что согласился дать обед воздержания, который обычно воины блюдут для обретения силы духа. Губы девицы тронула ласковая и почтительная улыбка, когда она проследила за Дарко. Оторвав ставший глубоким и многообещающим взгляд, она пошла дальше к гостям.

— Не надоело тебе быть тенью Волота? — спросил побратим негромко, чуть наклонившись.

— Князь Избор, как встанет лёд на Межне, собирается в поход на север, отбивать Ставгонь, — продолжил гнуть своё Полад, — новые земли, люди.

О зимних походах волынского князя Дарко уже получал весточку от Полада и не одну. Не раз Дарко порывался покинуть Дольну, не раз ругался по этому случаю с отцом, матушкой, да только как собирался, так и передумывал. Мстислава он не мог покинуть с ссорой, и с тяжёлым сердцем поход только в тягость будет. И видят боги, ему всё это костью встало поперёк горла. Поладу не потребовался ответ, побратим прочёл всё по глазам.

— Не нашли, знать, ведунью... — рассеянно проговорил он. — Сколько же это будет продолжаться, ответ на милость?

— Я уже перестаю верить, что нам кто-то поможет, — Дарко показалось, что ответ его прозвучал слишком обречённо.

«Проклятый крепкий мёд, что развязывает не только язык, но и душу».

Волот громко засмеялся. Дарко вновь обратил на него взор. Сейчас брат выглядел живым, и не скажешь, что на нём лежит тяжкое бремя. Дарко младше его на три зимы, и это было внешне заметно — Волот куда здоровее в росте да размашистей в плечах, хоть по сравнению с другими мужами Дарко не жаловался слаженностью. Видя сейчас Волота рядом с отцом, в очередной раз убедился, как схожи они: тёмные волосы, такие же тёмные живые глаза. Дарко не пошёл в отца, черты перенял от матушки, хоть и тёмные брови, но волосы светлы и глаза цвета сложного. У неё они орехового, тёплого отлива, пылало жаром в них доброе великодушное сердце.

Брат стих и теперь переговаривался с отцом Мстиславом, что занимал главное место длинного стола. Мстислав весь вечер так и не сводил своего угрюмого взгляда с Дарко и Полада, подозревая, верно, что последний, приехал вновь уговаривать младшего отправиться в поход за Межну. Отец не скрывал своего недовольства по поводу приезда волынянина да его свиты, и след хмурой думы не сползал с его лица ни на долю, хотя пытался всеми силами скрыть это. Для Полада не оставалось тайной, что именно удерживает друга возле старшего сына Мстислава, но он не терял надежду, вновь и вновь заезжая в Дольну к побратиму, чтобы увлечь того захватывать новые земли.

Мстислав не позволит уйти. Особенно сейчас, когда предстал случай спасти Волота от проклятия. Хоть ведунью Бреславу не успел Дарко застать в живых — умерла она, он поздно прознал о её силе. Приехал в Дубраву с разницей в день, но не зазря всё же проделал путь, помощница старухина поведала, что у Бреславы внучки есть, и что они якобы тоже имеют дар привиденья. Только где они живут, и откуда сама ведунья родом, никто не знает. Говорят, что пришла в Дольну с топей, да только их кругом тьма тьмущая, в какую сторону не ступи — одни топи. Слух то, ложь ли, но Волот нашёл одну из них, узнав по берегам родовым, что висели у той на шее, как и у бабки. И если успеет отыскать сестёр до морозов, то...

— Ты же погостишь ещё? — спросил Дарко друга после некоторого раздумья.

— А куда мне спешить? До первых заморозков я волен, — ответил с воодушевлением побратим. — Тем более, поговаривают у вас на посадe, что Волот жениться надумал. Может, успею ещё погулять на пиру.

Дарко удивлённо приподнял брови: — «Откуда узнали?»

Он покосился на Горяту, презрительно кривя губы. Сколько блудниц в княжеские палаты приводит, они верно и вынесли все тайны в люди. Хорошо, что Волоту ещё хватает ума держать перед ними язык за зубами, пусть и все догадываются о недуге его, но коли Горята и дальше будет ходить по пятам, до добра это не доведёт.

— Всё верно, за невестой отец меня посылает, и вот теперь думаю... не сослужишь ли добрую службу? Со мной не съездишь ли?

Полад вскинул светлые брови, сощурился в любопытстве холодно-синие глаза.

— Дык а почему нет, коли друг просит в кои-то веки.

— Вот и славно, — отстранился от стены Дарко, случайно напоровшись на пристальный взгляд Волота.

Младший княжич отвернулся, стиснув зубы, и, забрав у Полада с рук чару, поднял к устам, сделав пару глотков чуть горьковатой бражной медовухи, вернул опустевшую посудину обратно. В голове шумело, и питьё всё горячило кровь.

— Что-то тесно мне тут. Я пойду, — бросил небрежно он.

— Ступай, а я, пожалуй, останусь со своими людьми. Хоть отец твой и не очень-то рад моему прибытию, но добрый у князя Мстислава мёд, — хмыкнул он, развернулся и пошёл к столу. Дарко фыркнул — друг совсем не изменился. Постояв некоторое время, он тоже развернулся и направился к выходу, оставляя шумные, пропитанную терпкими запахами палаты. На самом деле он смертельно устал, ещё не отдохнул с дороги после поездки к ведунье Бреславе, и лучше выпастись как следует перед отъездом в Елицы.

Повернув в тёмный переход, княжич едва не сбил с ног чернавку, да только та не поспешила отскочить, напротив, прильнула плотно, как тёплая волна к лодке, и тут же он ощутил на животе горячие ладони.

«Поджидала, знать», — скользнула и застыла догадка, как капля воска на свечи.

Голубые глаза сверкнули прохладно и томно, потухли в густой тени ресниц, пленили. Дыхание перехватило, когда руки девицы скользнули на пояс, забрались под подол рубахи, пробравшись к тесьме портов. Дарко понадобилось некоторое время, чтобы сбросить оцепенение и склониться к осмелевшей девице. Тут же отыскал в темноте губы, что оказались такими сладкими и мягкими, аж озноб прошёлся по телу, и Дарко с напористой жадностью впился в них, вдыхая кисло-сладкий запах, кажется, яблони, от которого он, вовсе потерял ум — слишком аромат был дразнящим, чтобы оттолкнуть девицу, слишком тесно она прижалась, чтобы воздержаться. Её ладонь легла на затвердевшее естество, чуть сжала бесстыдно. В глазах уж совсем потемнело, и Дарко пошатнулся, чувствуя, как кровь мгновенно сгустилась и комом упала в пах, он не сразу заметил, что стискивает и оглаживает плечи девицы в ответ. Губы девушки блаженно растянулись в улыбке, когда пальцы её скользнули вверх-вниз, выталкивая из дурманной головы всякие мысли. Вынести такое было невозможно, ощутил, как ласки быстро приводят его к слишком скорому удовлетворению.

Дарко одной рукой перехватил запястье распутницы, другой легонько сдавил шею, притягивая девку к себе теснее, так близко, что он ощутил жар её дыхания на своих губах, а под пальцами — бешено колотившуюся жилку. Когда бурлящее в венах вожделение спало, оставляя только klokok сердца, Дарко припомнил, что по воле Мирогоста последние полгода к женщинам он не прикасался.

«Клятый старик!» — выругался он про себя. Но данный перед богами обет нужно исполнять до срока, иначе какой он воин, коли млеет от одного касания девицы, как бесхребетный отрок.

— Принеси ещё мёда моему другу, — шепнул он прямо ей в губы.

Чернавка, в недоумении бегло посмотрела ему глаза, вдруг отвела взор — запоздало взял её стыд. Выпустив её, княжич отступил. Девица же бросилась прочь и уже скоро скрылась за тяжёлыми створками дверей.

Выдохнув с шумом, Дарко поправил пояс и ворот рубахи и пошёл к лестнице.

Шаги гулко отдавались о белокаменные стены и раскатывались по потолку, по пути Дарко никто больше не встретился, и он свободно поднялся в опочивальню. В покоях уже хлопотал Миряга, парень шестнадцати зим с пшеничными вихрами и узким бледным лицом, ловко поджигал светцы, успев натаскать и угли в чугунах, и воду для вечернего омовения. Дарко отослал Мирягу от себя, пребывая в дурманном тумане. Тот, пригибая голову, подчинился велению княжича, бесшумно выскользнул за дверь. Оставшись один, Дарко, скинув с себя кафтан и умывшись большими пригоршнями прохладной воды, что принёс отрок, повалился на постель, устало прикрыл глаза. Голова кружилась так, будто его раскачивала в люльке усердная нянька. На теле всё ещё горели следы девичьих рук, а сладость губ сбивала всю горечь выпитой медовухи. И сквозь муть билась тревожная догадка. Странно, он не видел раньше эту чернавку в тереме. Княжич откровенно посетовал, что и имени не выспросил. Нужно быть настоюще, всё же доверять Горяте и Венцеславу не стоит, да и не вызывали они никакого доверия, ведь верно после их появления в палатах в посад поползли разные слухи. Волот ищет поддержку у них больше, чем у собственного брата, и с каждым днём отношения становятся всё холоднее, будто между братьями пробежала чёрная кошка.

Дарко вдохнул полной грудью, унимая дурноту. Благо в опочивальне было свежо, и от каменных стен веяло прохладцей, потому постепенно делалось лучше. Завтра предстоит отъезд

в Елицы, вспомнил он, заставляя себя уснуть. Пусть и два дня пути, не так уж и много, но суждено ночевать под открытым небом. Но сон не шёл, несмотря на то, что день оказался тяжёлым, да ещё этот пир, и в голову лезли скверные мысли, разрывая на части. И больше всего тревожила выдумка Волота о женитьбе на деревенской девице. Хотя и прошёл почти год с тех пор, как погибла Града, но нужно отдать дань уважения князю Бориславу, и пускать слухи о новой невесте неразумно. Впрочем, Мстислав поддержал сына. Матушка же, хоть и имела на это свои измышления, но делиться ими ни с кем не стала, согласилась с волей мужа.

А в том, что одна из внучек свободна, как ветер в поле, Волот перед отцом заручился, потому как на шее у неё нашёл горсть оберегов, что носят только незамужние девицы. А потому нужно поторопиться, чтобы кто-то не забрал её раньше него.

Дарко повернулся на бок. Свет от масляных светильников тускло озарял пустые стены, ледяная тишина окутала княжича, как толща снега. Но напряжение всё ещё не отпускало. Раньше Дарко не пугала способность брата блуждать бесплотным духом по землям и дремучим лесам.

Рассказы, как тот ловил и щупал девок, казались ему всегда увлекательными, до поры, пока Дарко понял, насколько это всё серьёзно, и как далеко брата утягивает его вторая личина. И где носилась в эти мгновения его душа, только отец-Велес знает. А после смерти Грады Волот так и вовсе канул во тьму, уход возлюбленной потряс его. И дошло до того, что если раньше редко с ним случался недуг, то ныне проклятие могло подкашивать его любое время и в любом месте. Князь Мстислав бросил все силы, чтобы исцелить старшего сына. Беды посыпались с того времени, когда Волот вышел из отрочества. Сначала Дарко не рассказывали о проклятии, да и было ему на то время почитай семь зим отроду — много ли понимал? Но когда Волот надолго засыпал и не выходил подолгу из палат, бывало, и до седмицы, тогда младший стал понимать, что со старшим что-то не так. Сколько тогда приходило к князю знахарей, волхвов да колдунов — не счесть. Только руками они разводили, кладя ладонь на сердце, клялись, что не встречали никогда подобного случая, а найти наславшего проклятие отказывались, признавая своё бессилие.

Дарко издал тяжкий вздох, и грудь будто придавило каменным пластом. При воспоминании о волынянинах княжичу и вовсе сделалось горько. Полад только пуще разжёл желание поскорее вырваться на волю.

Пребывая в беспокойных думах, княжич не заметил, в какой миг его сморило. А когда открыл глаза, то ощутил себя вполне сносно, несмотря на то, что выпил едва ли не бочонок бражки вперемешку с медовухой. Всё же наставления Мирогоста имели ценность, если бы не обет, оставил бы подле себя ту девицу, и вряд ли она позволила бы ему прикорнуть, мотала бы всю ночь. Хотя по совести, и пить бражку не следовало.

Поднявшись с постели, тут же услышал тихие шаги Миряты. Отрок с извиняющимся видом принёс воды для питья и чистую одежду, но тут же удалился, а вернулся уже с ушатом воды и рушниками. Палата за ночь выстыла, и когда Дарко стянул исподнюю рубаху, по спине к затылку прокатилась зябь. Совершив омовение, он облачился в чистые одежды, покинул опочивальню, наказав помощнику предупредить о сборах в дорогу Полада, хотя нужно было это сделать ещё вчера. Мстислав не позволил толком переговорить с другом.

Белокаменный терем озаряло поднимающееся из туманной дымки светлое Дажьбогово око, пробуждая нагромождёнными строениями посад. Людей в Дольне нынче было тьма, к зиме всегда так. Купцы спешат продать свои навезённые с чужих земель товары, а народ запасается на лютые холода всем необходимым. Дома в Дольне разрастались как грибы, сюда стекались и волыняне, и выходцы с дальних краёв.

Спустившись вниз по пустым палатам, Дарко направился напрямик в отцову сторону.

Выставленные спозаранок у входа гридни распахнули перед ним обитые железом двери, и княжич свободно вступил в просторную, залитую голубоватым утренним светом хоромину. Ждать никого не пришлось — отец уже сидел за столом, у распахнутых ставень возвышался Волот, чуть поодаль сидел, опираясь на посох, Мирогост. Брат первым повернулся в сторону дверей, сложив на могучей груди руки.

— Доброго здравия, — поприветствовал Дарко мужчин, проходя вглубь по выставленной на полу багряной ковёрной дорожке.

— И тебе не хворать, — хмуро глянул на него Мстислав, ответил за всех, поднимая на сына тяжёлый, как свинец, взгляд, зная не спал всю ночь, предаваясь думам.

В последнее время вместе с притоком народа пришло много хлопот, и пока Дарко гонялся по всей окраине Должны за ведуньей, немало князю тут задач перепало.

— Садись, — позволил он.

Дарко опустился в одно из массивных резных кресел, положив локти на стол, сцепил пальцы в замок, окинул внимательным взглядом Мстилава и перевёл его на Волота. Тот держался чуть отчуждённо, и Дарко не мог не заметить туманной пелены в его тёмных, как дёготь, глазах, припоминая, что вчера братец выглядел куда бодрее.

— Надеюсь, путь ты проделаешь не зря, — начал издалека Мстислав, отвлекая от раздумий.

— И я надеюсь, — ответил Дарко и тут же добавил: — Сложно будет забрать молодую девицу из семьи.

— Можно было бы сказать правду, всё как на духу, — подал голос Мирогост.

— Да, — согласился с волхвом отец. — Но только кто по доброй воле согласится тягаться с проклятием? Или забыл, что приключилось с теми, кто посмел нарушить границы Хозяина, — Мстислав последние слова подчеркнул с нажимом, но вздохнув устало, проговорил спокойнее: — Никакое злато не оплатит такое.

— Однако ещё никто не отказался от богатств, — вмешался Волот. — Думаю, что этого будет достаточно, чтобы договориться с любым человеком.

Перед Дарко со звоном грохнулся кожаный расшитый узел.

— Прикажешь отправиться с таким добром в дикие места? Верно, скорой смерти моей желаешь? — глянул на него Дарко, считая, что брат просто насмехается над ним, но тот был крайне серьёзен, ни доли насмешки в глазах.

Дарко прокашлялся.

— В таком случае, со мной едет Полад, — объявил он, хотя он поехал бы в любом случае.

Отец даже вытянулся, пальцы в перстнях его вздрогнули, но Дарко не позволил ему возразить.

— Он опытный воин, и ему я доверяю, — продолжил княжич, повернувшись к отцу, глядя прямо ему в глаза, выказывая твёрдую решимость.

Уже давно вырос и сам может решать, как ему поступать. От него не ускользнуло, как по лицу Мстислава прошла судорога, вспыхнула и тут же потухла смута, отец совладал со своими чувствами, уступил.

«Пусть устраивает опалу черни. С него довольно», — Дарко с раздражением отвёл от отца глаза, подхватывая увесистый ценный узелок, взвесил в руке — четверть пуда, не меньше. Так и казну недолго расточить, если каждой знахарке столько кунов отсыпать. Впрочем, ему безразлично. Он сильно устал от всего этого. Распахнув налатник, сунул плату подальше от глаз.

— Если всё сложится, вернусь к новолунью, — буркнул он.

Мирогост, что сидел всё это время в стороне, поднялся и прошёл к Дарко, сжимая дубовую палку в кулаке. И зачем она ему нужна? Старцем Мирогост не был — в расцвете сил, пусть у висков и простреливала прядями седина. Только умудрённые глубокими знаниями синие глаза делали его стариком. Он, сунув руку за длинный, в пол, балахон, достал из-за пазухи что-то, положил связку, оказалось, оберегов, на стол.

Повисла тишина. Мужчины долго смотрели на них, даже Волот на миг ожил, склонился, рассматривая железные и костяные подвески. На некоторых были начертаны руны, на других лунницы — обереги, дающие носительнице немалую женскую силу. Дарко они были все знакомы, ведь именно он забрал их у бабкиной помощницы и привёз сюда. Мирогост попросил их, чтобы вывести что-то о девках.

— Отдай это внукам ведуньи Бреславы, они должны принадлежать им, — пояснил сухо волхв, зная больше неразунал ничего важного.

Дарко быстро сгрёб со стола подвески, вложил их в глубокий потаённый карман, туда, где лежали куны, что дюже оттягивали кафтан, поднялся. Волот не отступил, и Дарко вблизи мог лучше рассмотреть брата. И не увидел ничего доброго, только черноту глаз и бледное, обросшее тёмной щетиной лицо.

— Спасибо, — сказал вдруг он грудным голосом.

Дарко долго посмотрел на Волота, не ожидая услышать от него какой-то благодарности, но ответить ему слов не выискал. Поклонившись отцу и Мирогосту, пошёл прочь.

Верно, не налаятся отношения меж ними, и как раньше, никогда не будет — это Дарко понимал отчётливо, а причину тому понять не мог.

Сборы в дорогу прошли быстро, уже к обеду готов был отъезжать. Не успел Дарко снарядиться, как прибежал Мерята, доложил о том, что Полад ожидает уж во дворе. Княжич спустился на площадку, где уже толпились у ворот гридни, прошёл через ряд белокаменных столбов под деревянными навесами. Вдохнул свежий, пропитанный запахом прогоркшей листвы воздух, и сделалось на душе куда отраднее, да после пасмурного дня небо золотилось разводами лёгких облаков, как грядями белой пены на синей глубине.

Полада он нашёл у конюшен. Друг выглядел весьма неважно, помятый и, верно, злой.

— Ты бы хоть предупредил, что в дорогу нам так скоро предстоит трогаться, я бы так не надрался вчера, — скривился он в вымученной улыбке.

Дарко и запамятовал, что оставил волянянина на пиру, да ещё и просил чернавку досыта накормить и напоить гостя.

— Прости, — сделал попытку оправдаться. — В последнее время сам не понимаю, что творится вокруг, — оглядел он пустующий двор.

Мстислав и Волот не выйдут его провожать, и напрасно ждать их, задержится только. Чем скорее отыщет девок, тем быстрее вернётся, может, до первого снега успеет.

Полад плотнее укутался в кунью накидку, взявшись по привычке за рукоять меча.

— Как же звать-то невесту? — не сдержал любопытства волянянин.

Дарко бросил короткий взгляд на друга.

— Не знаю, — ответил честно, оставив друга в некоторой оторопи, и шагнул в сторону ворот. — Пойдём, по пути всё расскажу, — хлопнул он спутника по плечу.

ГЛАВА 3. Нежданная встреча

Росья шла к деревне не спеша, ступая осторожно, чтобы не оскользнуться, заткнув за пояс путающийся в ногах, мокрый от обильной росы подол шерстяного платья. В другой руке она крепко держала тяжёлую корзину, полную лесных грибов. Скользя по размытой дождём тропке, которая превращалась в плотину, она хваталась за буро-красные, напитанные влагой стволы близко росших сосен, избегая падения в грязь.

Из-за сырости запахи леса обострились, густо веяло в промозглом воздухе еловой живицей да свежей хвоей, что пробивало до нутра. Птицам кормиться непогода, зато воронья в лесу нынче было тьма, так и слышно кругом грубое карканье. Но Росья оставалась к ним глухая, всё думала о случившемся за последнюю четверть седмицы и сокрушалась. После ухода сестры навалились тяготы хозяйства. Как она и думала, отец распустил половину помощников, оставив только Руяну. Распродал часть скота. Благо хоть из терема стал позволять выходить — голодать никому не хотелось в зиму, а этого теперь уж было не избежать. Росья за вчерашний день натаскала полные короба грибов и лесных ягод для сушки, обобрала и яблони в саду — и всё, что с охоткой можно съесть холодной зимой, не пренебрегая ничем. Матушка тоже работала не покладая рук: ткала и пряла, не прикладывая головы к подушке.

Скверные толки о том, что дочка старосты ушла с Верладом, наложили глубокий отпечаток на Доброгу, слухи больше изматывали его, нежели хлопоты хозяйские. Урон отцову влиянию и власти среди селян был глубокий — старостой его уж более никто не называл, не обращался, не звал на общие сборы, и терем их обходили поодаль. И уже совсем скоро поставили другого, да и не потребовалось народу долго выбирать, указали на поруганного и оскорблённого мельника.

Росья остановилась у опушки леса. Утренний зеленовато-серый туман платом накрыл Елицы, и с лесистого холма под скользящими хмурыми тучами было хорошо видно только верхушки кровлей да островерхие, как наконечники стрел, ели, совсем густо собирались они в кустистых лядинах

[3]

. Ещё вчера с вечера на деревню напоздлы глыбы холодных туч, обрушив затяжной ливень. Выспаться так и не удалось толком — грохотали дождевые капли о кровлю, да и ночевать в светлице одной Росье непривычно было, печально делалось. Так прошли две ночи после ухода Станиславы. Приходилось даже с головой укрываться, благо хоть кошка вернулась, и Росья брала её с собой под одеяло. Мурлыканье её размеренное утешало. До последнего

девица хранила надежду, что сестрица одумается и вернётся, что вновь отругает за порченные наряды и пожалуется на то матушке, но день шёл за днём, и надежда эта таяла, как снег по весне. Станислава так и не вернулась, а попытки отца настигнуть беглецов закончились неудачей.

Росья и не думала, что станет так тосковать по ворчливой сестре, даже не хватало её брани. И свыкнуться с тем, что не увидит больше ту, не узнает, как живёт она, было непосильным. С тягостными думами, Росья старалась пройти незамеченной никем, спустилась с глиняного холма и, теперь уже торопясь, пошла знакомой стёжкой, спускаясь в низину к околице, где как черенок, выступал отчий терем.

Хоть и раннее утро, а впереди из-за плетня вышли две женщины, укутанные в платки и лисьи накидки, в руках их кувшины, верно с утренним удоем. Сердце заклокотало, и руки проняла невольная дрожь. Росья сперва было опустила взгляд, но одёрнув себя, подняла-таки подбородок, хоть это и стоило ей усилий. Успела она наслушаться за спиной злых шёпотов о том, что сестры блудницы беспутные, и что Бреслава недаром покинула дом старосты, ушла. У Росьи и без того подруг не было, а ныне и подавно сторонились, будто на ней метка какая, клеймо.

Как ни старалась Росья делаться равнодушной к сплетням да прохлады подружек, а слова пронизывали сердце, что иглами. Она-то перед ними ни в чём не виновата, и верно позор ещё долго будет лежать на ней и родичах. Вот и батюшка обронил вчера за трапезой, что жениха для младшей искать в другой деревне станет.

Женщины, поравнявшись, прострелили Росью недобрыми тёмными глазами, скребнули девицу осуждением. И когда та минула их, то опустила глаза и шла теперь, смотря себе под ноги. Глаза всё же затуманились. Так же быстро она прошла через яблоневый сад, отперев затворку, скользнула в калитку и только ступила на порог, как снова влил дождь, успев зацепить Росью. Ледяные капли попали за ворот и на руки. Девица оставила в сенцах на лавке корзину, встряхивая занемевшей рукою, разгоняя кровь, скинула с плеч влажную накидку, повесила ближе к печи, что кочегарилась нынче с самого утра. Прислонив ладони к нагретым камням, Росья постояла немного, грея руки, вдыхая тёплый воздух. Так никого и не дождавшись (Руяна, верно, на задворках хлопочет, а матушка за полотном), она расправила подол юбки, спеша переодеться в сухое, прошла по длинному переходу, ведущему к лестнице. Взойдя в светёлку, Росья тоскливо окинула пустующее помещение. Рыжая спрыгнула с лавки и бросилась к ногам хозяйки, громко мурлыча и трясь о подол платья. Росья склонилась.

— Только ты мне одна и рада, — сказала, заглядывая в прищур янтарных глаз.

Мордочка ткнулась в щёку хозяйки, и сердце её зашлось от тоски, верно так пусто у неё никогда не было на душе. Пустив кошку на пол, прошла к сундукам, теперь у неё было целых два. Подумав немного, Росья открыла сестрицын. С того дня, как ушла она, младшая даже не заглядывала сюда, просто сложив вещи и замкнув замок.

Вытащила одно платье, богато вышитое по подолу, рукавам и вороту цветными нитями — это платье матушка ей вышивала. Росья поднесла его к лицу, вдохнула — пахло зверобоем, остался ещё запах Станиславы. Повесив его на крышку, достала следующее, скромнее, но из тёплого толстого полотна, это платье от матушки передалось ей, а той досталось ещё от её матушки Бреславы. Его-то Росья и отложила.

Переложив ещё пару платьев, она добралась до белоснежных купальских рубах. Их она уж точно не наденет. Если отец сосватает кому летом, то к костру купальскому уже не выйдет она кружить хороводы. Разложив всё по местам, Росья захлопнула крышку. Подобрав отложенное платье, она вернулась к своей лавке. Рыжая запрыгнула на краешек, принялась умываться, так и слышно шуршание. Стянув мокрую одежду, Росья оглядела себя. Никогда она не задумывалась, хороша ли была собой и как могла бы видаться не сестрице и матушке, да Руяне, а мужчине. От подобных мыслей краска залила щёки, и Росья было потянулась за платьем, но передумала. С чего бы ей стыдиться? Привыкла, что Станиславу ставили выше, ей и внимание, и похвала. Росья всегда была в её тени, нисколько не задумываясь о том, что могла быть в чём-то и лучше. Она повернулась и медленно прошла к полукруглому отполированному до блеска медному листу с узорами по краям. Росья в него заглядывала редко, а теперь её потянуло к нему, как к прохладному омуту. Сжимая в руках влажную косу, она предстала перед зеркалом и опустила руки, оглядела отражение. Кожа её была белая, плечи не так округлы и покаты, как у сестрицы,

и руки тоньше, грудь вовсе не пышна, живот плоский, как гладь озера, а не мягкий, как у Станиславы. Росья задышала часто и глубоко, вглядываясь в черты своего бледного лица, только губы горели багряным цветом, будто клюквы обжелась, и казались слишком распухлыми.

Сестрица всё одно краше будет, и всё по справедливости её только и любить, а Росье трудиться. Рядом со Станиславой все парни Елицы собирались, а про Росью всегда забывали, но странное дело, до сего мига она не омрачалась этим, ей даже то и на руку было, а теперь вот обида взяла. С чего вдруг?

Росья отошла от зеркала, погладила кошку, успокаиваясь, и вдруг поняла, что хотела бы оказаться на месте сестры. Всегда хотела, просто не понимала. Эта мысль привела в оцепенение.

«Не правильно всё это!»

Она подхватила с лавки исподнее, натянула на себя, следом платье, торопливо сунув голову в ворот, одёрнула подол, подпоясавшись тонким кожаным ремешком. Не успела она переплести косу, как услышала за дверью шаги, тихие, неспешные, так только матушка ходит. И впрямь на пороге появилась Вельмира. Матушка улыбнулась ласково и прошла вглубь.

— Вернулась уже?

— Что случилось? — просила Росья, припоминая, что Вельмира редко когда заходила к дочерям.

Мать тяжело вздохнула, обведя горемычным взглядом светёлку.

— Шерсть закончилась, а к Белояре идти не хочу. Раньше-то всё Станиславу посылала...

А ведь и верно, раньше матушка у неё брала кудели, но после того, как сбежала сестра, Белояра нос стала воротить да фыркать.

— И что же делать? Где брать теперь?

— В Калышане, — ответила тут же Вельмира. — Там знаю много прях.

Росья в уме представила, что путь неблизкий, но деваться некуда.

— Я бы Руяну отправила, но много ли она смыслит. Может с тобой её послать? Всё веселее.

— Не нужно, — отказалась Росья. — В доме хлопот полно: печи топить, пироги печь. А ты... приляг, отдохни...

Вельмира только благодарно на неё взглянула, и лишь теперь Росья рассмотрела, как устала мать: залегли морщины в уголках глаз и веки потяжелели, а губы вытянулись в упрямую линию, и видно держала она себя от отчаяния, прикладывая все свои внутренние силы.

— Ничего, мы справимся, — обронила невольно Росья утешительные слова, хоть этого раньше она никогда не делала.

За всё Станислава держала ответ, теперь Росья поняла это отчётливо.

Мать только кивнула, уронив взгляд, посмотрев в сторону, туда, где пригелась кошка, улыбнулась легонько. А потом взяла руку дочери и вложила в неё кошель.

— Поспеш, чтобы дотемна успеть, — сказала матушка, высвобождая руки, и Росья спрятала кошель за ворот платья.

— Доброгу я уже упредила, что тебя посылаю. Ступай, пусть боги хранят тебя.

Росья, повинувшись какому-то внутреннему порыву, подалась к матушке и коснулась губами мягкой щеки Вельмиры, отстранилась, быстро вышла из светёлки, думая о том, что матушка отдала последнюю ценность, что накопила она за год.

В сенях уже хлопотала Руяна, рассыпая на расстеленные полотна собранные Росьей грибы.

— Далече? Дождь какой льёт, — спросила чернавка, кода Росья накинула на плечи козух и покрыла голову накидкой, подвязывая её очельем, чтобы та не сбилась — идти придётся быстро.

— Недалеко. Скоро вернусь, — ответила Росья и выпорхнула в двери, избегая излишних расспросов чернавки.

Небо затянулась тучами ещё пуще, и на улице так потемнело, что казалось, не день на дворе, а глубокий вечер. Дождь и в самом деле припустился сильнее, чертя в воздухе серебристые стрелы. Благо народ разогнал по избам, и Росья свободно вышла за околицу, поднимаясь по тому же холму, скользкому и залитому водой. Впору палку брать для опоры. Так и брела, придерживаясь лесной тропки, медленно, но верно приближаясь к Калышане. Деревенька та была у речки узкой в десять изб. С женщинами этого селения Вельмира вела дружбу, обмениваясь с теми сотканными полотнами да шерстью, и договориться с ними было проще,

нежели с соседями, вот только больно далеко те жили. Стало куда веселее, когда дождь стих, хоть по-прежнему хмурило над головой. Голый лес окутало сонное марево. Тропкой редко кто ходил, но боязно всё же было, лысо кругом, прятаться некуда, это не летом, когда листва бушует, и любой куст становится надёжным сходом. В ответ этой мысли Росья невольно подняла глаза, чтобы осмотреться, да так и приросла к месту.

Навстречу ей смутными силуэтами двигались люди, да не деревенские, и не телегой, а всадники, пять человек. Сердце ударилось о рёбра и бешено заколотилось.

Росья заозиралась. Бежать было некуда, да и мужчины приметили одинокую путницу, устремляя на неё взоры, и голоса их стали докатываться до ушей девицы, вызывая волнение и страх. Росья не вольна собой сошла с тропки, всё выискивая взглядом подходящий лаз, куда можно было сбежать, но не успела она оглянуться, как путники поравнялись с ней. И только тут поняла, что не просты те были. Тати не ездят с богатой упряжью, а тут и подвески кованные, и лошади ухоженные бурнастой да каурой масти, в Елицах ни у какого хозяина такой породы не сыщешь. Бывало, купцы заезжали, вот они имели меринов, что на загляденье. Поуспокоилась. — Здравствуй, добрая путница, — поздоровался кто-то из них.

Росья медленно и несмело подняла взгляд на заговорившего с ней, оглядывая высокие кожаные сапоги, подвязанный длинным поясом кафтан из дорогой ткани, полы которого до щиколоток доходили. Заглянула в лицо, дыхание её затаилось. Лицо мужчины было светло и доброжелательно, хоть твёрдо и мужественно показалось ей на первый взгляд, но больше всего Росью подивило, какие тёплые глаза у того были, никакого зла в них не схоронишь, никакого безбожного умысла. Он переглянулся с другим мужчиной, уж сильно отличавшимся от остальных: волосы, как и брови, светлы, недлинной была борода. Но больше всего заворожили глубокие синие глаза. Таких она отродясь не видела, они напоминали ей глубину холодного зимнего неба, кожа тоже бледна, будто лучи Дажьбоговы касались его меньше всего из присутствующих. Взгляд Росьи забегал от одного мужчины к другому и в сердце росло глубокое смятение, холодело, чего они тут забыли в краях диких?

— Не бойся. Плохого мы ничего не мыслим, — успокоил, будто прочёл её думы, мужчина с орехового цвета глазами — похоже, он был среди остальных главным. — Ты, верно, из деревни Елицы? Будь добра, подскажи дорогу? — попросил он, чуть улыбаясь краешком губ.

Взгляд Росьи так припал к этой улыбке. Станислава бы разомлела, охотно показала бы дорогу, наприсившись с ними в путь.

Росья моргнула и раскрыла губы, чтобы говорить, но поняла, что забыла все слова.

Неимоверными усилиями, совладав с собой, она-таки кивнула в сторону родной деревни.

— Эта стёжка и приведёт, — ответила она коротко.

— Спасибо, краса, — прищурились в задумчивости лучистые глаза. — Меня Дарко зовут, как же твоё имя, если не тайна?

Росья так и обмерла.

«Дарко, Дарко», — забилося у неё в голове. — «Вот и гость...»

— Дарко, не пугай девицу,пусти, — вступился светловолосый мужчина. — Не видишь, побледнела, что мел.

— Прости, — обратился вновь Дарко к Росье, и взгляд его невольно скользнул по ней, отчего той так неловко сотворилось на душе, что в пору сквозь землю бы провалиться.

— Хорошо, — ответил он, будто самому себе, и чуть склонился, глядя с высоты. — Будь осторожна, такой красоте нужен догляд. Уведут, — сказал и, ухватившись крепко за повод, тронул лошадь.

Остальные последовали за ним, поочерёдно впечатывая любопытные взгляды в Росью.

Она и не смотрела на них, наблюдая, как копыта грязи отскакивают от копыт лошадей.

Всадников быстро скрыл полог деревьев, и только тогда Росья бессильно привалилась спиной и затылком к стволу дерева, чтобы отдышаться. Поход в Калышань теперь не мыслился. Росья отпрянула от сосны и быстрым шагом пошла обратно к Елице.

Росья сначала пошла шагом, а потом сорвалась на бег, глядя, как грозно чернеет над ней небосклон — ещё немного, и распорется утроба, и на несколько сажений уже ничего не будет видно, а моросящий дождь обратится в ливень. Стоило поторопиться. А ведь уже за это время была бы в Калышани — рукой подать, там бы могла у кого из прях переждать стихию. Видно, не суждено ей ныне туда попасть.

И в самом деле, через пару вёрст настиг ливень, да такой, что не уберёжёт и толстый кожух. Подобрал мокрый подол ставшего и без того неподъёмным платья, Росья перешла на быстрый шаг. Холодные капли били по лицу ледяными струями, туман застилал глаза, ледяные ручьи сбегали к шее за шиворот, и не разглядеть что-либо впереди, лишь пузырящиеся лужи под ногами. Идти по стёжке стало невозможно, и Росья свернула с пути на траву, но и там грязь набивалась на подошвы сапог, затрудняя и без того тяжёлые шаги. Несколько раз она поскользнулась и чудом удерживалась на ногах. Сердце билось, как у испуганной лани, но ненастье не пугало её, дрожь понимала от другого. Вновь и вновь припоминала она вопросы чужака. На купца не похож — молод ещё, для сына какого-нибудь зажиточного землевладельца слишком богат. И что понадобилось ему в Елище?

Совсем скоро она промокла насквозь, до исподней рубахи, и ставшая непомерно тяжёлой одежда только мешала идти, давила, прилипала к голове плат.

Добралась до спуска и тут-то задумалась крепко. Верно, боги уберегли — послали другой дорожкой, а она, неразумная, возвратилась. Кто знает, что на уме у чужаков богатых. Но ведь бабка Бреслава не упомянула, чтобы остерегалась она гостя. Или о другом госте толковала? И те, кого она видела и слышала в своих видениях, никак не связаны со словами ведуньи? Да и с того мига, как ей открылось провидение, боги больше не являли ничего. Росья даже намеренно пыталась призвать себя к прорицанию, но ничего не выходило.

Мысли путались, но Росья упрямо шла к селению, будто не она сама, а что-то тянуло её к родному терему. Елица вскоре завиднелась за беспросветной туманной пеленой среди древесных стволов, неизменно проседая в мутном киселе, только выглядывали оконца из глубины. Всадников нигде не было видно, и даже если оставались следы, до дождём в миг всё размывало.

Сама не своя от тягостных дум, что вихрем кружились в голове, Росья чуть не упала, проехавшись с холма к низине, благо успела ухватиться за колышек плетня, едва не шмякнувшись в лужу и не вырвав плетень с корнем, замерла, оглядывая пустынные улицы — нигде не видать всадников, ни в дальней стороне у мельника, ни на единственном постоялом дворе. Уж было отлегло. И тут же встревожилась — неужели мимо проехали?

Росья, больше не раздумывая, бросилась бежать к терему, не заботясь о том, что всё платье её до колен забрызгано грязью.

«Сестрица бы выругала за бабкино платье-то».

И вся она, как мышь, мокрая и дрожащая с задворок влетела в калитку. С главных ворот не решилась, отчего-то предчувствуя, что гости остановились у отца на дворе. И сталкиваться с ними в таком виде уж не желалось ей, хоть должно было быть и всё равно. Росья провела по лицу холодной ладонью, вытирая с ресниц влагу, почуяв, как пальцы пахнут грибным духом, и сама она пахнет вся лесом. Невольно и на свой наряд обратила внимание — уж верно приняли они её за дурнушку, посмеялись, поди, встретив такое пугало в лесу.

Росья разозлилась: — «Да чего это я, в самом деле!»

Она у себя дома, на родной земле и пахнет именно ей, и ничего в том постыдного нет!

На пороге её встретила перепуганная вусмерть чернавка, побледневшая, что поганка. Росья не успела оправиться, в груди так и подскочило сердце, пропустив удар, показалось даже, что терем покачнулся.

— Что стряслось, говори же?! — не выдержала она, вцепившись в плечи чернавки.

— Да ты заходи скорее, чего мокнешь-то под дождём, — запричитала она, утягивая Росью в натопленные сенцы. — Чего ж раскрывшись, захвораешь ведь.

Росья и не заметила, что платок её давно слетел с головы, и косу хоть выжимай, как, впрочем, и всю одежду. Руяна, сокрушённо качая головой, принялась стаскивать с хозяйки неподъёмный кожух, сапоги, полные воды.

— В баньку бы тебе... она уже топится... — тревожно сетовала она. — Ты пока погрейся, я сейчас воды горячей ушат налью, ноги попаришь, отвара сделаю травяного с ягодами, — тараторила она, и Росья отчётливо различила в голосе её сильное волнение. — Идешь тебя носило-то, лебёдка?

По её болтовне Росья поняла, что или ничего и не случилось, или скрывала она что-то. Неужели и впрямь путники не добрались до деревни, свернули в чашу дождь переждать, а она-то, дурёха, пустилась, не помня себя, за ними? Росья омрачилась, подумав о матушке. Вельмира будет

недовольна, что дочь не принесла кудели. Не доверится больше. Сделалось совсем скверно, хоть в пору плакать.

— Не нужно в баню, ноги попарю и всё, — отмахнулась она, плюхнувшись на скамью, разматывая мокрые онучи, чувствуя, как тьма внутри сгущается.

«Выходит, всё же ждала гостя, что бабка Бреслава ей напороочила?»

— Как же не нужно? — встрепенулась Руяна и склонилась. — У нас гости, да какие знатные, — шепнула она, и по плечам Росьи так и пошёл морозец. Она резко повернулась к Руяне и медленно поднялась с лавки.

— Гости? А чего молчала?! — шикнула она, сдавливая в гневе голос.

— Дык, — растерялась искренне чернавка, круглое моложавое лицо вытянулось, карие глаза сделались испуганными.

Росья укорила себя, что зря набросилась на неё, всё та в первую очередь о хозяйке побеспокоилась.

— Отец велел тебе, как вернёшься, в светлице запереться, сесть там, пока он не дозволит выйти, — вытянулась чернавка. — А коли потребует выйти, так не в таком же виде, хоть волосы успеть просушить.

Росья долго смотрела на неё глазами, полными непонимания, осозная всё, что сказала Руяна. Мало-помалу смысл её слов начал прокрадываться, от чего внутри постепенно смерзлось сердце.

— Зачем выйти?

— А за тем, милая, что жаних к тебе приехал, вот. Дождалась ты своего счастья, и какой жаних! Сын князя Мстислава из града Дольна, — сказала она, деловито подбоченившись.

В глазах Росьи совсем потемнело.

«Какой жених? Как?»

Дурно в миг сделалось, ком тошноты подкатил к горлу, с шумом втянула скудный воздух и отвела глаза от чернавки, запоздало понимая, что дрожит от холода, хоть печь дышала в лицо жаром.

— Погоди, — вдруг опомнилась она, припоминая, что в видении своём слышала, как тот мужчина, который стоял спиной, сказывал что, нашёл их. Стало быть, за старшей сестрой приехал, поняла Росья, но чернавке сказала другое: — Не позовёт меня батюшка. За Станиславой они приехали, а мне, — Росья стрельнула на неё горячим взглядом, — забыла сколько зим? Чего мелешь попусту?

— Так и што? — округлила глаза Руяна по-простецки. — Так наоборот, чем не невеста? Ценнее от того во много раз Станиславы.

Росья фыркнула. Руяна всегда недолюбливала сестру старшую, та тоже всё пыталась чернавку поддеть да поторопить, ругалась за её нерасторопность и глупость несусветную. Руяна хоть и была немного старше Станиславы, но терпеливо сносила её упрёки да недовольства, хотя у неё и выбора-то не было. Росья считала девку вовсе не глупой, напротив хлопотливой, заботливой. Пусть и не грамотна, но дело своё верно исправляет, да и душевного тепла в ней намного больше, чем у сестрицы. Росья припомнила, как назвала Станислава её сухарём — вот уж сболтнула, не подумав, а ей осталось в памяти обида.

«Право, чего она разволновалась, отец ни в жизни её не отдаст раньше срока. Или отдаст?»

Росья посмотрела на дверь в сторону горницы. Послушать бы, о чём толкуют. Чернавка будто мысли её прочла, тоже глянула в ту же сторону.

Росточком она была невелика, потому Росья поглядела вверх её головы, пытаясь высмотреть в дверях отца.

— Где они? — поежилась Росья.

— В горнице, — кивнула Руяна. — Как они к воротам-то давеча подъехали, Вельмира велела стол собрать, приказав всё выставить, ничего не жалея. А соседи глаза та вытаращили, когда такая рать к нам подъехала. Теперь зависть задушит, покоя не даст, чего это гости к старосте-то приехали.

Да, теперь толков много будет в деревеньке. А ведь и хорошо, что приехали, теперь-то всё, может, и сладится. Как бабка Бреслава сказывала: «Бедствовать не будете». Всё сходится, но если Руяна ничего не напутала, и приехали они за невестой, то стоило затревожиться. Однако внутри уверенность возрастала, что батюшка не отдаст Росью. Но почему бы не отдать, это же

не сын мельника — княжич. Снова Росью начало трясти, и сама не понимала, от чего — чувства смешались.

Росья втянула в себя горячий воздух, шагнула было в клеть, но Руяна за рукав её поймала, преградила дорогу, не пустила.

— Куды!? — шикнула она.

— Я только посмотрю.

— Сказано же, не велел батюшка, — упёрлась чернавка. — Неча тебе там делать.

Отвязаться от Руяны было не так-то просто, но в самом деле Росья и не собиралась выходить к ним в таком виде.

— А матушка где?

— С ними она.

— Я только послушаю, о чём толкуют.

Руюна замялось было, но сдалась, любопытство взяло вверх.

Росья, оставаясь босой, в таком же сыром и запачканном платье, тихо прошла по недлинному переходу, ведущему к горнице, остановилась у приоткрытой двери, откуда сочился свет и звучал грубый голос отца. Глянула на чернавку — та, казалось, перестала дышать, прильнула к притолоке. Сначала Росья пыталась высмотреть что-либо, но увидела только край стола.

Матушка, верно, очень постаралась, не смотря на наступившее тяжёлое время, не поскупилась, выстелила перед гостями и скатерть вышитую. На стол поставила резную посуду да богатое, что ещё оставалось у них в запасе, съестное, да питьё пряное в скудельях да ендовах. Ещё Росья увидела чей-то локоть на столе да краешек плеча, но не поняла, кто из мужчин сидел спиной к ней. Отбросив попытки что-либо рассмотреть, затаилась, вся обратилась в слух, улавливая приглушённые переговоры мужчин.

Руюна, что пристроилась рядышком, тоже прильнула ухом, расширив до невозможности глаза, и уж очень смешливой выглядела она.

— Может, не надо? Грешно, — прошептала.

Росья шикнула, прижав палец к губам, и забылась, услышав другой голос — спокойный и глубокий. Голос Дарко.

— Бреслава — матушка жены моей, — голос отца был напряжённым. — У нас она жила, так почитай уже осьмую зиму в чужих землях скитается, если не померла ещё, — отозвался Доброга не лестно, видно, до сих пор обиду держал, что покинула Бреслава дом.

— Почему тебе, княжич, понадобились мои дочери? Разве в княжестве твоём красавиц мало? Росья притаилась, замерло дыхание, и пальцы задеревенели.

— Девицы верно не просты по крови своей. Не стану скрывать, потому и дороги. Ныне невест ведающих мало, а нам с братом жёны нужны не ради богатства, но мудрости.

Отец к удивлению Росьи довольно кашлянул, понравился ему ответ Дарко.

— Опоздал ты, — вдруг промолвил Доброга. — Старшая... с мужем уже со своим в другую деревню ушла, только почитай как четвёртый день, а Росья... Росья младшая мала ещё на выданье.

Повисла тишина, и так давила она Росье на уши, что в глазах потемнело, и жарко вмиг сделалось, даже ладони закололо.

— Ну, так и нам некуда спешить, — подал голос Дарко. — Пусть зимует у нас в каменных термах, а к осени и венчаться можно.

Отец ещё больше посуровел, верно, не доверился словам княжича.

— Вот приезжай вновь к осенним дедам, — не уступил отец и не иначе из своей на то выгоды.

— Не могу я, путь не близкий, в поход мы с братом сбираемся в волыньские земли, а дочка твоя пусть поживёт у нас, попривыкнет. Ей-то сподручнее так, нежели сразу, не зная ничего, в чужой дом да под венец. Выкуп за невесту сразу могу отдать.

Снова повисло тягостное и неумолимо долгое молчание. Росья заглянула в щель. Вдруг тот, что сидел спиной, отложил ложку, полез за кафтан, выуживая оттуда что-то, положил на стол, — оказался узел, брякнули в нём никак куны?

Отец, испытывающий молчанием гостей, не спешил с ответом. И Росья сама страшилась думать о том, чего хотела больше услышать — отказ или согласие.

— Обожди, не так сразу. Подумать мне нужно, — сказал, наконец, Доброга, но в голосе его веяло растерянностью.

Оно и понятно, на такой драгоценный выкуп он бы мог семью кормить до старости лет, что же будет ещё и после венчания? Такое богатство любому голову затуманит. Доброга ещё держался. — Ты думай, — спокойно ответил Дарко. — Ждут меня заботы, посему надолго не могу задерживаться.

Росья увидела руку отца, она, будто чужая, не его, потянулась за платой, подобрав узелок, взвешивая.

— Вот что. Ты, княжич, сделай милость, погости ночку. А утром приду с ответом. Мне нужно с женой посоветоваться да с дочкой обмолвиться. Завтра... если не соглашусь, увидишь своё добро тут, на этом самом месте. Тогда и не серчай.

— За гостеприимство и великодушие хозяина, — ответил только Дарко, раздался многозвучный стук.

Упрямо и сердито сжала губы Росья, разозлилась. Коли так невест стоваривают, как товар какой-то, ей не по сердцу это, и верно лучше бы она не слышала речей таких. Она оторвала от двери приросшие похолодевшие руки, отпрянула.

— Ну чего там, Росья? Чего слышала?

Часто и глубоко дыша, Росья перевела затуманенный гневом взгляд на чернавку. Не знала, что и ответить, сердце галопом стучало внутри, будто табун лошадей.

«Вот и явился гость», — пронеслось, как раскат грома в голове.

Руяна хмурилась, смотря на помрачневшую Росью, и в чёрных глазах разгоралось далёкими звёздами беспокойство, стекленели, как бусины сделались, не малый страх в них застыл.

— Руяна, отнеси ягодного отвара наверх, — проронила Росья, возвращаясь в натопленные сенцы.

— Всё сделаю, — настиг уже на лестнице озадаченный ответ помощницы, но чернавка так и осталась простаивать в сенцах.

Оказавшись у дубовой двери, Росья, толкнув её, вошла в светлицу. Рыжая всё дремала на лавке, пряча нос — к холоду, знать. Тихо пройдя к сундуку, откинула крышку и вытянула сорочку — не даром она ей попалась сегодня. Скинув мокрую одежду и свернув, положила ее в плетёнку. Потом неспешно переделалась в чистое, расплела косу, встряхнув потяжелевшими влажными волосами, рассыпая их по спине.

Не припозднилась и Руяна, принесла отвар. Вкусный аромат ягод вмиг заполнил светлицу, Росья приняла питьё, поданное заботливо девкой, стараясь унять прошибившую дрожь. Лицо обволокло пар. Прикрыв ресницы, сделала осторожный глоток, и мгновенно получше стало. Вдыхая глубоко запах лесных плодов и грея руки о черепаную плошку, она подняла взор на замолкнувшую чернавку.

— Если отец позволит, поедешь со мной? — вопрос вырвался просто и как бы невзначай, но душа зашлась от одной мысли, что Доброга согласится отдать дочь, и волей-неволей, придётся покинуть Елицы. А Руяну здесь ничего не держало. Родственники немногие её живут далеко за рекой, и за пазухой у неё деток нет. А в огромных палатах будет где развернуться, хотя такая жизнь суетная, где народу больше, чем тли на дереве, что порой и на улице не разойтись, тяжела будет деревенской простушке. Однако чернавка вдруг просияла, и залегла во взоре искра любопытства.

— А что бы не поехать? — встрепенулась она, ожив. — Велишь коль, так вещи соберу, а как же.

«Вот кому радость...»

— Останься со мной, — попросила лишь Росья и, отставив плошку, устало откинулась на постель, смежив веки.

— Разберу пока вещи Станиславы, — только и услышала она.

Под покоившуюся ладонь подлезла кошка, приластилась. Росья погладила её по мягкой шёрстке. А тяжёлые думы уносили далеко. Чернавка всё же несколько раз выходила, благоразумно не стала лишний раз тревожить притихшую хозяйку болтовнёй, хотя Росья ощущала, что той так и не терпится рассказать новости о происходящем внизу. Потом Руяна вновь вышла, но на этот раз надолго, видно готовила к ночлегу места для гостей. И как бы ни пыталась Росья поверить, а всё не могла, что под одной кровлей будет с знатными гостями, да какими — с самим Дарко Мстиславовичем и его людьми. Выходит, тот, кого она видела в своём видении, был старший сын князя. Росья пыталась припомнить его черты, каким узрела его в видении, но не выходило, только остался в памяти пронзительный взгляд карих глаз, в глубине

которых сверкал иней. А взгляд Дарко окутывал. В его глаза хотелось смотреть неотрывно. Росья смутилась от собственных дум, вспыхнуло лицо жаром. Она заворочалась, но княжич никак выходил из головы, и его грудной тягучий голос беспрерывно звучал далёкими отголосками где-то на краю дремлющего сознания.

Очнулась Росья тогда, когда ливень прекратил колотить по запертым ставням, и поняла, что день уж закончился — смеркалось быстро. Руяна запалила светцы, принесла ушат разбавленного в кипятке травяного настоя, заставив подняться хозяйку. Не умолкая, рассказывала о гостях да богатстве их и о том, как повезло Росье.

Росья же, чувствуя непомерную, сама не ведая от чего, тяжесть на плечах, опустила ступни в горячую водицу. Всё пыталась унять клокотавший страх внутри, трепетала, что осенний лист. Неведенье страшило. И уж скорей бы отец принёс утешение. Руяна, видя беспокойство хозяйки, взялась расчёсывать волосы, напевая тонким голосом заговор на крепкий сон.

Доброга возник на пороге, когда Росья уж укладывалась в постель. Отец был задумчивый и угрюмый. Чернавка, быстро управившись со своими обязанностями, торопливо поклонилась хозяину и выскользнула из светёлки.

Повисло тягостное безмолвие. Росье сделалось неловко от его внимания и от всего того, что обвалилось на неё так неожиданно и не ко времени. Он качнулся, как дуб от ветра, и пройдя к скамье, опустил, уперев один кулак в колено.

— Слышала, поди, всё? — задал отец вопрос густым басом, взглянув на неё из-под нахлупленных бровей.

Росья кивнула, виновато отведя глаза, но отец не был зол на неё, что ослушалась и не заперлась у себя сразу.

— И что помолвишь?

Росья выдохнула. Что тут сказать, разве её слово что-то изменит? Отец уже принял решение, взяв выкуп. И чтобы облегчить и развеять его душевные противоречия, Росья всё же осмелилась сказать:

— Ныне настало сложное для нас время, и верно, угодно так богине-пряхе... — она смолкла, чужая, как сердце и вовсе перестало стучать — уж не подумает ли отец про неё, что она сама навязывается в невесты к княжичу?

Однако Доброга только невесело хмыкнул, качнув головой.

— Так угодно... — повторил он дочерины слова. — Да...

Он глубоко задумался, глаза его сделались туманными.

— Ты не Станислава... — ответил он, ещё больше погружаясь в думы.

А ведь так статья может, что этот разговор окажется последним, но Росья не находила слов сказать что-то утешительное, ласковое, как это выходит у матушки. Искала и не нашла.

— Ты там гляди мне, — ответил он невольно.

Росья поняла, что Доброга тоже искал речи, кои должны стать последним напутствием, и только и вышло, что вскинул он суровый взгляд, выказывая отцовскую строгость.

— Ладно, — сжал он грубыми мозолистыми пальцами коленку, — значит... высыпайся, а завтра в дорогу собирайся. Если обветрит, — отец поднялся, направляясь к двери, но остановился и обернулся.

— Всё же тебе повезло больше. Станислава... — сглотнул он, — непутёвая девка... — он не договорил, замолк, верно, подбирая слова, но не нашёл подходящих. Тяжко выдохнул и вышел. Росья, казалось, вечность смотрела на закрытую отцом дверь, осознавая, что с этого мига жизнь её поменялась, но что грядёт вместе с этим, ей пока это не раскрывалось. Все её предчувствия сбылись. Вдруг Росья вспомнила, что Дарко упомянул о бабке, значит, он виделся с Бреславой. И невеста им нужна не простая, да только что ценного было в ней, Росья не могла взять в толк. Не умеет даже предсказывать, когда то требуется. А по хозяйству мать хоть и учила её содержать дом, да всем женским премудростям, но куда ей потянуть целую свиту черни, а её, поди, там тьма. Росье сделалось по-настоящему страшно. Вдруг не справится, опозорится только перед всеми, вот стыдоба будет на её голову. Но ещё вдруг взволновало её, кому из братьев она станет женой? Верно, сперва, должен старший венчаться.

Росья, подобрав ноги с пола, забралась под одеяло, долго прислушивалась к звукам. Но внизу, в горнице, царила тишина, все, наверное, уже разлеглись по местам. И снова сделалось нехорошо внутри. Сцапав к себе кошку, затаилась, неотрывно разглядывая озаряемый светом огня потолок, и пыталась вспомнить о бабке хоть что-то.

«Почему дар providенья именно мне передался?» — вдруг всколыхнулся вопрос. Матушка — дочь Бреславы, ей и то не передалось по крови, как и старшей Станиславе, так почему Росью постигло это? Слишком мало она знала о бабке и матушку не выспрашивала никогда о ней, не до того ей было. Теперь поздно спохватилась. Ушла ведунья.

ГЛАВА 4. Сговор

Дарко проснулся, почуяв весомую тяжесть от того, что на ноги кто-то забрался. Спросонок чертыхнулся, подумав невольно, что домашний дух балует, оказалась, слава Велесу — кошка. После долгого пути да попарившись в баньке и сытно отужинав, спал Дарко крепко. Оказавшись в тепле и сухости, едва прикрыл глаза, как провалился в глубокий сон. Мягкая постель и просторная лавка показались ему удобнее собственной опочивальни, хотя после слякоти и сырости ему и сеновал показался бы блажью.

Княжич откинул к поясу влажное покрывало — в клетушке, куда его вместе с побратимом вчера отправили спать, было так жарко, что не только грудь, но и ладони покрылись липким потом. Задышав размеренно, он ощутил после утомительной дороги долгожданную бодрость в теле и утреннюю, вполне ожидаемую весомую напряженность естества. Отгоняя прочь горячившие кровь помыслы, что начали против воли рождаться перед внутренним взором, Дарко тягостно вздохнул, обращая своё внимание на клеть.

Здесь оказалось по-домашнему уютно, ему понравилось у Доброги. Хозяйева приветливые и слыли добрыми людьми, что редкость — вольные весьма враждебно встречают пришлых, особенно посланцев больших городищ.

Окинув сонным взглядом стены, Дарко отметил, что терем, добротнo сложенный из цельных брёвен, долго сохранял тепло в хороминах даже зимой. Взгляд остановился на притолоке, украшенной диковинной резьбой. Староста Доброга хоть и имел богатый сосновый терем, да только видно, что настали для него тяжёлые времена. На стол накрывала не чернь, сама хозяйка, да и яством не шибко подчевала: ни лещей, ни запечённой щуки, а из питья — квас да сбитень. На постоялом дворе и то стол богаче был, а сомнений не вызывало, что Доброга согласится отдать младшую дочку. Потуги найти пусть и одну внучку бабки Бреславы увенчались успехом. Успел. Приподнятый дух не омрачало и то, что вновь предстоит обратный путь к Дольне под проливным дождём.

Хорошее здесь было место. Тишина, лес дремучий, всё пролески да лощины, разрываемые озерами и реками. Деревеньки встречались редко, да и те с малой горсткой народа, а то вовсе заброшенные. Видно, уходили племена всё глубже в лес. Дарко и не знал, что на сотню вёрст к северу от Дольны такая глухота дремучая. Здесь всё было диким, даже избы венчались резными коньками в виде странных животных, то и вовсе настоящими черепами волов и лошадей. А народ каков? Да взять хотя бы ту девчушку, что попала им по пути окрест Елицы, когда бескрайний лес оборвался и появился просвет. И откуда она взялась? Не побоялась путников, ведь как смело смотрела, и в одиночку, без охраны надёжной, ходить в куши да в непогоду не страшно ей. Дарко припомнил большие зелёно-серые, как лесные дебри, глаза юницы на влажном от мороси бледном лице — заглянешь в них и одуреешь. Хороша. И всё же странным казалось, что путница и в самом деле живой человек. Может, морок, навеянный Берегиней, или сама благодетельница и есть?

Дарко встряхнул головой, и потёр ладонью глаза, сглотнул, понимая, что дико хочет пить. За не такое уж и долгое время пути многое успело приключиться: то медведь выходил на тропу, здоровый, пышущий лесной силой, с мокрой от мороси шерстью и листвою в ней (пришлось рогатины доставать, что бы отпугнуть увальня), то лось с рогами пудовыми. Звери дикие будто преграждали путь всадникам, появляясь не пойми откуда. Но благо, беда обошла, и сам Хозяин не попыталась их остановить и запутать.

Послышался храп у противоположной стены. Полад очнулся на миг, продирая глаза, но вновь отвернулся к стенке. Что ж, было только раннее утро, и можно было подремать ещё, но Дарко вконец проснулся, сел, слушая раскатистое мурлыканье. Не терпелось проверить горницу и убедиться в том, что староста не вернул зарок.

Опустив ноги и ощущая ступнями такой же тёплый пол, он протянул руку и погладил рыжую кошку.

— Чья будешь? Как там звать твою хозяйку? Росья?

Дарко ухмыльнулся и поднялся, подбирая со скамьи рубаху. В тишине оделся и, бросив взгляд на Полада, который и не собирался просыпаться, подпоясавшись, вышел из клетки. Горница пустовала, залитая утренним холодным светом, что проникал в хоромину через бычьи пузыри небольших окон. Стол, как он и думал, пустовал, только ждал своего часа печёный хлеб, накрытый вышитым рушником, да крынки с молоком и квасом в резных берёзовых чарках, любовно выставленных для гостей. Дарко даже прошёлся, чтобы окончательно убедиться, что зрение его не подводит — нигде не было узелка с зарокотом.

«Попалась краса», — довольно хмыкнул он и направился к выходу.

В сенцах хлопотала над печью молоденькая чернавка, помешивая в чугуне, судя по запаху, ячменную кашу. Завидев Дарко, она было застопорилась, кругленькое лицо вытянулось, растерянность вместе с робостью скользнули в тёмных глазах, но быстро очнувшись, поздоровалась. Княжич не стал смущать своим присутствием её и спешно вышел на крыльцо. Утро встретило его хмурившимся небом, в котором ворочались немереной тяжести тучи, но дождя не было. Небольшой двор уже заметно подсох за ночь, к обеду так и вовсе тепло разгуляется. Ныне везло неслыханно. Дарко под пение петуха и лающие где-то за околицей пса прошёл к выставленной наружу бадье. Закатав рубаху до локтей, опустил руки в дождевую воду, сложив ладони лодочкой, зачерпнул, плеснул в лицо. Прохладная водица враз ободрила. Стало совсем хорошо, хоть в пору прямо сейчас в дорогу снаряжаться. Сдёрнув полотно с гвоздя, отёрся. Скрипнула дверь, и на порог выскользнула чернавка, всё так же смущённая, в руках ведро. Девушка, пряча глаза, чуть ли не бегом припустилась со двора, в мгновении ока скрылась за капиткой, только и мелькнул подол юбки. Дарко встряхнулся. Вот ведь неурядица! На прислужниц стал засматриваться!

Княжич прошёл к порогу и в два шага поднялся на крыльцо, нырнул в сени, да неудачно — ткнулось в него что-то мягкое, с темноты не понял толком ничего, но ладони нащупали девичьи плечи. Едва он разобрал, что к чему, как девка шарахнулась от него, словно от лешего. Дарко несколько мгновений смотрел в яркие глаза неотрывно и не верил.

— А ты откуда взялась? — только и обронил.

Несомненно, это была она — девчонка из леса, её черты он запомнил хорошо. Дарко скользнул взглядом по девичьему стану с ног до головы. Одета нарядно, в расшитое явно слишком просторное для неё платье, подвязанное нитяным поясом на узкой талии. Шея длинная белая, овальное лицо с хрупкими чертами. Губы карминные, едва не вишнёвые, немного пухлые, чуть раскрылись в немой растерянности. Тонкий и правильный, словно выточенный из кости, носик с узкими крыльями придавал юной девушке немало твёрдости во всём её облике. А тёмные брови вразлёт подчёркивали большие зелёные глаза, которое в полумраке казались до холодной дрожи глубокими, что бездонные омуты, и смотрели с испугом да затаённостью. Дарко даже оцепенел на миг от их пронизательности.

Девушка, опомнившись, развернулась и шагнула было в сторону лестницы. В два шага Дарко оказался рядом с ней, преградил путь, нависая.

— Говори, как оказалась здесь? — потребовал он, сам не понимая, что на него нашло. Просто не увязывалось в голове, ведь вчера вечером не видел кроме круглолицей никакой более чернавки.

Она вздёрнула маленький подбородок и гордо, с какой-то ледяной твёрдостью глянула ему в глаза.

— Пусти, а то батюшку поз... — осеклась.

И тут-то всё встало на свои места.

Губы Дарко сами собой растянулись в ухмылке, он отступил, воздавая в очередной раз хвалу богам за чудный день. И только молча пронаблюдал, как девчонка, смутившись совсем, подобрала подол длинного в пол платья, пустилась вверх по лестнице, только и мелькнула в глубине терема длинная косища.

Однако радость была не долгой. Едва Дарко подумал о Волоте, лёд сковал душу. Постояв ещё мгновение, он услышал шаги на пороге — возвращалась чернавка. Княжич поспешил вернуться в клеть.

— Чего ты спозаранок блудишь? — буркнул Полад, сонно натягивая на себя исподнюю рубаху, едва Дарко появился на пороге.

Побратим встал, пройдя к бадье, зачерпнул чаркой воды, надолго присосался.

— Рассол у хозяина что надо, — прокряхтел он, — я себя засоленным окунем чувствую.

Он бросил ковш на место, обернулся:

— Чего молчишь? Хмурый такой. Неужели вернул зарок Доброга?

Дарко глянул на него исподлобья.

— Уж лучше бы вернул.

— Вот как? — хмыкнул волюнянин, запуская пятерню длинных пальцев в светлые с золотым отливом, как у всего этого народа, волосы. — И скажи на милость, как тебя понимать?

Он провёл по лицу ладонью, смахивая остатки сна.

Княжич откинулся спиной к стенке, устремляя пустой взгляд в потолок. Думы о брате затягивали всё пуще, но больше всего его беспокоило, что он сам причастен к этому обману.

Новая невеста слишком молода оказалась и, верно, слишком доверчива. Волот может поступать неосторожно. Да и вся эта тёмная история с Градой, первой женой Волота, до сих пор не давала покоя, терзала душу. И княжича ни на миг не покидало подозрение, что брат что-то скрыл от него. В который раз проклял себя, что помогает ему, вновь идёт у него на поводу. Мерзкое чувство ничтожности оглушило. Оставалось надеяться, что это в последний раз.

Время до обеда пронеслось быстро. Доброга вновь позвал за стол. Хозяева, как и вчера, были доброжелательны и радушны. Чернавка вынесла состряпанную ещё утром ячменную кашу, напечённых блинов с пахучим мёдом, нарезала ломти вяленого мяса, выставив и квашеную капусту в глиняных горшках, и мочёные огурцы. Староста всё выспрашивал о князе Мстиславе, о его старшем брате, волновало его отцовское сердце, как будет жить дочка. Получив скомканные ответы, Доброга больше не пытался донимать излишне. А Дарко лишь угрюмо поглядывал на хозяйку Вельмиру, отмечая, что дочка явно пошла в отца, да и с ним не была больно схожа, видно, больше бабкиных корней.

Невеста вышла с позволения Доброги только когда все поднялись из-за стола. Одета она была тепло, по-походному, голова платом покрыта, коса убрана — девица предстала перед ним такой, какой он увидел её в лесу. Девушка, отчаянно и упрямо избегала глядеть на чужаков, особенно на Дарко. Не показывала даже вида, что помнит о случайной их утренней встрече. Полад тоже узнал девку и как-то странно улыбался, пока не столкнулся с хмурым взглядом Дарко. Тогда улыбка его сползла. Ни о чём не подозревающие родители вышли проводить их за ворота. Остальные гридни, что всем скопом ночевали в другой клетке, уже были в сборе и ждали распоряжений. Дарко поднялся в седло, оглядывая толпу людей, что вышли поглазеть на редкостных гостей. Перешептывались, кивали в сторону невесты и явно были чем-то озадачены, а некоторые и злы. Впрочем, у простого народа может вызвать зависть то, что не их дочка, а старосты отправляется ныне в белокаменный городище, как желанная и ценная гостья. Дарко подал знак воинам выдвигаться, чтобы больше не привлекать всеобщего внимания, от которого дочка старосты вся сжалась и ёрзала в седле, не отрывая взгляда от земли — того и гляди, заплачет. Благо с ней увязалась чернавка, всё не так страшно одной. Девка-то не горевала, напротив, разругалась, глаза как две плоскости, счастливые и сверкающие, очень уж напоминала ту рыжую кошку.

Отряд миновал многолюдную широкую улицу, по одной стороне которой воздымались в небо терма с массивными воротами. Выехав за околицу, Дарко всё не мог никак избавиться от чувства тревожности, до сих пор представлялось, что в его спину вонзаются, как гвозди, чужие взгляды. Видно недавно происходило в Елице что-то неладное, раз народ так возмущённо и пасмурно провожает дочку старосты, видно были раздоры да распри. Впрочем, это не его тяжба. Княжич, поглядывая на ехавшую немного в сторонке закутанную в суконную накидку молодую девушку, пытался отогнать накатывающее тягостное смятение, которое и без того рвало душу на части. Она, будто почувств чужой взор на себе, повернулась, полоснув опечаленным взглядом, и тут же отвернулась, робко опустив ресницы. Видно никак не оправиться от разлуки с родичами. Да и он хорош! Запугал изрядно её, преградив ей дорогу. Терзаясь угрызением совести, Дарко сжал зубы, старался излишне не рассматривать девчонку, отрешаясь ото всего и сосредотачиваясь на дороге. Его думы и в самом деле в скором времени рассеялись, теряясь в окружающих просторах. В пролеске, через который они двигались, висела дремотно-сонная загустевшая тишина, только глухо переговаривались гридни, шуршала густая

янтарного цвета листва под копытами лошадей, изредка доносился хруст в кустах. Пахло грибами и свежестью древесной коры. Под низким сизым небом лес пестрил буйно: то вспыхивал костром клён, то сияла белизной берёза с яркой, как яичный желток, кроной. Мать-земля заснула, и всё замерло в преддверии долгой холодной зимы. Хотелось тоже так, как эти самые дубы, пустить корни в недра земли, вытягивая живительные соки, и просто дышать глубже, видеть небо и птиц, слушать тишину. Размеренность пути и покачивание в седле быстро умиротворили путников.

Полад, следовавший смежно с княжичем приободрился и улыбался, как боровой кот, щуря глаза.

— А ведь успеваем к заморозкам, — нарушил он молчание. — Ты как? Готов к походу за Межну на Ставгонь? — припомнил тему, решив разговорить угрюмившегося приятеля. Дарко ненароком обернулся, выхватывая из числа воинов девушку. От его внимания не ускользнуло, как она напряглась, плотно сдавив губы, и смотрела в загривок лошади, зная прислушивалась к беседе.

— Как вернёмся, оповещу об этом отца, — вернул взгляд на Полада Дарко.

Больше он ничего не сказал, предаваясь раздумьям о походе. После Навьей седмицы [4]

и отбудет. Помянет прашуров и в добрый путь. В случае, если оставит отца и покинет Дольну до заморозков, то вернётся к Громнице

[5]

. Дарко мучительно-тягостно вздохнул. Ему необходимо уехать, необходимо раздолье. Однако равно, как бы княжич себя не утешал, сейчас, когда невеста отыскалась и он свободен как шторм на море, покидать городище и бросать на волю судьбы девчонку представилось уж не так и лёгким решением. С чего бы?! Столько времени жил на привязи, как цепной пёс, что теперь и бежать только прочь, а страшно. С горечью осознал, как свyksя с такой жизнью. Теперь потребуется много времени, чтобы окрепнуть, встать на ноги. И этот поход — испытание, где он должен найти свой путь. Где не будет рядом ни отцовской поддержки, ни матушкиной заботы. Где он будет полагаться только на себя.

От мыслей его отвлекли шорохи. Дарко поднял голову, хватаясь за рукоять клинка.

Замолкнувшие гридни быстро окружили девиц, закрывая собой от чужих глаз.

Из сырых рудовых зарослей, под полог которых отряд давным-давно окунулся, чванно и совершенно не таясь вышли пятеро юношей, одетые в овечьи кожухи, и, хвала богам, без оружия. Дарко невольно ухмыльнулся, некоторых из них он припомнил сразу. Вот только что же надобно деревенским Елицы? Ответ пришёл мгновенно.

«Неужели девку пришли отбивать?» — фыркнул он, переглядываясь с Поладом. На лице побратима тоже играла едва сдерживаемая насмешка.

Кто-то громко ахнул из девушек, и судя по голосу, это оказалась чернавка. Она сжала руку Росьи и таращилась во все глаза на парней. Та же смотрела на молодых людей с недоумением, делаясь белее берёзовой коры, а после взглянула на княжича, обжигая виноватым и умоляющим взором, от чего его покорило. Она ему-то ничем не обязана. Дарко стиснул повод в пальцах и отвернулся.

Гридням пришлось приостановить лошадей, чтобы не раздавить шайку. Княжич проехал чуток дальше, останавливая лошадь, едва не въехав в нарочито выпяченную грудь рослого детины. Взор того не сулил ничего доброжелательного. С курчавыми русыми волосами, перетянутыми тесьмой, с едва проклюнувшимися усами и бородкой он выглядел весьма нахраписто, выказывая твёрдость своего намерения.

Дарко долго не гадал — по-видимому, из всех именно он и был обманутый суженый. Другие держались чуть в стороне и были ниже в росте, и, верно, моложе, с хмурыми взглядами, за которыми скрывалась мятежная взволнованность. Оно и понятно, супротив вооружённых гридней им несдобровать, а потому дюже рисковали. Поэтому решили миром перемолвить. Что ж, Дарко был готов.

— Говори, чего нужно? — начал он первый.

Кудрявый парень засопел, раздувая крупные ноздри, ярился и едва сдерживал себя в руках, однако понимал, что, наломай он дров, княжеская немилость тут же ляжет на его горячую голову.

— Я хочу вернуть Росью. Ты не в то время явился, княжич.

За спиной послышалось громкое покашливание Полада, волынянин едва сдерживал ухмылку.

Дарко бы тоже посмеялся, но почему-то щенок только раздражал.

— И ты думаешь, что я так просто тебе её отдам?

Кадык юноши дёрнулся, заиграли желваки, но парня нисколько не покоробил его ответ.

— Не по совести ты поступаешь.

— Вот как? — изумился княжич. — И что же, по-твоему, я преступил?

Полад пристроился поближе, вмешиваясь в перепалку. Друг знал Дарко больше, чем он себя сам.

— Вот что, бери скорее своих товарищей и быстро с глаз долой к мамкам, — потешно подстрекнул он вымогателей.

Полад ударил метко. Кудрявый от такого заявления растерялся было, его друзья тоже пообмякли. Однако так просто отступать не собирались.

— Я вернусь только с Росьей, — упрямо шагнул детина вперёд.

У Дарко даже в глазах потемнело с бешенства. Безобидная стычка грозила обратиться бедой для деревенских. Стоило их ещё изначально отшугнуть, но теперь уже поздно, слишком близко подпустили.

— Валуи! — рассёк напряжённую тишину голос Росьи.

Она соскочила с седла наземь и, не обращая внимания на прекословия чернавки, побежала к юноше.

Дарко желал немедленно преградить ей путь, не пустить, но Полад успел перехватить его за локоть, с твёрдостью посмотрел, давая понять, что это не нужно. Княжич остался на месте, наблюдая, как девушка отвела в сторонку юнца и о чём-то долго с ним толкует. Разобрать речь Дарко не мог, потому как говорила она негромко, влажный воздух приглушал все звуки. Валуи перебивал её каждый раз. И тогда княжич порывался всё же прервать их воркование, но одёргивал себя, зная, что если коснётся земли ногами, тогда ему уж не остановиться.

— Не кипятись! — осадил его побратим. — Пусть разойдутся по-хорошему, у неё и так глаза на мокром месте, ещё и разборку учинять.

И оказался прав, слова Полада привели в чувство. В самом-то деле, ничего зазорного в том нет, чтобы миром разойтись, но назойливые мысли всё лезли в голову. Как давно они дружатся?

Касался ли этот молокосос её? Впрочем, ему это на что знать? Да и не его это невеста, брата.

Пребывая в напряжённом безмолвии, он наблюдал за Росьей, а ну как учинит вред какой. Дарко отметил, что в облике девицы было и в самом деле недоумение от случившегося. Невольно засмотрелся на её профиль, так гармонично вписывающийся в осенний лес. В этой девице безусловно что-то было завораживающее, один взгляд оплетал неведанной паутиной, притягивал, пробуждая потаённые грани, осознать которых Дарко не смог. Росья ведь и в самом деле не проста, напомнил он себе, ведьмовская кровь в ней, а значит, сильная. Должна быть.

Он отвернулся, рассматривая так и не издавших ни звука заговорщиков, пока детина не схватил бесцеремонно девушку за локоть.

— Хватит! — гаркнул княжич, теряя терпение, спешился, не позволив Поладу его остановить.

Деревенские взъерошились, но не осмелились препятствовать. Дарко шёл быстрым и твёрдым шагом, в мгновении ока оказавшись рядом с дочерью старосты, которая до сего мига жарко спорила о чём-то с юнцом, пытаясь вырваться.

— Ты что, была ему обещана? — спросил он, у неё.

Росья замотала головой не в силах вымолвить и слово.

— Иди обратно, — сухо велел ей, одновременно пихая в сторону Валуя.

Росья часто заморгала, в последний раз в испуге глянув на юнца, развернулась и побежала к всадникам. И как только она оказалась в безопасности, княжич повернулся к Валуи.

— Ну что, наговорился? А теперь прочь отсюда.

В серых глазах юноши бешено метались молнии. Он явно был озадачен случившимся казусом.

— неужели думал, что Росья с ним останется? Парень не мог найти какого-то внутреннего согласия, найти в себя силы и смириться.

— Если бы ты не приехал, она была бы моей, — грубо огрызнулся он.

Хоть Валуи и был высок, недаром так прозвали, но Дарко на пол головы был всё же выше, а потому глядел на него сверху вниз, давя взглядом.

— Опоздал ты. Росья поедет со мной. Так что собирай своих дружков и с глаз вон, пока я не отрезал тебе руки.

Тот на угрозу только презрительно ощерился, но Дарко пропустил мимо его пренебрежение, вызванное глубокой досадой. И уж очень кололо ладони заехать деревенскому в челюсть, но княжич сдержался.

— Ну и пусть катит, — наконец пробасил Валуи, смиряясь. — Такая же блудница, как и её сестра Станислава.

Дарко так и врос в землю, а отвергнутый ухаждёр, пользуясь заминкой, успел уйти достаточно далеко, и тем самым спас себе шкуру. Унося ноги, он махнул рукой остальным, и парни, дружно подобравшись, споро пошли прочь, то и дело оглядываясь, не будет ли погони.

Княжич перевёл затуманенный взгляд на Полада, который с дружелюбной улыбкой провожал охальников. Невольно посмотрел на Росью, глаза её и вовсе стали тёмными и отрешёнными, как холодные колодцы, а цвет лица сделался белоснежно-мучным. Дарко постоял ещё какое-то время, давая себе возможность прийти в чувство. Ведь явно юнец сказал так из-за задетого мужского самолюбия, вот и плюнул напоследок, что хоть утирайся.

«Вот же ублюдок!» — выругался про себя княжеский сын, всё ещё держа намерение догнать и осуществить то, что хотелось сделать мгновение назад, и уже жалел, что послушал волюнянина. Резко выдохнул, сминая кулаки, направился обратно к гридням, поднялся в седло и, обернувшись, сказал:

— Думаю, больше подвохов не будет, — после чего тронул пятками лошадь.

Небо так и не выпедило ни капли дождя, и путники почитай не останавливались вплоть до самых сумерек. Всё так же размеренно понукая лошадей, двигались сквозь берёзовые да осиновые рощи, которые иногда будто бы обрывались, и тогда впереди открывалась прогалина с небольшими в семь, а то и пять дворов деревеньками, только и торчали на околице зубцы колодезных журавлей. Останавливаться ни в одной из них не стали, пока не застыла сумрачная мгла, принудив отряд устроиться на ночлег у заросшей ивами и берёзами запруды. Гридни хватко развели несколько огнищ, один из которых запалили для женщин. Смастерили палатки из еловых веток, накрыв на случай ливня стёганой кошмой из бараньей кожи. Чернавка наварила большой чугуи ушицы из выловленных Поладом трёх жирных лещей. И нужно отдать должное стряпухе, похлёбка получилась отменной, хотя на чистом воздухе, да измаявшись в пути, всё кажется неслыханно лакомым, особенно вприкуску с салом и зелёным луком. Съестной дух заманил в лагерь и лисиц, которых волюнянин по доброте душевной подкормил хлебом, и теперь те не отходили от становища. Хотя и близилась ночь, и уже прошло достаточно времени, чтобы забыть, но Дарко не покидали скверные чувства, оставленные, как отметины после клеймения, бесхребетным Валуем. Всё-таки нужно было ему заехать в рожу, может, не так было бы тягостно на душе и гадко. Росья же после случившейся неприятности вовсе не разговаривала, слышна была лишь у самого берега, где расположились девушки, непрерывная болтовня чернавки. Дарко, погружаясь в безмолвие вечера, наблюдал за девичьей тонкой, что былинкой, фигуркой, ловя себя на мысли, что ему нравится смотреть на неё, как оглядывает она лес, и её взгляд делается при этом ещё глубже, а глаза становятся зеленее, до изумрудно-туманного цвета. Как чуть румянятся её щёки, когда кто-то из гридней услужливо пытается помочь спуститься с лошади, как теребит она кончик косы, когда волнуется. Ещё совсем дитя.

«И как она жила среди этих злыдней в Елице?» — припомнил княжич здешний люд, как они провожали их немногословно, не раскидываясь добрыми напутствиями, скупцы. Да и в окружении грубых неотёсанных мужланов, сродни этому... Валуи, чтоб его! Дарко с гулом выдохнул, снова остро пожалев о том, что не догнал мерзавца.

— И что теперь думаешь? — прервал его раздумья Полад, он подсел к другу с чаркой в руках. Дарко не сразу понял о чём тот.

— Видно же, как ты глазеешь на девчонку. Заступился как за неё.

Княжич даже опешил, не находясь с ответом, но быстро совладал с собой.

— Я должен привезти её Волоту в целости и сохранности, поэтому обязан присматривать.

Полад, оторвав недоверчивый в прищуре взор, отпил добрую часть кваса из плошки и, оставив опустевшую посуду, поднялся, чувствуя, что его компании не рады.

— Пора бы и о себе подумать. Так и будешь его жизнь устраивать, а в своей пустота.
Дарко поднял голову, вглядываясь в посерьёзневшее лицо побратима. И какая оса его укусила?

— Ты же знаешь, что я не могу иначе, это мой долг?

— Можешь, просто Волот давно нашёл на тебя управу и выезжает на тебе, как на сидоровой козе, а ты рад стараться.

Слова Полада отполосовали, что плетью.

— Какой бы Волот ни был скотина, он мой кровный брат, — огрызнулся Дарко отворачиваясь.

— Одну ты уже упустил, и сдаётся мне, до сих пор сожалеешь... Надумал повторить горький опыт? Разве уже не наученный?

Дарко отвердел, чувствуя, как закипает внутри вулканом гнев. Только недавно Полад настаивал покинуть Дольну, а теперь вот как заговорил. Княжич хотел ответить, но услышал, как зашуршали шаги побратима — тот ушёл. Помутнённым гневом взглядом Дарко смотрел, как Росья медленно ступает по берегу в сопровождении чернавки.

«Надо же было ему вспороть только затянувшиеся раны?!» — задышал с тяжестью, стиснув зубы, поднялся, оставляя гридней, направился напрямиком к девушкам.

Завидев приближающегося княжича, Росья остановилась, подсобница её, напротив, отступила, потом и вовсе как бы невзначай спустилась ближе к воде. Не единожды он отметил, что дочь главы бледна, и губы её потеряли свой багровый цвет — здоровится ли? Неловкое молчание заставило её отвести взор. Дарко, не задерживаясь, выудил из складок одежды подвески, протянул девице.

— Это должно принадлежать тебе.

Росья чуть склонилась, осматривая украшения. Брови нахмурились, она вскинула него удивлённый взор.

— Откуда?

— Я разыскивал знахарку... матушка моя прихворала, — солгал княжич. — Пришлось объездить много мест, чтобы отыскать того, кто бы помог, вот и набрёл на избушку. Ведунью Бреславу я не застал в живых, это передала мне её помощница. Видно той без надобности они. По праву я должен отдать тебе, раз нашёл... — княжич взял руку Росьи, которая оказалась холодной, как лёд, и вложил в ладошку подвески.

Сейчас она и вовсе была похожа на пичугу, маленькую, хрупкую, вызывая только одно желание — защитить и оберечь. Росья, сжав в кулачке обереги, глянула на Дарко.

— Спасибо, — прошептала она, и снова воцарилось тягостное молчание.

Чернавка бродила по берегу, то и дело поглядывая в их сторону, любопытствовала или опасалась чего? Гридни, собравшись у костра, разговаривали о чём-то и тихо смеялись. Полада поблизости не обнаружилось, верно, осерчал.

«Не его это забота, совать нос, куда его не просят. Что делать и как поступать, я решу сам», — ярился княжич всё больше.

Дарко собрался было уходить, чтобы не стеснять и без того скованную девицу, но Росья вдруг, вздохнув, заговорила:

— Она ведь покинула нас, когда мне было семь зим, но я хорошо её помню.

— А почему оставила жильё и семью? — не удержался от вопроса Дарко.

— По словам матушки, желала бабка помогать людям, поселиться ближе к народу, чтобы быть полезной.

— А сестра старшая давно... Давно замуж вышла? — «и зачем спросил?»

В глазах Росьи мелькнуло колебание, она опустила ресницы.

— Недавно.

Дарко не стал настаивать и давить.

— Холодает у реки. Не задерживайся, — сказал он, вознамерившись покинуть девицу.

Росья вернула на него взгляд, в коем промелькнули едва уловимые теплота и ожидание. Внутри аж дрогнуло всё, и оторваться от неё было невозможно. Ветерок, пролетевший над рекой и поднявший рябь, хлынул на девицу, и выбившиеся из-под платка пряди светло-русых выгоревших на солнце волос оплели щеку. Нестерпимо захотелось коснуться её лица и убрать непослушные пряди за ухо, погреть её руки. Дарко встряхнулся.

«Точно умом повредился, зачем ему это надо? Разве девиц не достаточно свободных? Увидел подол юбки и сразу прилип», — упрёкнул он себя.

«Вот ведь Полад, умеет внести смуту в душу», — он поспешил отступить, оставляя девушек, вернулся к костру, где велась тёплая беседа об охоте и сноровке в ловле секачей. Разговор их, слава богам, увлёк, и Дарко потерял счёт времени, очнулся, когда уже стало совсем темного, что ни зги не видать, а в спину дул ледяной ночной воздух. Княжич оставил двоих воинов на стороже у становища девиц, сам пошёл спать.

Как оказалось, Полад уже давно спал, завернувшись чуть ли не с головой в медвежью шкуру. Выбрав место посуше, Дарко постелил кошму наземь, лёг на мягкий покров из листвы и хвои, так же до самых ушей завернувшись в шкуру, сразу стало жарко, как в печке. Он долго смотрел в смоляную чернь неба, слушая болтовню засидевшихся вояк, наблюдая за всполохами костра. Вскоре веки смежились, и он, отяжелевший усталостью дня, провалился в желанную тьму. Сначала ему снились белокаменные до слёз в глазах стены города, палящее светило грело пласты камня и кровли, порхающие в глубине синего неба глупи, завораживали. Но потом видение сменилось другим образом, и он очутился в полупустых прохладных палатах княжьего терема. Душа канула в лёд, дыхание застряло в груди, когда он увидел в глубине светлицы сидящую на лавке девицу в домотканой исподней рубаше. Перед Дарко Града никогда не робела, не прикрывая своего красивого стройного, как гибкая лоза, тела многослойной одеждой, и иногда ему казалось, что она нарочно дразнила его так, пытаясь вызвать в нём если не досаду, то дикое возбуждение. Не догадывалась княжна, какой ураган чувств поднимала в нём, когда будто случайно касалась его и сама позволяла трогать себя. Вот и сейчас он отчётливо видел под тонкой тканью очертания её округлых грудей, соблазнительный изгиб бёдер, будто нарочно так оделась для него, ждала. Она, наконец, заметив его присутствие, повернула голову, показав бледное, обрамлённое завитками волос лицо. Града была чем-то встревожена, он это понимал по тому, как опустились угрюмо уголки её нежно-розовых губ. Внутри заныло сердце. Боги! Как истосковался по ней. Княжич и не заметил, что оказался рядом с ней и гладит её плечи, шею, бесстыдно касаясь везде, не пропуская оголённые участки кожи, оглядывая её беспокойно с жадностью, и внутри закипела буря самых противоречивых чувств.

— Волот увидит, — остановила она его, когда Дарко, прошёлся ладонью по упругой груди.

— Пусть.

Он вдруг осознал, что никогда не касался её так. Что же делает теперь? Но он уже не мог остановиться, истома потянула пах. Руки скользнули по талии, животу. Града не сопротивлялась, напротив, оплела шею тонкими руками, словно вереск обвивает дерево, прикрыв в истоме длинные ресницы, легла на лавку, увлекая княжича за собой.

— Поцелуй меня, — выдохнула она на ухо умоляюще.

Мгновенно кровь хлынула жидким огнём по венам. Он чуть отстранился, но только для того чтобы прильнуть к её раскрывшимся тёплым устам, целовал с дикой жадностью и неистовом.

— Дарко, я не могу больше так жить, — проговорила она, отстраняясь, чтобы сделать глоток воздуха.

Княжич только лишь теперь отметил, как княжна сильно истошилась, а кожа суха и не бархатна как раньше. Она увядала на глазах, а ведь когда-то была пышущим, благоухающим цветком. Но даже сейчас, не смотря на худобу, она была не менее желанна, пахла всё так же дурманящей разум липой. Града источник света, она его грёзы, несбыточные и неосуществимые, теперь так близко, и он касается её так, как того вожделеет. Дыхание перехватилося, когда её руки, словно холодный поток воды, скользнули по груди к низу живота, пробуждая в нём бешеный вихрь. В груди яро заклокотало сердце, вынуждая его задрожать, как от озноба. Во рту пересохло, и он сглотнул от проступившей горечи, дрожа от возбуждения в объятиях любимой женщины. С ним творится что-то не то, но княжич ничего не может сделать. Уже нет.

— Покинь Волота, — прохрипел он.

Града хмыкнула.

— Ты же знаешь, что я пыталась однажды. Ничего не вышло.

Да, он знал, чёрт возьми, он и правда знал и забыл, как Волот нашёл её и приволок в город, а потом... Он не знал, что было потом. Она не рассказывала, как он этого ни требовал от неё. Но догадывался, что брат всё же посмел распустить руки. Беспомощность съедала, грызла нутро сотнями голодных крыс. Он ощутил давящую грудь вину.

— Спасибо, что ты рядом, с тобой мне не страшно, я не боюсь Волота, — вдруг сказала Града, будто прочтя в его мыслях, что он корит себя. Не дождавшись ответа, она прильнула ближе,

оплеть ногами его пояс. Пальцы, хрупкие, едва тёплые, сжали его плечи, оставляя обжигающий след.

— Я попытаюсь ещё раз, но только... — она лукаво улыбнулась, оголяя белоснежные зубы, — только с тобой, — она дёрнула завязки на своём вороте, обнажая до пояса грудь, от вида которой у Дарко помутнело в голове. Он, потеряв всякую волю над собой, склонился, вбирая бледно розовый затверделый сосок, сминая её бедра в нетерпении, придвинул ближе. Града едва слышно застонала...

— Дарко! — кто-то грубо, а быть может, ему так показалось, тряхнул его за плечо, выдёргивая из липкого сновидения.

— Вставай же! Пора нам, тебя не добудешься, — бурчал Полад.

Княжич разлепил ресницы, рассматривая в холодном утреннем свете побратима. Облегчённо откинулся на постель, кладя руку на дрожащую в судорожном дыхании грудь, пытаясь дышать размеренно и глубоко, унимая клокотавшее в груди сердце, чувствуя накалившееся до жара возбуждение внизу живота, от которого делалось даже больно. Он полежал немного в окутывающей промозглой зяби, пока остатки сна мало-помалу сходили с него неприятно и туго, как струи дождя, ко всему его всё ещё продолжало трясти, как в лихорадке.

«Надо же присниться такому!» — выругался он про себя, ненароком припоминая и Мирогоста. Града никогда не виделась ему после её... кончины. Ко всему он никогда не имел с ней столь близких отношений, пусть и влекло его со страшной силой к ней, всегда отгонял подобные беспутные мысли и держался как можно дальше от неё, держа голову в холоде, всегда помня о том, что княжна принадлежит Волоту. Посвягать на чужую жену сродни преступлению. Хорошо бы в холодную воду.

Дарко поднялся, отойдя от сна окончательно, поправил сбившуюся одежду на себе, хмуро наблюдая за тем, как лагерь медленно собирается в путь, как гридни взнуздывают лошадей. Чернавка грела вчерашнюю оставшуюся похлёбку на костре и о чём-то весело ворковала с молодцами.

Росья, как и всегда, была почти неприметна, тихо сидела возле костра, собирая дорожную суму.

Дарко быстро собрал постель, скрутив шкуру и кошму, двинулся к остальным.

— Доброе утро, — поприветствовала чернавка, явно разговаривавшая и посмелевшая. — У нас нынче отвар из лесных ягод, собрала с утра, отведай, — протянула она плошку, из которой струился пар.

— Ему не помешает зелье, а то вялый какой-то, — не упустил своего случая подтрунить над другом Полад. Верно больше не держал обиды, в этом и была отличительная черта волюнтарина. Росья покосилась на чернавку, едва сдерживая улыбку, и княжич мгновенно забылся. Сегодня она выглядела как-то иначе: появился румянец на щеках и глаза сверкали каким-то детским озорством, а ещё, он не мог не отметить, Росья ныне была ослепительно хороша собой.

Дарко повернулся к чернавке, ответил умелице:

— Почему бы не отведать, если предлагают.

Он бросил наземь свёртки, усаживаясь на них, пристраиваясь в общий круг, принимая душистое питьё, а взгляд его без конца возвращался на Росью.

ГЛАВА 5. Неприкосновенность

После утренней трапезы вновь поднялись в седла, продолжая путь через лес. К обеду начало располагиваться, и уже вскоре над головой воздушно парили рваные белые облака, в прорехах которых просвечивалось глубокое, как дно озера, синее небо. Так же потеплело и на душе. Тоска по дому ныне не так сильно снедала Росью, как вчера.

Вспомнила Валуя, и по спине пробежал холодок. Его появление сильно изумило. Раньше парень не оказывал никаких знаков внимания, только на вечерних посиделках, где собиралась вся Елица коротать вечера, он, бывало, поглядывал украдкой в её сторону, но не решался приближаться. А тут просто в голове не укладывалось, что тот способен так поступить. И о чём только думал!? Ведь она даже никакого повода не подавала, чтобы он почувствовал себя в праве за ней броситься в погоню. Казалось, не переживёт она стыда, и теперь старалась не пропускать в мысли случившуюся неурядицу. Всё обошлось и Слава Богам. Хотя не меньше её

удивило, что княжич вот так вступился за неё. Из головы Росьи всё не выходил взгляд Дарко, полный гнева, вот же подумает теперь о ней невесть что. И про сестру пришлось лгать, что по общему сговору и согласию скрепила она узы. Если бы Валуи рассказал правду, позор бы точно настиг, вернулась бы она с Руяной восвояси, деревенские и вовсе их затоптали бы, житья им не дали. Защитила богиня-пряха, Валуи ушёл. Правда о чём они разговаривали ещё с Дарко, Росья так и не узнала, как бы ей того ни хотелось.

А тут ещё Руяна украдкой начала подшучивать, мол княжич больно засматривается на неё.

Тогда Росья краснела и одёргивала чернавку, сама оглядывалась — слышит ли кто их. И чего ей в голову такое пришло? Присматривается наверняка из-за Валуя. Вспомнив его в очередной раз, Росья передёрнула плечами.

— Кажется, опять накрапывает, — услышала она голос Дарко позади себя, обернулась, и тут же смутилась — горячий взгляд мягко огладил её.

Росья отвернулась, услышав тихий смех Руяны. Чернавка чуть наклонилась, шепнула:

— Гляди, как волнуется. Я же тебе говорила, глаз с тебя не спускает.

— Замолчи, — шикнула Росья на не в меру развеселившуюся девушку. Вот же горе взяла на свою голову.

Та только, сморщив веснушчатый нос, отстранилась, оставляя Росью в покое, смеясь одними глазами, но более не тревожила.

Росья подняла голову. И в самом деле, когда успели набежать тучки? В ответ этой мысли упало на лицо несколько холодных капель.

— Нужно искать укрытие, нешто под дождём мокнуть станем? — кто-то предложил из гридней.

— Да и девушкам спать на сырой земле не пристало, ещё наследников рожать, — подхватил волянянин.

Щёки Росьи и вовсе припекло, она беспомощно глянула на чернавку, которая согласно кивнула головой.

Действительно, тучи напоздли быстро. Теперь, когда выехали из леса, и кроны больше не мешали, это стало видно. В месте, где они проезжали, вдоль берега неширокой, заросшей рогозом реки тянулись вереницей хозяйские постройки да избы, старые и только недавно срубленные, что красовались новенькими резными наличниками. Мужчины, припомнив недавно сказанные слова Полада, заговорили об отдыхе. Всем хотелось и мягкую сухую постель, и баньку. А потому свернули в сторону пасущихся неподалёку волов, споро направились к первым дворам.

Не доехали и всего-то малость, как в недрах потяжелевшего, брюхатого неба загрохотало, а следом влил сплошной серой стеной дождь. Выехали всем скопом на быстро развезённую в грязь улицу. Гуси, что охотно паслись под дождём, с гоготом шарахнулись прочь с дороги, шипя и вытягивая гибкие шеи. Однако никто не спешил выходить к прибывшим путникам под шумящий ливень.

— Укройтесь, — подступил княжич, накидывая на плечи Росьи полог плаща, который пусть и был тяжёлый, но не пропускал влагу, и настолько был большой, что хватило и на Руяну.

Росья, оказавшись с ней под одним укрытием, наткнулась на её довольный взгляд, стиснула зубы. Чернавка, видя строгое лицо дочери старосты, не посмела больше и слова вымолвить, молчала.

На какое-то время девушки оглохли от грохота о плащ тяжёлых дождевых капель, но среди этих звуков вскоре просочился посторонний. Росья выглянула из укрытия. Навстречу к всадникам выбежал мужичок. Дарко и Полад о чём-то переговорили с ним, деревенский вдруг махнул рукой, указывая куда-то в сторону. Дарко развернулся и подал знак своим людям следовать за ним. Росья невольно засмотрелась на княжича. Вымокшие его волосы облепляли лицо, плотно сжатые губы выказывали твёрдость, глаза прищуривались от хлеставшего ливня, он смотрел пронизательно на гридней, и вдруг взгляд его остановился на сидевших в сёдлах и прижавшихся друг к дружке девушках. Росье почему-то подумалось, что княжич смотрит именно на неё. Да чего она себе возмнила такого? Она же не Станислава, чтобы на неё заглядываться. Может, напротив, берёт его разочарование, что потомственная ведунья, внучка Бреславы, оказалась самой обычной девкой, какая может жить в глухомани. Пусть и называл красой, да видно тогда смеялся, лишь бы дорогу выпросить до Елицы. Росья усмехнулся. Надо же, и сама ему путь указала, чтобы он вот так скоростижно забрал её у родичей.

— Любопытство меня разбирает, теперь думаю, похожи ли они с братом? — выдернула её из задумчивости чернавка.

Росья вдруг припомнила своё видение, но как-то смутно, слишком много прошло времени.

Казалось, Волот был матёрее, и волосы у него до плеч, темнее, чем у Дарко.

«Да и он ли это?» Об этом Росья сможет судить, только когда увидит старшего сына Мстислава, а до той поры только гадать.

Мужчина довёл путников до широких сосновых ворот, где они и разделились с мужской половиной. Девушек встретила низкорослая плотно сбитая женщина, которая заботливо отвела их в просторную, пахнущую сосновой живицей горницу терема. Приветливая хозяйка забрала мокрую одежду, накрыла на стол, чем богаты, и усадила молодых путниц отобедать. Росья проглотила ради приличия две ложки горячего наваристого бульона из крольчатины и поняла, что насытилась, есть не хотелось, ждала, когда закончит Руяна. Молча слушала, как шумит за окном ливень, кажется, и ветер поднялся. На улице так и вовсе посерело всё, небо с землёй воедино слилось.

«Так нескоро доберёмся до места», — с придыханием подумала Росья, и страх перед неизвестностью вновь объял её. Да и как там Станислава, где сейчас сестра? Всё ли у неё ладно? Она ведь поди так и не узнает о том, что Росья вслед за ней покинула отчий дом. Тоска задавила.

Пришла хозяйка, упредив со слов княжича, что ныне ночевать будут тут, и можно спокойно размещаться на отдых. Женщина отвела девушек в небольшую клетушку, где места для сна оказалось достаточно не только им двоим. Сбросив вымокшую одежду, Росья принялась чесать волосы, которые не мешало бы и вымыть. Хозяйка будто слышала её мысли, вернувшись вновь, с вестью, что банька истоплена и можно попариться вдоволь. И без того приподнятый дух чернавки теперь плескался наружу, она принялась с охотой собирать чистые вещи и рушники для вытирания. Росья только в изумлении наблюдала за ней.

— Неужели влюбилась в кого, Руяна? — сорвался вопрос, который мгновение назад и не думала задавать.

Девка заулыбалась ещё шире.

— А почему бы и не влюбиться? Глаза-то у меня поди не старческие ещё, зрячие, а сердце молодое. Вон какие нас молодцы окружают — выбирай какой понравится.

Росья так и осела, не думала, что так метко выстрелит.

— И кто же из них тебе больше приглянулся?

За время пути сама она не присматривалась ни к кому, немножко чуралась обществом мужчин, верно даже и имён не запомнила, кроме волюнянина, который отличался вместе с княжичем от других мужей особливо заметно.

Права была Станислава, точно сухарь.

Отвечить ей не позволила хозяйка дома, которая окликнула девушек, наказав поспешить в истопку, пока не остыла печь. Проследовав за добросердечной женщиной во внутренний дворик, они нырнули под навес. О повесть непрерывно стучал дождь, и не было конца ливню, хоть и близился глубокий вечер. Пройдя мимо высокого частокола, завернули и юркнули в низкие, вырубленные в этом частоколе двери, очутились на опушке леса, где и примостился на отшибе длинный сруб бани, как оказалось, с двумя входами. Видно сюда ходила вся деревня мыться. Росья в который раз убедилась, что в деревенских закутках и меж куреней можно свободно и заплутать. Ко всему в хозяйских постройках хранилось много добра от кузнечных молотов и щипцов, до мешков с крупами да зимних тулупов. Похоже, хозяева избы не бедствовали, жили в достатке.

Густой дым уже валил из дымоходов, их было тоже два. Руяну сие строение не смутило, а вот Росья забеспокоилась, когда увидела и княжеских гридней поблизости, что верно тоже спешили с дороги смыть грязь да испытать дух жаром. Дарко среди них тоже был, его Росья быстро отделила взглядом от остальных, сама того не желая. Прячась за Руяну, девица быстро прошмыгнула в дверь, хотя сложно оставаться незамеченной в обществе шумной девки, которая на глазах так и расцветает.

Как только зашли за изгородь, Росья смогла свободно выдохнуть. В небольшом предбаннике скинули одежды. Дочь старосты быстро расплела косу, оставшись обнажённой, и сделалось совсем неловко, настороженно оглядела рёбра стен — нет ли щели где, не подсматривает ли за ними кто. Не то чтобы она думала, что гридни способны на такое баловство, а всё же место

незнакомое, люди чужие, и ждать можно чего угодно. Ну как кто из местных замыслит беспутное. Впрочем, Росья одёрнула себя, укорив в излишней подозрительности. Кому она нужна-то, мышь серая?! Руяна же, напротив, с лёгкостью и грацией скинула с себя платье и исподнее, напевая под нос, и Росья от её спокойного голоса тоже утихла.

Хозяйка, пожелав лёгкого пара, удалилась, оставив гостей. Росья огляделась. Сложенная из тёсаного камня печь пыхала жаром, пар густым слоем обволок, что не видно было и стен, а только тускло лился дневной свет в прорубленное под потолком оконце. Пар проник в кожу, и всё тело мгновенно покрылось испариной, грудь потяжелела, как руки и ноги, дышать вскоре стало совсем в тягость. Руяна по-хозяйски, плеснула на печь ещё кваса, что стоял рядышком на лавке, и принялась зачерпывать горячую воду из чугуна, переливая в бадью. Росья, подхватив бадью, пристроилась рядом, черпая воду.

— Руяна, ты же так и не сказала, какой из молодцев тебе приглянулся, — вспомнила девица случившийся разговор.

Чернавка вздохнула только, продолжая черпать струящуюся паром воду. Росья уже и не ждала, что та ответит, но Руяна заговорила.

— Волынянин мне по сердцу пришёлся, — призналась девка.

Росья только в изумлении выгнула брови. Хотя, чему было удивляться, коли с уст того при виде Руяны улыбка не сходила. Лучше рассмотрела девку, и чернавка предстала перед ней в совершенно ином образе: тёмные волосы каскадом падали на спину к пояснице, были округлыми плечи, бёдра, а карие, почти чёрные глаза казались глубокими, как ночь. Она была хороша собой, даже очень, просто Росья никогда не задумывалась над этим. Руяна только помогала матушке выполнять работу по дому, которая ей перепадала. Она никогда не делилась своими переживаниями, хотя Росья никогда и не спрашивала.

Росья помогла натереть щёлоком спину Руяне, потом и чернавка намылила, растирая докрасна, её спину, помогла вымыть и волосы, за что девица была благодарна той — длинные волосы приносили много хлопот. Вскоре, размякнув совсем и обомлев, Росья в изнеможении распростёрлась без всяких сил на лавке, но Руяна не отступала, прошлась ещё берёзовым веничком по белой спине девушки, бёдрам и икрам, и стало совершенно неважно. А когда неё обрушился ушат горячей воды, так и задохнулась, а сердце стукнуло и неожиданно остановилось. Новый удар в спину застал Росью врасплох. От ошеломления она вздрогнула, непроизвольно выгнулась, не удержалась на лавке и грохнулась на пол.

Испуганная Руяна, вскрикнула, упала рядом на колени. Всё перевернулось с ног на голову, и потолок показался полом. Росья сжалась в комок, пытаясь сделать вдох, скорее наполнить грудь воздухом, но не выходило, и только лишь слышала, как Руяна закричала, заохала, начала трясти хозяйку. Что-то бормотала, Росья так и не услышала, что именно, словно меж ними легла каменная плита, которую уж ничем не пробить. Сознание постепенно угасало в глазах девицы, оставляя её по ту сторону яви.

Карие глаза чернавки, затопленные испугом, наполнились влагой. Не дозвавшись Росью, она бросила прочь из истопки, выскочила на улицу, распахнув настежь дверь. Росья сделала ещё одну попытку втянуть в себя воздух, ухватившись за край лавки, чтобы сесть, но не смогла, рука соскользнула, и сама она повалилась на пол, проваливаясь во тьму.

Крошечная вязкая мгла медленно рассеялась, и Росья увидела фигурку женщины в глубине просторной хоромы. Она сидела возле кровати и бережно поглаживала покоящуюся на постели мужскую руку, что-то шептала, в глазах её блестели безутешные слёзы. Женщина выглядела изнурённой. Серые круги залегли под глазами, и тёплого оттенка осенней листвы глаза наполнились печалью. Росья показала, что она где-то видела их, и тут пришло осознание, что Дарко имел схожие черты с ней. Она быстро глянула на лежащего мужчину. Он был молод, но старше Дарко и Полада. И не было сомнений, что это был тот самый мужчина из первого видения. Он лежал неподвижно с закрытыми глазами, лицо потемнело, как старый, выцветший от времени рушник. Широкая крепкая грудная клетка не вздымалась при дыхании, как у живого человека. Невольно проскользнула мысль — мёртв? Но на распахне женщины, что сидела рядом, не было никаких маринных знаков, стало быть, печаль её не в том.

— Когда он слёт? — услышала Росья посторонний мужской голос.

В дверях появился очень похожий на спящего сына мужчина, лета которого хоть и перешли то время, когда жизнь била ключом и кипела в жилах кровь, но выглядел он весьма статно в дорожном плаще, забрызганном грязью — знать с пути.

— Три дня уже, — отозвалась женщина бесцветным голосом, не оборачиваясь, сжимая руку спящего.

— Три? — мужчина прошёл вперёд. — Что же Дарко так долго...

Росся закашлялась и не сразу поняла, что её стискивают чьи-то сильные и неумеренно тяжелые, как ей показалось, руки.

— Ну, дыши, — потребовал кто-то. — Росся!

Она сделала ещё один вдох и снова закашлялась, будто в грудь ей насыпали камней, а на горло наступил вол. Но мало-помалу тяжесть, что придавливала её к полу, словно мокрая глыба снега, сошла, и лёгкие, расправившись, ожили. Теперь только при вздохе чувствовала колющую боль под сердцем.

— Это я виновата, — узнала Росся голос Руяны, который оборвался надрывным вздохом. — Горе мне, едва не загубила. Прости меня! Прости! — молила она.

Росся открыла глаза и мгновенно погрузилась в тёплое море орехового цвета глаз Дарко, встрепенулась, крепкие ладони всё ещё стискивали её. Княжич, почуввав смущение девушки, выпустил, но не совсем, придерживал за талию. В испуге Росся оглядела себя. Была завернута в полотно и сидела не в жаркой истопке, а в предбаннике, куда залетал ощутимый сквозняк, от которого девушку быстро прошибло ознобом. Нутро задрожало, но это менее всего сейчас её тревожило. Дарко был так близко, что Росся готова была провалиться сквозь землю от стыда, ведь сам он был одет в одни порты. Верно Руяна так расшумелась, что княжич прибежал сюда прямо с жара, успев натянуть только штаны.

— В избу её скорее, на холоде-то застынет детка, — всплеснула худыми руками хозяйка, заглядывая внутрь.

В двери мелькал и Полад с другими гриднями, и были немые, как рыбы, смотрели на происходящие в недоумении.

Росся попыталась встать сама, чувствуя себя уже лучше, но весьма скверно от того, что только что произошло. Подняться на ноги она не смогла, колени ослабли и подкашивались от трясучки.

— Давай я тебе помогу, — услышала Росся у виска мягкий голос Дарко и не успела возразить, тот с лёгкостью подхватил её.

Руяна пустилась вперёд их. В сопровождении женщин они вернулись обратной дорогой, как и пришли. Росся старалась не сильно прижиматься к горячей влажной груди княжича, но не получалось. Сердце её колотилось то ли от случившегося приступа, то ли от того, что Дарко несёт её на руках. Росся смутилась, ощущая сквозь тонкое, успевшее напитаться влагой полотно его горячие ладони на своём теле и пышущую жаром грудь. Благо они уже скоро оказались в клетке, и Дарко уложил Росью на лежанку.

Княжич выпрямился, обеспокоенно оглядывая девушку, верно ещё не верил в то, что она оправилась. Руяна, что кинулась за платьем, вдруг замерла.

— Пойду... трав сварю, на холоде сколько пробыла...

Росся хотела было окликнуть, но девки уже и след простыл. Вспыхнув злостью, что чернавка оставила её одну, она сомкнула губы и плотнее закуталась в вымокшее под дождём полотно, липнувшее к телу. Щёки припекло жаром при одной мысли о том, как выглядит сейчас в глазах княжича — что мокрая курица. Да и что же получается, видел её совершенно голой на полу?

Росся сжалась, теперь уже избегая сосредоточенного взгляда Дарко. Но его, казалось, и вовсе не смущала откровенная нагота не только девушки, но своя собственная. Когда она всё же осмелилась взглянуть на княжича, поняла, что Дарко занимали иные мысли, вовсе не те, которых она так устыдилась.

— Как себя чувствуешь? — вдруг спросил он, не собираясь верно уходить.

— Лучше, — отозвалась она, стараясь смотреть ему в лицо, но не на гибко сложенную стройную фигуру.

Дарко выдохнул. И только тут Росся поняла, что он взволнован.

— Перепугала ты нас, — горько ухмыльнулся он.

Лежать под исследующим взглядом молодого мужчины, глаза которого были слишком глубоки и темны, а дыхание — горячо, оказалось непросто. Она попыталась сесть, сбрасывая оцепенение. С колен вдруг сползло полотно, оголяя ноги. Взгляд Дарко невольно скользнул снизу вверх по голым стопам и лодыжкам. От внимания Росьи не ускользнуло, как взор его изменился, вспыхнуло в нём что-то иное, что-то, от чего ей стало совсем тесно, а на лице

княжича отпечатались холодная твёрдость, не оставляя следа от былой тревоги. Росья пронаблюдала, как зрачки Дарко расширились, и их заволокло серебристой дымкой, как после дождя. Княжич хотел отойти, но вышел совершенно другой жест, он протянул руку, и пальцы осторожно коснулись голых колен, от чего кожа Росьи мгновенно покрылась мурашками. Она не отстранилась, и вспыхнувшая доселе неведомая ей тяга заполонила нутро, заставляя осмыслить то, что ей нравится, как он касается её. Дарко медленно погладил икры. Клетушка поплыла перед взором Росьи, в животе занемело, тело стало лёгким и одновременно ослабшим. Ещё никогда никто не касался её так, не смотрел таким взглядом. Валуй смотрел на неё по-другому, как на выбранную им дорогую лошадь на торгу, но не так... Совсем не так, как смотрит Дарко.

Княжич оказался так близко, что девушка, втянув в себя запах его тела, напоминающий запах мха и кедра, задержала дыхание, даже в висках застучало.

— Ты... очень красивая, — тихо прошептал он.

Его дыхание мягко прокатилось по щеке Росьи. Сердце продолжало отстукивать так гулко, что казалось, его грохот слышал и княжич. Он склонился ещё ближе, немного наваливаясь на девушку, заключая в ловушку. Девушка опустила взгляд на губы мужчины, и поняла, что изгиб их ей нравится: чуть опущенный кончик с одной стороны и приподнятый с другой.

Это неправильно. Так не должно быть. Другой мужчина не должен её касаться, только тот, кому она предназначена. В тот миг, когда Дарко хотел прильнуть к губам Росьи, она отвернула лицо. Дышала глубоко и часто. Некоторое время прислушивалась, боясь пошевелиться, но ничего не последовало. Прошло мгновение, ещё одно, и Росья вдруг почувствовала, как тепло отхлынуло от неё, а дышать стало свободней. Рука Дарко исчезла с её колена. Княжич, подобрав покрывало, накрыл ноги девушки, и верно нелегко ему это далось, потом отстранился.

— Прости, я не должен был...

Он поднялся, скрипнула лежанка. Росья не осмелилась посмотреть в его сторону, услышала только, как тихо притворилась дверь. Переведя дух, она без сил откинулась на постель, закрыв глаза. Всё ещё дрожала, но так и не смогла понять, что тому было причиной.

Росья, скованная робостью, лежала без движения долго, смотрела в потолок и прислушивалась к звукам, однако по избе разлилась тягучая, как масло, тишина. Кожа там, где дотрагивался Дарко, горела, всё ещё чувствовались лёгкие и в то же время твёрдые пальцы княжича, что поглаживали осторожно и одновременно настойчиво. Глубокий взгляд всё ещё держал в плену и не отпускал. Что происходило с ней? И ещё этот приступ... Надо же случиться ему именно в бане.

Росья моргнула, сбрасывая оцепенение. Воспоминания о видении нахлынули на неё внезапно. Вновь, как наяву, увидела женщину, сидящую возле постели, её слезы... Теперь не оставалось сомнений, что это был Волот. Только странно, что же с ним такое? Неужели болен? Росья пождала губы, жалея, что не выяснила это у Дарко, но если бы спросила, тогда он заподозрил бы её, а что хорошего ожидать с этого? Если расскажет о даре прорицания, то создаст себе немало мороки и хлопот, которых и без того было много, и так оказалась на виду у всех, да ещё, вот стыдоба — полуголой и простоволосой. Росья собрала разметавшиеся по подушке влажные волосы, скрутила их на затылке, перевязав узлом.

«Пусть пока всё остаётся в тайне», — решила она.

Как только прибудет на место, там уже осмотрится и поймёт, что к чему. И о Волоте тогда уже и выяснит всё, проверив свои видения, верны ли они, хоть теперь не оставалось сомнений на этот счёт.

Мысли путались, голова всё ещё оставалась тяжёлой. Ко всему дрожь не унималась, плескалась где-то в глубине затихающая дурнота, и девушка не могла сосредоточиться ни на чём, вновь и вновь возвращаясь думами к тому, что мгновение назад здесь произошло. Лицо с новой силой пынуло жаром, что даже в висках застучало.

«В самом ли деле говорил Дарко правду, или утешить лишь бы? Он хотел поцеловать, а я не позволила...»

Росья не могла утаить от самой себя, что прикосновения и голос его ей были приятны. Лился этот голос что мёд, сладостно и протяжно, а глаза таили что-то сильное, неумное и были горячи, как песок, нагретый на солнце. Сердце вновь бросилось в галоп. Правильно матушка говорила, чтоб в глаза мужам подолгу не смотрела, одурманят. И нужно поскорее выбросить из головы то, что произошло, пусть это и казалось невозможным.

Скрипнула дверь, чернавка тихо вошла в клеть, клоня повинно голову, в руках чарка с отваром. Девка под села к Росье на край постели и вручила снадобье, роняя кроткие взгляды. Та отпила, едва узнавая чуть горьковатый и вязущий на вкус, кажется, это были череда и тысячелистник. Горло обволокло, а по телу пролился жар, и вскоре Росью перестало трясти. Глянула на притихшую чернавку и поняла, что не может держать долго обиду за то, что та оставила её наедине с княжичем. Руяна хмурилась.

— Мне следовало быть осторожнее, ты ведь вон какая хрупкая, нежная. Я-то к жару привычная. Дочь старосты поспешила утешить.

— Ты тут не причём, — тронула она прохладную руку девушки.

— Как же, — насупилась Руяна.

Росья вздохнула, даже разомлела от питья.

— Забудь, — попросила она.

Рассказывать, что произошло на самом деле, Росья не осмелилась, да и пускай прониклась к девице, но обещание, данное себе, сдержит, будет помалкивать о том, что видела.

— Всё обошлось, и хорошо, — Росья даже, чтобы облегчить терзания чернавки, улыбнулась, хотя это и с трудом далось ей.

Руяна только протяжно и горестно вздохнула, но говорить больше ничего не стала, видно решая поскорее позабыть случившееся. Так оно и лучше. Она опустила взгляд и поднялась, высвобождая руку. Пройдя к сундуку, подобрала исподнее, что приготовила недавно для себя и Росьи. Всё же внимательная была и хозяйственная Руяна. Женой будет хорошей.

Расправив платье, вытягивая его перед собой, чернавка задумалась, а потом опустила руки и повернулась к Росье.

— Не знаю и не понимаю, Росья, кому ты достанешься из братьев, но к сердцу Дарко ты прикипела.

Невеста повела плечом, растерялась и верно вновь покрылась краснотой. Перед Руяной неловко стало о таком говорить, да ей и никогда не приходилось, как Станислава, делиться сердечными переживаниями.

— Не говори глупостей, — буркнула девушка, а потом почувствовала, как Руяна вновь села на краешек постели, простёрла руки, разматывая волосы Росьи, взяла гребень со стола и принялась неторопливо расчёсывать.

— Как он на тебя смотрел, в жизни не видела, чтобы вот так... — тихо сказала она будто и не Росье, а самой себе. — Ты бы хоть улыбнулась ему разок...

Росья закатила глаза.

«И она туда же», — выдохнула.

— Мне и без того страшно, Руяна, — внезапно для себя призналась. — Едем, не знаем, куда...

Да ещё с Волотом ничего не ясно. Странно и нелепо это всё. Росья припомнила, как княжич, когда отдавал ей обереги бабкины, говорил, что разыскивал целительницу для матушки. Но видение её показывает, что и не для неё? В груди сдавило, нехорошо сделалось, не в силах была избавиться от чувства, будто что-то утаивает Дарко. Росья протянула руку, подобрав связку оберегов. Задумчиво рассматривала их, пока Руяна управлялась с волосами. Перебирала и поглаживала железные колёсики подвесок и зубцы да лунницы — женские мощные обереги, что ковали полумесяцем — такие же были и у неё самой.

— В Дольне спокойнее, чем у нас, в Елицах.

Росья в удивлении чуть повернула голову в сторону чернавки, но потом вернулась в исходное положение, опустив расслабленно плечи.

— Откуда знаешь? — спокойно спросила она.

— Из разговоров мужчин.

За время пути Росья не вслушивалась, о чём толковали гридни, хоть в дороге уже почитай третий день вместе, казалось это без необходимости ей. А вот выходит, и напрасно, можно для себя много пользы из того почерпнуть. Росья в какой раз себя упрекнула в том, что слишком беспечна, мечтательна, не то, что Руяна, да и Станислава: хваткие, своего не упустят, всё знают, всё наблюдают и слышат. А она будто с другого поля ягода, о чём сестрица указывала и не единойжды.

— И народ там, говорят, хороший, хоть и много приезжих, но верные князю, почтительны с чужеземцами. Да и сам князь Мстислав, говорят, великодушен и справедлив. И терема там не из дерева, каменные стоят, правда стынъ из них не уходит.

— А про Волота слышала что-нибудь? — не удержалась Росья от любопытства.

Управившись с волосами, заплетя их в нетугую косу на ночь, чернавка отложила гребень.

— Не слыхивала. Правда Полад сказывал, что тот особенно не говорлив и знается с людьми, которых держит у своего сердца, да судя по всему, таких у него малое количество, — Руяна замолкла, задумалась на миг, будто вспоминала что-то. — Ещё слыхивала, что старший мало куда выезжает из городища, говорят, всё отец хлопочет. Да и от Полада слышала я, как он много раз Дарко упрекал, что мол княжич слишком великую тяжбу на себя берёт... Только вот я не поняла, о чём они, — хмыкнула чернавка.

Росья вздрогнула — всё же холодает к ночи, за окном потемнело уже давно. Она зябко поёжилась, чувствуя, как выпитый травяной сбор начал набирать силу: отяжелело тело, становясь вялым и ленивым, страшно клонило в сон. Повесив бабкины обереги на шею, Росья забралась под одеяло, укрылась плотно и, положив голову на подушку, молча наблюдала, как Руяна приготавливается на сон — тоже расчесала волосы и нырнула под покрывало. Уснуть сразу не удалось, и нахлынувший было сон растаял, как туман.

Росья всё вспоминала то, что рассказала Руяна, и о Волоте думала, который станет ей в скором будущем мужем, и не верила в то. Краешком сознания поняла, что её занимают совершенно другие мысли, и как бы Росья ни пыталась ускользнуть от воспоминаний о прикосновениях княжича, что рисовались в воображении так ярко, уйти от них не удалось, даже напротив, чем больше она сопротивлялась, тем сильнее увязала в них, как в трясине. Вконец истерзавшись, ворочаясь с боку на бок и слушая размеренное сопение Руяны, Росья сдалась и всё думала о том, как завтра посмотрит в глаза Дарко, чтобы не зардеться, не растеряться, не сказать какую-нибудь глупость. Она то пряталась под одеяло, когда ей становилось будто холодно, то выныривала, когда вспоминала о близости, попадая под горячую волну воспоминаний, кровь прилиwała к лицу, и ей становилось жарко.

«Нельзя думать о таком, нельзя даже грезить, не доведёт это до добра».

Измаявшись до гулкой пустоты в голове, Росья всё же провалилась в желанную темноту, что приняла её, обнимая, как заботливая мать. И казалась, только смежила веки, как нужно было вставать.

Руяна суетилась, собирая вещи, и как увидела, что Росья проснулась, пожелала девушке доброго утра.

— Обуйся, застудишься, — подставила ей к кровати войлочные сапожки.

В клети и в самом деле было прохладно, такую громадную избу быстро не протопишь. Но из окна бился яркий белый свет. Никак распогодилось? Не успела Росья переплести туго косу и перевязать тесьмой, как явилась хозяйка, приглашая гостей к столу. На этот раз потчевала грибным пирогом и тушёной капустой. Насытившись, девушки поблагодарили заботливую хозяйку за постой, нагрузившись вещами, поспешили выйти во двор, где уже ждали их взнузданные лошади. Небо хоть и посветлело, да всё так же заполняло солнце, стоял мутным молоком туман, что не видно было, где заканчивается деревенька и начинается лес, и казалось, что они вышли на островок, за которым пустота. Пахло глубокой осенью, ледяной сыростью и соломой. Жизнь здесь текла медленно, как закованная льдом река, сонные кровли изб, что древние старцы, частоколом торчали из окутавшего тумана, призывали остаться и никуда не спешить, переждать зиму. Слышны были только переклички детей да тихий говор гридней, которые скопились у конюшен, ожидая остальных. К ним девушки и направились.

Слава Ладе-матушке, среди мужей Дарко пока не оказалось, как и Полада. У Росьи даже на душе просторнее и светлее стало, но всё равно старалась не смотреть ни на кого из мужчин. Покой был вновь потерян, когда во дворе появился волянянин, бодро шагавший к путникам. Росья невольно снова отметила, как он отличается от плечистых гридней своей рослостью, крепким, как гранит, телосложением и светлыми волосами. А глаза были что осколки льдин, и всё равно таилось в них тепло и радушие. За другом появился и Дарко.

Сердце Росьи так и подпрыгнуло, а ноги и руки ослабли, и не знала, куда себя деть, судорожно сжимая в пальцах дорожную сумку. Она повернулась к чернавке, сболтнув верно какую-то глупость, но та быстро смекнула, как девушка заволновалась, заговорила тоже о чём-то непринуждённом. Росья спиной почуяла его приближение, казалось, ледяная тень накрыла её, и стало ощутимо холоднее. Так и не нашла смелости повернуться, и княжич не пожелал доброго утра, не выпросил, хорошо ли спалось в чужом доме. Он сухо переговорил короткими фразами с гриднями о предстоящем пути. И когда Росья поднялась в седло, случайно столкнулась с ним

взглядом. Мороз так и продрал. Дарко был мрачнее вчерашнего дня, казалось, тучи сошли, но их след остался в глазах княжича. Он отвернулся и больше так и не посмотрел в её сторону. Даже Руяне впервые не нашлось, что сказать, лишь осторожно, чтобы никто не увидел, погладила утешительно по холодной руке девушки, будто бы знала, что произошло меж ними. Хотя верно ныне это стало очевидным для всех. Даже Полад смотрел на Росью извиняющимся взором.

Выдвинулись из деревеньки споро. Росья пришла в себя только тогда, когда они уже удалились от берега на много сажений, и деревню на берегу скрыл густой зеленоватый туман. Она без конца поднимала глаза и смотрела в сильную спину Дарко, вновь уводила взгляд, чтобы снова вернуть. Беря пример с Руяны, наострила слух, впитывая каждое слово, сказанное мужчинами. И вскоре из разговора Росья поняла, что к вечеру придут к угодьям Дольны, а там и до самого городища рукой подать. И значит, скоро, как ни скверно было признать невесте, закончится их путь.

ГЛАВА 6. Наказание

По обе стороны медленно плыли в мутном тумане пашни, пока луга, покрывшиеся водяным панцирем, не сменились рябиновыми кустарниками да берёзами. Размытыми причудливыми силуэтами просачивались через плотную водяную дымку коряги, иногда пугая коней. Дарко почти не заметил, как минули они уже много вёрст, и деревенька, в которой заночевали, осталась далеко за спиной. Он вообще старался не оборачиваться и держаться как можно дальше от Росьи, теряя рядом с ней всякое хладнокровие. Вчерашний случай показал, что он не способен управлять своими желаниями. Воображение его всё ещё, хоть и прошла целая ночь, играло, подкидывая образы хрупкой и растерянной девицы.

«Хрупкой, леший бы побрал, растерянной и чувственной до помешательства». Безумно пленительной, такой, что один вид её голых стройных ног взбудоражил в нём всё, что можно. И спал он весьма плохо, если вообще спал. Но больше всего его самообладание подрывало то, что он полез к девчонке, и, если бы она не охладила своим отказом, то... Дарко вскипел, проклиная себя. С её стороны разумней было ударить его, закричать, выставить его вон, но он верно напугал её только. И как бы ни требовалось немедленно от неё отстраниться, сделать это было куда тяжелее, чем того хотелось. Мучило желание коснуться её влажных русых волос, вдохнуть запах кожи, заглянуть в омуты дымчато-зелёных глаз, впитаться в мягкие губы, густо порозовевшие от жара, который прихлынул к её лицу и робко окрасил щёки в багровый.

Княжич быстро покинул её, потом занялся какими-то собственными нуждами и всё делал непроизвольно, неосознанно, что и не вспомнить. Кажется, собирал какие-то вещи, ходил без причины из угла в угол, делая много лишних движений и слыша в свою сторону острые шутки Полада, что иногда встряхивали его. Пришлось признать, что, как только услышал крики чернавки, не помнил, как натянул штаны и выбежал из истопки на улицу, а потом, когда увидел Росью на полу в клубах пара, так и вовсе потерял выдержку. Увидел её, свёрнутую в клубок, и только на лице след муки, губы белые. Он закутал её в полотно, подхватил на руки и вынес в предбанник. И когда она очнулась, сделав скудный вдох, сердце Дарко ожило, будто до этого его сжимал каменный кулак. Он старался не обращать внимания на то, что она была так близко, завернутая в тонкую ткань. Ощущая тепло её тела, придерживал за хрупкие плечи, старался не касаться девицы лишней раз, но верно у него не получалось.

И когда добрался до постели, стоило сомкнуть глаза, как в памяти возродилось то, чего ещё никогда так не желал в своей жизни — взять невесту, которая предназначена его брату. Как только рассвело, поднялся он быстро, сильно подозревая, что всё-таки не спал. Умылся, оделся бездумно и произвольно, собиравшись в дорогу, будто его тело находилось в избе, а сам он — в какой-то яме. И только Полад, что внимательно наблюдал хмурость и излишнюю резкость друга, всё подшучивал, щеря бесстрашно зубы, хотя знал ведь, что ходит по краю. Дарко, пребывая в скверном расположении духа, мог и вспылить, съездить по этим самым зубам. Однако пёс имел чутьё — волюнянин вовремя мог остановиться.

Утром она даже не взглянула на него. Теперь будет избегать.

«Бес дёрнул касаться её!» — всё это страшно злило.

Как бы он ни отгораживался, но мысли о том, что он безразличен ей, лезли в голову. Дарко подумал, что причина его тяги — это сны, да и данное перед богами обещание сыграло с ним злую шутку. При одном лишь виде оголённых щиколоток его скрутило так, что боги упасите. Подкупала чистота и невинность Росьи. Однако каких бы ни находил оправданий, признавать то, что она достанется Волоту, было трудно, корбило. Но как бы там ни было, как бы его ни влекло к девчонке, ссориться с братом он не намерен, тем более, их отношения и так накалены, назвать их дружескими никак нельзя. Да и в самом деле, разве мало девиц в его окружении?

— Что, совсем тяжело? — вырвал из задумчивости голос побратима, но на этот раз без насмешки. — Ты не меняешься, как я погляжу, такой же однолюб.

Дарко мрачно глянул на него и отвернулся, оставив без ответа вопрос волыннина. Полад оказался прав, увлечений разных у него было множество, но в сердце была лишь одна, хоть он и не имел с ней никакой близости.

— До Паволока уже и рукой подать, — перевёл друг разговор в другое русло, видно понимая, что терпению Дарко приходит конец.

И верно, к вечеру должны будут добраться до излучины. Паволок — городишко крупный, но всё равно меньше Дольны. Народу там числится много за счёт пришлых, кто торговлей промышляет. Суетно в нём, мозолить глаза людям не следует, и ночлег искать лучше где-то на окраине. Кто знает, как всё обернётся в будущем, прознай они раньше времени о невесте. Дарко хмыкнул, окончательно решив от своего не отступать. И в самом деле, лучшее поскорее управиться и отправиться в другие земли. Крепла уверенность в том, что ненужные наваждения покинут его, стоит только ступить за порог. Но теперь острым ножом колола совесть, ведь не до конца честен. Следовало всё же рассказать, что ждёт её в княжестве, и что с Волотом не всё в порядке. Тогда не задумает ли она сбежать? Подводить брата он тоже не мог.

Из потока бурлящих мыслей его выдернул сухой кашель. Он обернулся, выхватывая среди гридной фигурку Росьи, и обомлел. Девчонка плохо держалась в седле, покачиваясь. К тому же бледна была, что мел. Столкнувшись взглядом с Дарко, она тут же опустила взор, и только было видно, как тонкие пальчики напряжённо сжали поводья.

— Ну вот, застыла-таки, — всплеснула руками чернавка.

Дарко и мгновение назад слышал кашель, но не придавал значения до тех пор, пока он стал грудным и затяжным.

— Час от часу нелегче, — выдохнул Полад.

Дарко обвёл взглядом окутанный туманом лес, настораживаясь. Хоть и закончились владения того, кто терзает брата, кто погубил и Граду, а ощущение, что за ними кто-то пристально наблюдает, не покидало княжича. Так и ждал, что дрогнут еловые ветки, и к ним выйдет тот, чьи глаза затянуты бельмом. Так его описывал Волот.

Ехали молча, пока всадников не окутали сгустившиеся сумерки. Настораживало то, что туман так и не рассеялся, но утешало, что дождя, похоже, не будет. Густую тишину всё чаще разрывал кашель Росьи, который заставлял тревожиться всех. И как бы ни пыталась она скрыть своё недомогание, а сдерживаться от приступов удавалось всё труднее. Сляжет ведь. Но где-то в глубине сердца у княжича затеплилась надежда, что путь их, хоть не на много, но станет длиннее, хоть и нужно было поспешить. И так задержался из-за затяжных дождей вон на сколько.

Лес неожиданно оборвался, открывая холмистые просторы, поросшие кустарником, смешанным с пролесками. Только тогда они встали на короткий привал, чтобы Росья смогла испытать травяной сбор, а воины — сходить по нуждам. Поднявшись в седла, теперь уже погнали лошадей во весь опор по накатанной телегами дороге. Вскоре показались первые дома, которые через несколько сажень уже замелькали так часто, что путники даже не заметили, как попали на улицу, а по сторонам окружили богатые срубы гостиных дворов. Даже несмотря на то, что опускалась темень, народ не спешил расходиться по тёплым избам. Больше всего их скопление было на берегу, где разгружались прибывшие ушкуи. Нынче с этого берега весь товар повезут в Дольну на торг. Путники в само городище заезжать не стали, остановились на небольшом подворье местного купца, который держал посильное хозяйство и постоянный двор. Самого хозяина дома не застали, а вот сын его охотно принял дорогих гостей. Спешившись, гридни быстро разгрузились. Росья, уставшая и изнуренная дорогой, едва ли не валилась с седла. Дарко, нарушив своё обещание не приближаться, а уж тем более не притрагиваться к ней, помог

ей слезть, быстро подхватив за пояс, медленно опустил наземь. Девушка так и скрывала одолевшую её слабость, ни в какую не признавала своего недомогания ни перед чернавкой, ни перед ним. Вот уж упрямая. Руяна куда-то враз запропастилась. Полад вместе с воинами разбредлись уже, помощники забрали под уздцы коней, уведя в стойла. Дарко понял, что девушку он так и не выпустил, сжимая в объятиях. Похолодало заметно под вечер.

— Теперь избегать меня станешь? — прошептал он, чуть наклоняясь.

Росья заколебалась, и он ждал чего угодно, только не её последовавшего ответа.

— Не стану.

Тогда, не зная на что рассчитывает, он спросил:

— И, — он чуть помедлил, — ...и отталкивать меня не хотела?

Росья замерла. Через плащ он почувствовал, как она дрожит. И снова Дарко ожидал, что она вырвется, отпихнётся или отвернётся, как в прошлый раз, но ничего этого не произошло. Грудь её размеренно вздымалась, выпуская горячее дыхание. Она сглотнула, долго посмотрела на княжича. Глаза её, чистые, как лесные родники, очаровывали, затягивали, творили с ним боги знают, что, но на дне их вдруг залегла тревога. Облизав пересохшие губы, она раскрыла их, чтобы ответить, и вдруг неожиданно появилась чернавка. Совсем некстати. Дарко и не знал, какими усилиями смог разомкнуть объятия, закутал плотнее чужую невесту в плащ и подобрал с земли её вещи.

— Не стой на холоде долго, — сказал и пошёл прочь, чувствуя, как внутри разгорается пламя. Княжича встретил один из прислужников постоянного двора. Отдав тому распоряжение проводить девушек внутрь, в самое лучшее и безопасное место, накормить вкусно и досыта, Дарко щедро заплатил. Прислужник и без высокой награды выслужено кланялся и уже спешил вниз по лестнице, к девицам. Княжич с трудом удержал себя от того, чтобы вернуться к Росье и удостовериться в том, что её отведут куда нужно. Надо же было ему сболтнуть лишнего, потребовать от неё ответа. Верно только ещё больше усугубил своё положение, теперь вовсе дичиться его станет.

Постояв немного, он толкнул дверь и вошёл внутрь. Как и предполагал, в горнице былолюдно, несмотря на то, что подворье стояло на отшибе. За длинными столами, что тянулись вдоль стен, лавки полнились людьми. Воздух давил тяжестью, ко всему густо пахло кислой брагой и мужицким потом. Дарко, сорвав шапку и встряхнув волосами, распахнул и кожух, расправив ворот кафтана, одним взглядом окинул присутствующих, выискивая среди постояльцев Полада, который успел затеряться. Но княжич быстро отыскал светловолосую голову волянянина.

Полад вместе с остальными уже сидел за столом. Пройдя вперёд, Дарко погрузился в шумный гомон множества крепких грудных голосов. Гридни в приподнятом духе от того, что скоро вернуться в Дольну, тоже бойко переговаривались. Дарко даже приостановился. Его теперь эта весть вовсе не радовала. Сомнение раздирали на части. Конечно, его ждут Волот, отец и матушка. И они надеются на него, они верят, что он привезёт невесту, которая облегчит муки брата. Но... Тяжко вздохнув, Дарко так и не смог найти внутри себя выхода из сложившегося положения. Быстро же угораздило, слишком быстро, чтобы что-то осмыслить, но он ничего не смог сделать и понять — тоже. Одно он знал наверняка — все попытки выкинуть Росью из головы завершались провалом. Она пробуждает такой шквал чувств, что Дарко бессилен с ними бороться, и все попытки пресечь это лишь только злили и разжигали в нём огонь желания ещё больше. И нужно было срочно с этим что-то делать. Может это всего лишь мимолётное увлечение, да и женщины в его постели не было уж очень давно. Похоже, данный Мирогосту обед придётся нарушить, иначе просто свихнётся. Вон как распаляется на ровном месте. Вот и Полад стал его жутко злить. Он пробежал взглядом по горнице. Три развратившиеся от жара и духоты хорошенькие девицы бегали среди постояльцев и только успевали наполнять чары гостям, их густые взгляды и мимолётные улыбки притягивали многих, кто-то пытался их ухватить за руку, ущипнуть за мягкие места. Но Дарко ощутил только омерзение, хотя, помнится, никогда не брезговал приласкать одну из них, а потом утащить самую хорошенькую сочную девицу в укромное место. Сейчас он хотел не их, раскрепощённых, пресытившихся мужскими ласками. Он хотел ту, которая осталась за стенами. Ту, которая не решилась на поцелуй, чьи щёки при малейшем внимании покрываются румянцем. Дарко стиснул зубы, чтобы сдерживать стон. Хотелось просто, чтобы она была рядом.

Дарко подсел к своей дружине, молча наблюдая за весёлой беседой. Стол быстро наполнился яствами. Есть, как ни странно, после дня пути вовсе не хотелось. Полад, после холода быстро

захмелевший от медовухи, приготовился было снова вести задушевные беседы, но его перебили громкие возгласы и смех сидящих за спиной княжича мужиков. Дарко бы это нисколько не зацепило, если бы княжич не услышал среди непрерывной болтовни имя Росьи. Полад и остальные тоже настороженно вслушались, неспешно попивая кто квас, кто — брагу.

— Доброге повезло. Я бы его, как комара, пришиб, полетел бы к бесу из Елицы. Пёс неплохо разжился на своей младшей дочке, запродав задорого и думает, что может честь себе вернуть. Дарко напрягся, что каждая мышца окаменела. Тот же голос продолжил вещать:

— Не доглядел за своей дочкой Доброга. А ещё старостой зовётся! Что за староста, если собственная дочь ни в грош слово его не ставила. Она и младшая уподобилась старшей, хоть и не вызрела ещё. Доброга барыш взял, хоть девка ещё не на выданье, а он уже продал её. Княжич, смяв кулаки, медленно повернулся, чтобы посмотреть на говорившего. Прямо за спиной сидел косматый мужик, подстриженный под горшок. Овчинный тулуп и простецкие сапоги выдавали в нём не купца или важного чина человека, а скорее гостя, что едет на торг что-то приобрести или, напротив, продать. Рядом с ним сидел светловолосый парень.

— Это кто же такой? Кому же запродав? — спросил кто-то другой, верно с недоверием и насмешкой, Дарко не видел, но чувствовал.

— Вот Станил, сын мой, не даст соврать, — положил рассказчик широкую ладонь на плечо юноши. — Ему Доброга обещал старшую дочь Станиславу, а та, потаскуха, взяла и сбежала. Слушавшие во все уши местные купцы и люди сторонние щерили зубы.

Княжич не заметил, в какой миг гнев опалил его всего.

— Дарко, оставь, — призвал его кто-то из гридней, но не был услышан.

— Волот Мстиславович пожелал одну из дочерей старосты Доброги, — после короткого молчания поведал мужик.

— Да ну, брешь ты всё, мельник! — махнул один из постояльцев, явно и слушать не желая. — Неужели княжич Волот Мстиславович во всех деревнях да соседних княжествах не мог себе найти невесту?! На кой ему девка из глухомани дремучей? Простолюдника бесхребетная!

— Клянусь своей мельницей! Боги не дадут солгать, — осенил себя знаменем мужик. —

Росью дён три назад забрал отряд княжеский! Блудницы беспутные, вот они кто!! — выкрикнул зло.

Но не договорил. Дарко с ходу врзал ему куда-то в ухо. Мужик вылетел из-за скамьи. Княжич, не дожидаясь, пока тот раскритится и поднимется, схватил противника за шиворот, вздёрнул на ноги. Хоть тот и был с сединой, но крепкий и широкий, как дуб. Остальные мужики мгновенно подскочили.

— Кто такой? — потребовал Дарко ответа у осквернителя, встряхивая его.

Тот, зажимая ухо, из которого сочилась кровь, заморгал растерянно.

— Мельник я, Ивар, — проговорил с трудом.

Но очухавшись, Ивар разглядел, что перед ним возвышается юноша чуть старше его сына Станила. Лицо мужика перекосило гневом.

— Ах ты щенок! Ах ты сволочь! Да я тебе щас! — мельник сделал попытку вырваться, замахиваясь тяжёлым кулаком.

Дарко увернулся, а потом, неожиданно раздался голос Полада.

— Берегись!

Только было поздно, не успел княжич обернуться, как мелькнула тень Станила, а затем последовал сокрушительный удар куда-то в шею. Что-то надломилось, а затем с раскатистым стуком упало на пол. Дарко и не сразу сообразил, то его ударили стулом. От взрывной боли застучало в голове и ушах, а на глаза мгновенно проступила влага. Дарко чуть пошатнулся, потеряв равновесие, но устоял, крепко схватив за ворот Ивара, впечатал кулак ему в скулу. Тот отлетел, опрокидывая за собой лавку, с грохотом расстелился на полу.

Поднялся переполох. Полад вступил в драку с одним из местных, гридни, что повыскакивали из-за стола, подоспели вместе с детьми, что смотрели за порядком постоялого двора, заламывая руки мельнику, его сыну, да тем, купцам, кто вступал с ними в спор.

— На кого руку поднял, паскуда! Это же княжич Дарко Мстиславович, олух ты старый! Чтобы духу тут твоего больше не было, чтобы нога твоя здесь не ступала, и всей твоей родни! Совсем скоро мельника и всю его свору вытолкали вон за дверь. Хотя Дарко сквозь звон в голове и разливающуюся по затылку чудовищную боль едва понимал, что происходило вокруг,

окружение казалось каким-то заторможенным. Он огляделся. Девки в испуге жались к двери, столы и лавки перевёрнуты, люди, что собрались вокруг, как закончилось зрелище, вновь расселись по местам, бросая на княжескую братию косые взгляды. Продышавшись, Дарко ощутил, как ткань рубахи мерзко липнет к спине. Схватился за шею и тут же скривился от боли, на пальцах осталась кровь. Всё же пробил, гад, голову.

— Ты как? — подоспел побратим, и когда увидел кровоточащую рану, громко выругался. Потом подхватил княжича под локоть и потянул за собой, наказывая остальным остаться проследить, чтобы деревенские не ушли. — Пойдём. Мельник с его сынком пожалеют, что подняли руку на княжеского сына, — пообещал волянянин.

— Лучше пусть проваливаются, — выдавил Дарко, дыша глубоко, унимая подкатывающую тяжёлой волной тошноту.

Хозяин двора проводил княжича на второй ярус жилья в приготовленную для дорогого гостя клеть, по пути велел девкам натаскать воды и полотна. Распахнув широко двери, пропустил первыми рослых мужчин в небольшое озаряемое глиняными светцами помещение. Дарко здесь останавливался не раз, а потому хорошо знал это пристанище, которое было лучшим во всём доме.

Извиняясь за случившуюся склоку, младший хозяин удалился, потупив взгляд. Дверь ещё не прикрылась, и вместо него тут же в клеть нырнула чернавка, принесла ушат горячей воды и полотна. Дарко не стал дожидаться, пока его вежливо попросят, скинул испорченный кафтан и рубаху, утёр кровь ей же с шеи, прижал к затылку, уговаривая плескавшую боль утихнуть. Полад с любопытством поглядывал, как миловидная чернавка закатала рукава, взяв плотно, промочила его в разбавленной воде, отжав, приблизилась, заставляя пострадавшего сесть на стул и повернуться к свету, принялась бережно смывать кровь со спины. Волянянин, чтобы не мешать, примостился неподалёку на сундуке.

— Так я не понял, что на самом деле случилось с... — он осёкся, быстро переведя взгляд на девуку и обратно, — ...что со старшей?

Видно тоже волновала его эта недосказанность.

Дарко пожал плечом. Остаётся только догадываться, что скрыл от них Доброга.

— Хотелось бы и мне знать. Но чтобы ни случилось, этот ублюдок Ивар не имел права оскорблять их, пускать грязные слухи, — прошипел он, чувствуя, как щиплет от воды затылок. Призывая спокойствие, княжич всё же подумал, что нужно обязательно о том спросить у Росьи, потребовать объяснений. И лучше бы прямо сейчас, но опасался, что только напугает её своим видом. Да и что бы там ни было, какие бы слухи ни ходили, а Росья нужна.

«Нужна её сила», — с горечью подумал он.

Девка, перехватив из руки Дарко рубаху, чуть коснулась его пальцев горячими ладонями.

Совсем безобидный жест, но Дарко быстро понял, что он мог значить, а всё естество от малейшего намека восстало в готовности. Кровь разгулялась по телу от одного лишь представления того, что Росья могла бы оказаться рядом вместо чернавки и касаться его. Девка осторожно провела чистым полотном по затылку, протирая рану. От каждого прикосновения он вздрагивал, но вовсе не от боли. Как ни странно, рези он не ощутил, даже тошнота унялась, оставив только шум в голове и тянущую истому в животе. Череп ему не попортили. И слава богам.

Управившись быстро с раной, чернавка, подобрав лохань и выпачканную одежду, пообещала поутру вернуть чистое и высушенное и поспешила уйти, успев опалить Дарко горячим взглядом. От Полада видно это тоже не ускользнуло, он с ещё большим интересом пронаблюдал, как девка, теперь уже пообещав себя другому, пряча глаза, выскользнула за дверь. Дарко приготовился к тому, что побратим вновь начнёт пускать в его сторону острые шуточки, но ничего такого не последовало, верно друг понимал, что тому и так дурно. Пожалел, стало быть.

— Ладно, я пойду, — вдруг засобирався он, поднявшись с сундука, прошёл к двери, но остановился на пороге.

— Так ты ещё не передумал ехать со мной в поход? Завтра... — он выдохнул, будто не Дарко, а он терзался сомнениями, — будем уже в Дольне.

Дарко мрачно глянул на волянянина.

— Нет, не передумал. И хватит меня спрашивать о том, — повторил твёрдо он. — Никто, кроме меня, не поможет Волоту, — выдохнул он свинцовой тяжестью. — Или, по-твоему, я должен позволить ему умереть?

— Я этого не говорил, — нахмурился Полад.

— Тогда что ты можешь предложить?

— Не знаю. Неужели нельзя

его

побороть, изловить, уничтожить в конце концов?

Дарко только фыркнул. Как же изловишь того, кто прячется по другую сторону яви? Вслух он, конечно, ничего не сказал, да и Поладу не понять того. Но самое омерзительное из всего этого, что и Росья будет страдать. Медленно, но верно увядать, а в глазах будет таять огонь, пока не станут они опустошенными, как пересохшие колодцы. И хотелось кричать от того. Бить стены. Оставалось только надеяться, что Росья окажется сильнее, чем Града, в конце концов, у неё не простая кровь. И Боги недаром указал на девчонку. По крайней мере, в это хотелось верить. Полад постоял немного, так и не найдя, что ещё сказать, в глазах его только растерянность залегла. Дарко, как ни мучительно тяжело было это признать, понял, что привести Росью брату — правильное решение. А ему просто нужно спустить пар и делать то, что было велено. Выполнить волю отца до конца. Это его долг перед ним. И ублажать свою потребность, потакать своим прихотям, рискуя потерять брата, не мог. Пусть даже Росья залегла в душу, но ведь не так глубоко, чтобы не попытаться разорвать ещё не окрепшую связь. Пока он на это способен, но ещё немного и, видят боги, уже не сможет. Слишком его решение становится зыбким.

Как только ушёл Полад, Дарко поднялся. Отголоски тошноты где-то в глубине всплеснулись и тут же стихли, так больше и не потревожив его. Смыв с плеч и груди остатки грязи и пота с дороги, вытерся и сел на неширокую лавку, откинувшись спиной на стену.

Внизу ещё долго стоял шум. Дарко погрузился в задумчивость и очнулся только тогда, когда услышал собственное размеренное дыхание. Лишь редкие возгласы засидевшихся путников взрывали глубину терема. Дарко, как мог, старался выкинуть навязчивые мысли из головы о том, что говорил мельник Ивар, старался вытолкнуть образ Росьи, но навязчивые думы о том, что Волот будет касаться её, не дали расслабиться. Вновь ловил себя на мысли, что возвращается душой к ней: вот он тонет в её глазах, сжимает и поглаживает узкие плечи, шею, прижимает к сердцу. Едва сдержался, чтобы не встать и не пойти к ней узнать, как она там, как самочувствие, ведь кашляла.

И только боги знают, куда бы завело его нетерпение, но вдруг неожиданно дверь скрипнула, и в полутьме возникла светлоокая чернавка. Она тихо прошла вглубь, не сказав ни слова. Только на губах играла волнительная полуулыбка.

Дарко тоже не пошевелился в ответ, молча смотрел на неё, наблюдая, как в тенях ресниц влажно и с желанием блестят голубые глаза. Девка не стала медлить. Зная желания уставших путников, подобрала полы платья, потянула с себя, оставаясь в белой полупрозрачной исподней рубашке до колен. Тяжёлые светлые волосы водопадом посыпались на плечи, возбуждая в нём волну обжигающего желания. Дарко огладил её всю жадным взглядом, отмечая плавные изгибы тела, что перетекали, как река, от крепких икр к покатым бёдрам и узкой талии, животу, до небольших, но округлых грудей. Через ткань проталкивались вишнёвыми косточками соски. Он задержал взгляд на распахнутом воротах, где темнела выемка между ключицами, манила прижаться к ней. Грудь её подрагивала в прерывистом дыхании, предвкушая близость. Она шагнула навстречу, и княжич ощутил тёплую волну воздуха, уловив сладкий аромат череды. Дарко чуть поёрзал спиной о доски, намереваясь подняться, но девка его опередила. Опустилась рядом прямо на пол, встав на колени, положив ладони ему на бёдра, скользнула к груди, огладив плечи и живот. Пальчики ласково прошлись меж бёдер по восставшему естеству, проворно потянув за тесьму портов. Чернавка хорошо знала, как расслабить мужчину и заставить того не думать ни о чём. Она подтянулась ближе к нему, склонилась. Гладкие волосы, переливающиеся в свете огня золотом, упали на пояс, огладив приятно кожу. Княжич прикрыл глаза, отдаваясь ощущениям, а потом почувствовал её влажные губы у себя на животе, но они быстро исчезли, вынуждая зарычать от нетерпения, оставляя только холодок на коже. И

оказались уже в другом месте, мягко, но плотно сомкнулись на затверделой, что камень, плоти. Даже в глазах потемнело от хлынувшей на него волны жара и удовольствия. Вихрь захлестывающих ощущений рванул его из окружения, бросая в бурлящий водоворот наслаждения. С губ его невольно сорвался сдавленный стон, и он, как мог, старался не достигнуть раньше времени вершины блажи. Одной рукой он ухватился за лавку, другой погладил тонкую шею, хрупкие, что у птицы, ключицы. Дыхание Дарко участилось быстро. Объял густой туман хмеля, в который он раз за разом нырял и вырывался при малейшем скольжении губ. Княжич верно испустил не то чтобы громкий стон, а скорее грудное рычание, чувствуя, как стремительно разливается по телу томительная блажь, что задушила его. Дарко напрягся, и девица, познавшая столь умело ремесло, быстро поняла — что-то не так, отстранилась.

— Разве не нравится? — спросила она растерянно, на распухшие губы легла слабая дрожь, а в глазах затаилась тень недоумения.

— Нравится, — выдохнул он приглушённо и хрипло. — Но тебе не нужно этого делать, — попытался он отвлечь её, подтянул до одури привлекательную девку к себе, усаживая на колени. И больше не думал ни о чём. Погладил её талию, сжал небольшие, но плотные груди, поцеловал в тёплые губы, пусть и привлекательные, но совсем не те, которые он так вожддел. Княжич, разозлившись, обхватил её за плечи, прижал к груди так, что она и вздохнуть не смогла. Вцепился в её губы, одновременно с напором проникая в неё. Целуя девицу яростно и отчаянно, кусал и терзал её губы, пока не ощутил солоноватый привкус на языке. Девка терпела, лишь изредка глухо вскрикивая. Горячо выдыхая, он рванулся в последний раз, выплеснув наружу переполняющие его чувства, что жидким сплавом разлилось по телу, ослабляя его. И когда Дарко позволил ей передохнуть, увидел в холодных синих льдинках бушующий в огне восторг. Она смело обхватила его бёдрами, прижимаясь плотнее, не теряя миг насладиться им досыта. Удовлетворив свой первый запал, Дарко явственно понял, что, как бы тело того ни требовало, но желал видеть другую до жаркого клокота в груди. Перед внутренним взором вдруг совсем не кстати всплыл образ Росьи, врезался клином в голову. Но насколько он помнил себя — он всегда прятал свои желания. Граду он запер в своём сердце так глубоко, что не позволял своим порывам и чувствам проявиться.

В дверь тихо постучали. Девка тут же вздрогнула и мгновенно исчезла с колен. Дарко глянул в сторону порога.

— И кого нелёгкая принесла? — шепнул он, очухиваясь от тумана.

В дверь снова постучали, на этот раз настойчиво.

«Полад верно явился, но разве что-то случилось?»

За дверью было тихо, да и больно подкрадывается ночной гость осторожно. Гадать было бессмысленно, пришлось побороть навалившуюся слабость и подняться. Он запахнул штаны, завязывая крепко тесёмки, направился к двери.

Дарко ожидал увидеть кого угодно, хоть самого Лесного Хозяина, но только не Росью. Кутаясь в платок, она глядела на него огромными, полными волнения и страха глазами, в которых густо колыхались отблески огней от светцов, но, когда взгляд её опустился чуть ниже, остановившись на его груди, она растеряно моргнула.

— Я... — она запнулась, — я пришла поговорить, — подняла она взор, и он, как зачарованный, утонул в прохладном роднике её глаз.

Запоздало глянул назад. Девка споро собралась, и когда он повернулся к Росье, та уже всё увидела и поняла. Мгновенно побледнев, она сомкнула плотно губы, а потом распахнула их:

— Прости, я не вовремя... Мне не нужно было... — пролепетала.

Дарко хотел было её остановить, оставить её тут стоять, на месте, но позволил свободно уйти — теперь уже всё равно не удержать, да и глупо.

Как только Росья скрылась за лестницей, княжич толкнул широко дверь, давая понять чернавке, чтобы уходила. Та, пряча виновато бесстыдные глаза, нацепив платье и завязав торопливо пояс, пригнула голову и выскользнула прочь.

Постояв в онемении какое-то время, Дарко, ощутил разливающийся холод по груди, чертыхнулся, плотно запер дверь и вернулся на постель.

ГЛАВА 7. Навьи сны

Росья добежала до двери быстро, в груди так и kloкотало сердце, а ноги и руки дрожали от волнения. Она прижала ладони к пылающим жаром щекам и опёрлась спиной о створку, закрыв глаза, дыша тяжело.

— Вот же дура, дура, дура, — шептала она в темноту, чувствуя, как её накрывает стыд. И зачем пошла, да в позднее время? Чего ожидала? Теперь княжич подумает невесть что! Тогда, во дворе, Дарко всё же к ней приблизился, испросил объяснений, а она от волнения и не нашлась с ответом. В памяти всплыли очертания княжича, как горели в этот миг его тёплого оттенка глаза, как губы упрямо и плотно были сжаты — он ждал ответа. Она всё ещё была в плену его объятий сильных, крепких. После, когда они с Руяной разместились в клетки и слышали грохот, доносившийся снизу, чернавка быстро раз узнала, что случилась драка меж княжеской дружиной и семейством мельника Ивара. Росья и не думала, что окажется под одной крышей со Станилом. А когда выяснилось, что княжичу пробили голову, так и вовсе потеряла покой. Однако девиц, как она ни ждала, так никто и не потревожил, а потом всё стихло. С приходом ночи Росья всё никак не могла уснуть, ворочаясь с боку набок. Давило чувство, что не досказала она того, что хотела. Но как увидела Дарко в дверях, так все слова растеряла. И эта девушка...

Росью бросило в жар, а дышать становилось всё труднее, свербело чувство ревности, да только с чего бы? Разве связаны они чем? А ей-то уже в голову взбрели грёзы. Да, выходит, княжича она не знает совсем, хоть и почудилось обратное. Как не вовремя она явилась к нему.

Оставалось только догадываться, что там меж ними произошло. Верно то, отчего со стыда хоть в реку бросайся. Нелепый момент всё бил Росью нещадно, что плетьюми, не желая отпускать.

Вот и поделом, не будет впредь лезть, куда её не просят и где не ждут. Но теперь-то уже чего сокрушаться. Что сделано, то сделано, только и оставалось понадеяться, что всё сгладится и войдёт в прежнее русло. Росья от случившегося недоразумения не знала, куда и деться. В постель не хотелось, и уж теперь не уснуть, хоть в пору сквозь землю проваливаться. Лучше выкинуть поскорее всё из головы и свыкнуться с мыслью о том, что всё же суженый её — старший сын, Волот. Лучше подумать о будущем своём. Но как бы Росья ни пыталась представить его, перед глазами вновь и вновь возникал образ Дарко, его обеспокоенный взгляд, сдержанно сомкнутые губы. Вот дурёха! И чего ей показалось, будто княжич искал её взглядом всё то время, что они были в пути? Она поёжилась, обняла себя за плечи. Дикий приступ кашля застал её в неподходящее время. Но прокашлявшись, опасаясь, что перебудит всех, как могла, сдержалась, чувствуя, как грудь едва не разрывается.

Оставаться снаружи было уже зябко, ещё и Руяна проснётся, спохватится, искать отправится. Росья легонько отворила дверь, бесшумно скользнув внутрь. Впотьмах прошла к лавке, слушая размеренное посапывание чернавки. Выдохнула с облегчением — не разбудила. Зажимая саднящее горло, проглатывая новый приступ кашля, укрылась с головой, но не сдержалась, и снова приступ кашля задушил. Руяна уж тут подскочила.

— Росья, — подседа она, оглаживая щёки и лоб девушки, — да ты же горишь вся.

Знала бы Руяна, от чего она горит... но Росья сказала другое:

— Всё хорошо.

Пусть не убедительно, но девка убрала руки.

— Да как же хорошо, где хорошо-то? — запричитала она. — Надо княжича упредить.

Росья едва с постели не подскочила.

— Не надо!

Руяна вздрогнула, прижимая руки к груди, а потом очнулась.

— Может, тады трав сварить ещё?

Росья откинулась на подушки, больше устала от её внимания, нежели от недомогания.

— Не нужно. Всё пройдёт. Завтра. Ступай спать, — отправила она девушку обратно на постель и отвернулась к стенке, давая понять, что разговор окончен. Расслабилась только тогда, когда зашуршала одежда, и чернавка молча вернулась к себе на лавку.

Вскоре Росья окунулась будто в омут, такая тишина в тереме царила, однако всё равно за дверью были слышны скрип на лестнице и тихие хлопки дверей — многие постояльцы не спали. Она всё думала о Дарко, не имея сил сомкнуть глаза и уснуть. Мысли вертелись в голове, как снежная крупа, беспорядочно и непрерывно звучали обрывки фраз её собственных и Дарко,

они не давали покоя, изводили. И эта девка всё бредила душу. Уж лучше бы Росья ничего не знала. Сама виновата, не нужно было бродить ночью, в который раз укорила она себя. Пошевелилась, нащупывая на груди холодные железки бабкиных оберегов, сжала. Она не помнила, в какой миг погрузилась в беспамятство, но сон навалился на неё, как каменный оползень, погребая её под неподъёмным слоем земли и пыли, не давая ни вдохнуть, ни пошевелиться. Сначала Росье не снилось ничего. Но потом она оказалась будто бы на берегу неширокой речи, поросшей рогозом и ивами. Трава изумрудом стелилась по холму, шелестели кроны белоствольных берёз. Сама она, босая, ступала по шелковистой, прохладной от росы траве, окутанная мягким сизым туманом.

— Росья, — услышала она позади себя и обомлела, узнав голос Дарко.

Она обернулась. Княжич спешил к ней, лицо взволнованно, сжаты в кулаки пальцы — кажется, он был чем-то встревожен. Он приблизился, и сердце Росье застучало, что молоточек. Дарко смотрел ей в глаза, и казалось, хотел что-то сказать, но от чего-то не решался. В глазах, в которых разливалось тёплое золото, залегла тревога.

— Береги себя, — сказал вдруг он.

Росья обескураженно моргнула, не зная, что и ответить, почему он так говорит, и откуда это волнение? Ко всему ей делалось неловко от того, что княжич был слишком близко. Она опустила взор, изучая его богато расшитый кафтан. Хотелось безумно коснуться его. Не помня себя, она протянула руку, положила ладонь на колючую щёку. Казалось, Дарко не пошевелился, и мгновения пролетали за мгновениями, а потом он, вдохнув, обхватил её за плечи. Его лицо быстро оказалось так близко, что почудилось, будто золото в глазах княжича солнцем опалат. Он задержался всего лишь на миг и вдруг прильнул к губам. Росья от неожиданности вздрогнула — прежде её никто не целовал. Мимолётное замешательство исчезло, когда она почувствовала на языке вкус, немного пряный и горький. Его губы скользили бережно и медленно. Повинуясь порыву, ощутила, как приятно ей было целовать Дарко, как разливается по телу нега от соприкосновения губ, настолько блаженная, что она будто погрузилась в тёплые воды, и подогнулись колени. Дарко вовремя подхватил её, прижал к себе, и она чувствовала его тяжёлую, не раз мерившую силу ладонь на своей пояснице. Странно, но сейчас она не испытывала того жгучего стыда и стеснения, а только рождающиеся в глубине новые, доселе не ведомые ей ощущения. Но только что-то не давало сполна насладиться мигот.

«Почему он сказал беречь себя, будто собрался прощаться?!» — застыл немой вопрос.

Но тут неожиданно в спину между лопаток ей что-то толкнулось. Росья распахнула глаза и отпрянула, в ужасе хватая воздух. На том месте, где только что стоял Дарко, возвышаясь над ней, завихрилась поднявшаяся не пойми откуда пыль. Мелкие камушки неприятно и больно врезались в кожу, хлестали по щекам. Росья сощурилась, оглядываясь по сторонам в поисках княжича, и удивилась — от того берега, где гуляла она, не осталось ничего, лишь сухая, покрывшаяся трещинами земля, будылки в обмелевшем русле да голые деревья. Объял страх, и грудь наполнилась льдом.

— Дарко! — позвала она растерянно.

Буря только взметнулась так мощно, что едва не сбила с ног. Росья почувствовала, как лёгкие стали набиваться пылью и грязью, не давая возможности и продохнуть. Она, уклоняясь, пыталась разглядеть в чёрных вихрях княжича, но вместо него увидела тёмный силуэт. Девушка почуяла нутром неладное. Дикий страх мгновенно заковал её тело в ледяной панцирь. Не в силах пошевелиться и позвать на помощь, она смотрела, как мужская фигура стремительно движется к ней. Росья различила блеклые очертания незнакомого ей человека, рослого, косая сажень в плечах, тёмные волосы рвал ветер, чёрные брови сдвинулись на переносице, и взгляд был вовсе не человеческих, а каких-то звериных глаз, что смотрели нелюдимо и колко. Девушка смогла с непомерными усилиями ступить назад, но твёрдые, что камень, руки сжали её плечи, рывком придвинули к себе. В следующий миг, не успела она опомниться, жёсткие губы впились в уста девушки. Росья задохнулась, чувствуя, как быстро немеют её губы и горло сковывает, будто льдом, охлаждая дыхание, замедляя стук сердца. Она, оправившись от первого потрясения, невероятным усилием вывернулась от страшного чудовища и закричала, но этот крик оборвался мгновенно, когда голубые, что голые вершины гор, глаза замутились, покрылись белой, как молоко, пеленой.

— Пришла, — громом раздался голос чужака.

— Росья, Росья проснись! Ну же, просыпайся! — кто-то тряс её настойчиво, вызывая всплеск тошноты и боли, она поморщилась, застонала и дёрнулась, пытаясь вырваться из сковавших её чужих рук. Не понимая ничего, она забилась в постели, что пойманная птица, ощущая, как жар тягучей, раскалённой, что сплав железа, волной прошёл вдоль всего тела, обездвиживая и заковывая в огненную твердь.

— Всё хорошо, тише, родная, тише. Это я, Дарко, — продолжал вливаться в воспалённое сознание чей-то голос.

Росья замерла, и сквозь туман пробилось запоздалое узнавание. Но тут же в голову вклинился и встревоженный голос Руяны.

— Не могла растолкать Росью, всё бормотала она себе что-то под нос, я сначала думала, что худое снится, а как она кричать стала, так тут же вскочила. Пощупала лоб, так и обмерла, что к калёному железу прижалась, — всхлипнула девка. — Она мне ещё с вечера тревогу в сердце зарождала. Видела же, что не всё ладно.

— Руяна пере... — Росья не договорила, приступ сухого горького кашля взорвал грудь, продрав железными крюками горло. В ушах зазвенело, будто в колокол, отзываясь резью в затылке.

Дарко, что сидел рядом на её постели, попытался её приподнять, да только не вышло ничего.

Руки и ноги сделались будто ватными.

— Так, — поднял он взгляд на чернавку, — собирай вещи. Её нужно к лекарю.

— Да где лекаря-то разыскать? На дворе ночь!

— Здесь не разыщешь, — ответил он твёрдым, но всё же сжатым беспокойством голосом. — В город поедем прямо сейчас.

Росья сглотнула, жадно хватая ставший скудным воздух. Всё тело её продрали резь, и не то, что говорить, но шевелиться было невмочь.

Дарко сдёрнул с неё одеяло, которое в самом деле казалось неподъёмной ношей и встал.

— Сейчас вернусь, — сказал он.

Росья видела сквозь влажную пелену, как Дарко ушёл.

С каждым вздохом Росье делалось хуже, стоило ей закрыть глаза, как она проваливалась в чёрную бездну и вздрагивала, боясь встретиться с тем незнакомцем из своего сновидения, что был соткан и из камня и пыли. Чувствуя, как Руяна проводит по лицу и шее влажным и холодным полотном, от чего ей делось хоть на немного, но легче, снова погружалась в беспамятство, будто в лёд, оказывалась неизвестно как на вершине скалистого берега, в одиночестве, окутанная полупрозрачным облаком влажного тумана.

Так она пребывала в бреду, казалось, долго, но, когда в сознание протолкнулся шум, Росья поняла, что с того времени, как ушёл Дарко, прошло всего ничего. Вынырнула из недр небытия окончательно, но глаз так и не смогла открыть. Чьи-то сильные руки осторожно подхватили её.

— Держись за меня, Росья, — услышала она мягкий, как воск, голос Дарко и успокоилась, перебарывая плескавшуюся тошноту, подчинилась, обвив руками его шею, уткнулась носом в грудь. Тут уж совсем было не до стеснения.

— Держись... — шепнул княжич, обращаясь к ней.

Росья, разлепив влажные и непомерно тяжёлые ресницы, увидела хмурающиеся глаза княжича.

Дарко был весь напряжён, верно, много хлопот она причинила своим недугом.

Они быстро миновали лестницу, распахнутые двери, наполненную людьми горницу. Она гудела, как короб со встревоженными пчёлами, так и казалось, что стены дрожат от без конца хлопавшей двери, топота множества сапог да грудных голосов. Когда они вышли на крыльцо и спустились под серое тяжёлое небо, которое было так низко, что чудилось, будто задевает коньки изб, Росья поняла, что уже утро. Завернуться бы в покрывало и оказаться в родной Елице под боком матушки и отца, но этого верно уж никогда не случится. Дарко бережно уложил её в телегу, в расстеленные шкуры укутал.

— Всё будет хорошо, — заглянул он ей в глаза.

Росья только и могла едва кивнуть. Руяна уселась рядом с девушкой, но старалась попусту не тревожить её, только поглядывала озадаченно и испуганно.

— Освяти, Ярило, спали хворобу, здоровья принеси, Ярило... — шептала всё она молитву.

Росья увидела среди гридней, что были уже в сёдлах и ждали на улице, волянынина. Полад, задирая подбородок, вглядывался в хмурое, налитое свинцом и морозящее мелкой крупой небо. Неловко сделалось, что пришлось всех так скоро потревожить, не дав и передохнуть, отоспаться. На передок телеги поднялся возничий, Росья не смогла его толком разглядеть.

— Вези осторожно, — наказал строго Дарко, тоже поднимаясь в седло вороного мерина. Мужик, ухватившись крепче за вожжи, цокнув языком, дёрнул поводьями. Телега скрипнула и тронула с места, покатила по дороге. Росья глянула на Руяну, на которой и лица не было.

— Не переживай так, — попыталась рассеять её хмурость.

Та только ещё больше насупилась.

— Сколько помню, никогда тебя так не прихватывало.

А ведь верно, и холодов она не боялась, а тут вот как вышло. Всё из-за тревоги и неведения. Росья обвела взглядом небо от края до края и чуть приподняла голову. Из городка они верно уже выехали, потому как дорога теперь была шибко ухабистой. Дарко ехал позади, выражение лица его было сосредоточенным. Он смотрел вперёд, чуть прищуриваясь от влажной пыли, которую развеивал ветер, и слушал Полада. Вольнянин тихо переговаривался с княжичем о чем-то. Росье не было слышно, о чём именно. Она бессильно откинулась на мягкую подстилку. На свежем холодном воздухе было куда легче, грудь теперь не горела, и позывы кашля стихли. Знать жар оставил её на время. Повозка катилась всё быстрее, возникший то и дело понукал лошадь, выпуская короткие возгласы. И уже вскоре из поля зрения Росьи исчезли последние кровли, и поплыл тяжёлым покровом хвойный полог. Морось перестала окроплять лицо, и закапал редкий дождичек. Не было никаких сил пошевелиться, и казалось, что стоит сделать усилие — нутро займется огнем, а грудь разорвётся в кашле. Потому она лежала, не шевелясь, укутанная шкурами с ног до головы. По засыпанной хвоей и мхом дороге телега катилась мягко и размеренно, убаюкивая девушек, и вскоре Росья погрузилась в мирный сон.

Очнувшись от громкого стука молота и не сразу поняла, где оказалась и что с ней, запоздало ощущая, что её потряхивает. Руяна, уж давно пробудившаяся, не заметив, как открыла глаза Росья, всё оглядывала что-то, и на лице её было только глубокое удивление и плохо скрытое восхищение. Что же её так удивило, неужели прибыли? Росье тоже захотелось посмотреть на город, а в том, что они прибыли в Дольну, она уже не сомневалась: гудело множество голосов, стучали звонко молоты о железо, лаяли псы, а кругом виднелись только избы, постройки сплошной стеной тянулись по обе стороны от телеги. Только девушка приподнялась на локти и попыталась сесть, желая тоже поглядеть, как вздрогнула от неожиданности. Светлокудрый мальчишка повис на борте повозки, с любопытством посмотрел на Росью голубыми и чистыми глазами, но промолчал. Она невольно улыбнулась ему, но тот по-прежнему смотрел неотрывно.

— Кши, окаянный, — замахнулась на него платком чернавка, и отрок тут же, ослабив хватку худых ребяческих рук, соскочил наземь и исчез, слетел, что лист осенний.

Следом подъехал Дарко, и Росья осталась лежать на месте, не решаясь подняться, сама не зная, от чего. Скользнув взглядом, он поднял подбородок и все смотрел куда-то вперёд, а потом раздались командные голоса. Колеса застучали по подмосткам. Все вместе они нырнули под свод ворот. Сгорая от любопытства, девушка прислушивалась.

— Уже приехали, — сказал Дарко, — потерпи немного.

Проглатывая сожаление, что путь их закончился, и княжич больше не будет рядом, на расстоянии вытянутой руки, Росья только опустила взор. А в памяти вновь воскресла нелепость, которая случилось ночью, и захотелось кричать и поскорее выкинуть это из головы. Неожиданно для себя Росья вдруг поняла, что прикипела к Дарко. Она отвернулась, проглатывая подступившую горечь, сдерживая горячие слёзы и стараясь не думать о разлуке. Но девушка слышала, что Дарко всё ещё рядом.

— Не грусти, тебе понравится здесь, — сказал вдруг он, видимо, стараясь как-то утешить. Росья вернула на него взор и застыла, взгляд его тёплых глаз потемнел. Неужели тоже не рад? Она смотрела на него неотрывно, пытаясь уловить в его голосе, увидеть в глазах хоть что-то, что могло бы её успокоить, но говорил он сухо, и смотрел с равнодушием. Знать показалось, что тоже расстроен. Ничего обнадеживающего, что желалось ей увидеть и ощутить. Значит, всё то, что же ними было, не настоящее? Она растерянно моргнула, с усилием отвела взор, злясь на себя.

«Придумала себе всё».

Княжич верно внутренне радовался, что прибыли на место, как, впрочем, и остальные. Гридни весело переговаривались, смеялись, предвкушая мягкую постель, да горячие, сдобренные перцем щи. Выпускали и непотребные да острые шуточки, впрочем, что позволительно после долгого и трудного пути. Да и не лето на дворе, когда трава служит постелькой мягкой, а в цветущем лесу можно найти всякое пропитание. Осень — холодная, неприветливая, мокрая.

Телега, наконец, остановилась, а вот сердце Росьи пустилось в галоп, да так, что руки и ноги проняла дрожь.

Вот и приехали.

Перебарывая разгулявшееся волнение, девушка попыталась подняться, но Руяна с Дарко её опередили. Княжич ловко подхватил её за пояс, подобрав с телеги, и упорно молчал на её заявления, что она может ходить и сама. Росья быстро оставила попытки высвободиться, наконец, смогла хорошенько оглядеться. Как оказалось, они въехали в обширный двор, где вовсе не было никаких белокаменных стен, а окружали высокие срубы трёх- и двухъярусных теремов с резными дубовыми столбами на крыльцах. По верхушкам веж коньки, узорные наличники на окнах.

Княжич зашагал к высокому крыльцу, наверное, самого громадного среди всех терема, и Росья ощутила, что он шагает нарочито медленно, верно желая, чтобы она огляделась как можно лучше, как бы ни хотелось ей думать, что причина могла быть и в другом.

На порог встречать вышли женщины, все разных возрастов, были и старицы, и совсем девочки. Правда никто из них не приблизился к прибывшим, наблюдали с высокого крыльца, как княжич пронесит девушку внутрь.

— Это женский двор, — внёс Дарко ясность, когда они оказались внутри, в полутёмном помещении.

Толкнув дверь, они вошли в просторную горницу со сводчатыми потолками и широкими, такими же полукруглыми окнами, которые впускали столько света, сколько Росье ни в одной избе не удавалось повидать. Здесь было гораздо теплее, чем на улице. И так просторно, что гул шагов отдавался в стенах и разносился по потолку. Здесь их окружили незнакомые женщины — помощницы и чернавки. Смотрели во все глаза, видно ничего не понимая. Дарко, не обращая на них никакого внимания, не спешил что-либо объяснить, прошёл вглубь. Росья, опомнившись заозиралась, выискивая взглядом Руяну. Та шла следом за ними, чуть отстав и всё оглядывалась, присматриваясь к новому месту.

— Теперь ты будешь жить здесь, — сказал Дарко, пытаясь хоть как-то утешить и успокоить.

Видимо Росья плохо скрывала волнение, невольно сжалась.

— Нужно привыкнуть, — ответила она рассеяно.

— Привыкнешь, воробушек.

К лицу Росья так и прихлынул жар, верно покрылась пятнами. Дарко слегка улыбнулся, а после короткого молчания дал распоряжение чернавкам позвать лекаря, упрекнув, что те стоят без дела, не встречают гостей. От повышенного тона княжича, все они разбежались кто куда. И Росья впервые видела его таким. А впрочем, довелось узреть, как искрятся гневом его глаза, когда вырвал её из рук Валуя.

Сжимая в руках свою драгоценную ношу, княжич вошёл ещё в одну дверь, менее широкую и, видно, низкую, что юноше пришлось пригнуться.

В светлице натоплено было душно, жарче, чем в горнице. Княжич опустил Росью на широкую лежанку, чуть задержался, видно хотел что-то сказать, да не сказал, не смог подобрать подходящих слов. Руяна старалась не мешать, сразу прошла к окну, присела на лавку, завозила с походной сумкой, делая вид, что занята. Так бы и ушла, оставив их наедине.

— Мне тут находиться долго нельзя, — проронил Дарко, оглядывая лицо Росьи неторопливо, будто что-то всё пытался увидеть или запомнить. — Но, я ещё зайду... — Дарко застыл, а потом вдруг пошевелился и накрыл своей горячей ладонью её пальцы, легонько сжал.

Мгновения стремительно потекли за мгновеньями. Росья пыталась разогнать сковывающую её робость, да и верно выглядит сейчас неважно, чтобы находиться под изучающим взглядом княжича. Всё же найдя в себе силы, она кивнула. Как бы ни желала продлить время, а расставаться нужно. Лихорадочно искала подходящие слова, но Дарко её опередил.

— Так где же твоя сестра Станислава?

Вопрос привёл девушку в явное замешательство, и Дарко виновато опустил голову.

— Прости.

— Она сбежала из дома, — ответила Росья. Чего уж таить теперь.

Осмыслив сказанное, Дарко поднял взор, едва приметная твёрдость тронула его губы. И вопреки всем ожиданиям, он сжал её пальцы, поднёс к устам, прильнув тёплыми губами, согрев. Росья заморгала часто, не зная, что ей делать, но Дарко уже убрал руку и поднялся.

Пронаблюдав, как он вышел, она откинулась на подушки, слыша, как добротная дубовая дверь за ним прикрылась. Она, казалось, ещё вечность задумчиво смотрела в потолок. И поняла, что после ухода княжича неуютно сделалось вдруг и холодно, будто из сердца забрали кусочек янтарного тепла. Хорошо, что Руяна рядом, но все равно то ли из-за жара расчувствовалась, и слезы быстро набежали на глаза.

Как только дверь прикрылась, Руяна бросилась к девушке, сжав её ладони.

— Ох, Роська, не знаю, что будет... но как же Дарко о тебе заботится! А смотрит как! Так и кажется, что прожжёт глазищами.

Росья поглядела на неё с тоской, и Руяна быстро перевела разговор в другое русло:

— Сколько народу здесь! А на Торжке людей, что рыбы на нересте, так и толкуют у прилавок. Сколько там всего, Роська! Соболя всякой масти и ткани цветастые, я хоть издала поглядела, но как же неможется быстрее там оказаться, хотя бы так побродить, посмотреть.

Круглое лицо Руяны так и сияло, а глаза сверкали что звёзды, всё не могла уgomониться, тараторила, делилась переживаниями. Вздурораженный и живой лепет Руяны отвлекал, и Росья сама не заметила, как уже улыбалась, позабыв обо всём.

Но поговорить им толком не дали, две чернавки почти бесшумно вплыли, что гусыни, в светёлку, разбив в прах всю уверенность, нагнав на лица девушек хмурость, даже показалось, что потемнело в стенах. Женщины принялись обхаживать гостью: подпихали под бока подушек мягких из лебяжьего пуха, переодели в сорочку белую, распустили и косу, прочесав спутавшиеся волосы гребнем, заплетать не стали. Не привыкшая к такому вниманию, Росья вовсе сконфузилась. Дома она делала всё сама, а в последнее время, когда настало тяжёлое время для их семейства, так и вовсе. Ко всему чернавки не разговаривали, и по лицам их Росья так и не разгадала, что у них на уме. Они в немом молчании выполняли то, что им было, как видно, велено. И Росья просто их рассматривала. Выглядели они ладно в просторных платьях-рубашках с широкими рукавами, стянутыми на запястьях, но все же вышитых по вороту узорами да бисером, с венчиками на головах. Сами были длиннокосые, смиренные, приятные глазу, но не чувствовалось в них живости, бледные были, словно не видели уж много дней света дневного. Руяну они вовсе потеснили к лавке, однако позаботились и о ней, вручив чистые одежды да постель выстелив. Княжки девки забрали влажные с дороги вещи, натаскали воды в бадьях для умывания и в кринках — для питья. Всё это мельтешение вскоре сильно утомило. Росья, чувствуя вновь нахлынувшую слабость, всё же оставалась сидеть в постели, откинувшись спиной на пуховые подушки. Вошла ещё одна чернавка с молоденькой помощницей и, верно, с едой, потому как светлица наполнилась вкусными запахами. Она постелила на колени и грудь девушки рушники. Росья тут вовсе понурилась, чувствуя глубокую неловкость, да и есть не хотелось, отказалась от еды.

— Велено покормить досыта, не отказывай, милостью прошу, — досадливый вид чернавки обжжёт, быстро пресекая порыв отказать от еды.

Да и в первый день не уважить хозяев — это верный знак недоверия и непочтения. Потому Росья передумала, приняла подношение.

— Позволь самой, — попросила только она.

Проглотив две ложки грибной похлёбки, не почувствовав никакого вкуса, ела через силу, думая о хозяевах — князе Мстиславе и жене его, княгине... Какие они? Но судя по тому, как приняли, благодушные. Что она будет говорить при встрече? И так запереживала, что, казалось, жар вновь поднялся, но на самом деле от горячей еды и душного воздуха тело разомлело, разлилась нега, вгоняя в сонливость.

По окончании трапезы чернавка с помощницей собрали всё и быстро ушли, благодарно кланяясь. И Росья потупила взгляд, не зная, как и ответить на этот жест, так к ней никогда не относились.

Руяна не позволила загрустить, всё хлопотала над своим гнёздышком и чувствовала себя весьма удобно, не смущаясь чернавок, которые всё пытались услужить гостье, а та с готовностью принимала их помощь, не стесняло её излишнее внимание, верно знала себе цену. Готова себе постель на ночь, всё напевала что-то. И Росья с облегчением подумала, как хорошо, что позволили с ней остаться, вдвоём всё веселее. Чернавки, наконец, управившись со всем, вскоре вышли за дверь. Руяна, покосившись на запёртую дверь, тоже выдохнула с облегчением, бросила платье на сундук.

— Понабежали тут, — пробурчала она. — И сами бы справились. Ненать нам их помощи. — Я бы и сама подсобила, коли надо что.

Росья приподняла даже голову и широко улыбнулась.

— Оставайся тут, Руяна, не уходи никуда.

Та даже вскинула брови от изумления.

— А как же, куда же я тепереча от тебя, Росья?

Девка по-хозяйски обошла светёлку и всё осматривала, оглаживая стол, ларцы.

— Как просторно здесь, — волнительно сказала, задирая подбородок, рассматривая покрытый узорной росписью потолок, — богато, красиво, а стены какие толщенные, как у Макоши за пазухой.

Росья тоже осмотрелась. В светлице стояли несколько сундуков, обитые узорно железом, стол, на котором были в ряд ларцы, усыпанные зернью серебряной да янтарём, зеркало в узорной оправе, а по стенам лавки резные да пара кресел с расшитыми подушками и меховыми подстилками. Верно тут кто-то жил, раз остались вещи, или намеренно для неё всё принесли, подготовили?

За дверью вновь послышались шаги, а следом дверь распахнулась, и вошла пожилая женщина в платье простом до самого пола, голова покрыта платком, из-под него выпущены две толстые косы, перевязанные косточками. На поясе сума. По-видимому, это и была знахарка.

— Ну, где тут хвоя? — голубые глаза женщины вонзились в Росью, и от них холодок прошёлся по спине.

ГЛАВА 8. Возвращение

Дарко, выйдя из женского стана, направился к дружинникам, которые уже разбрелись кто куда. Он глубоко вдохнул, оглядывая небосклон. В спешке они умчались так быстро от постоянного двора, что успели до заката. И теперь клубящиеся тучи бежали по небу, как волны, и среди них розовым алмазом поблёскивало солнце, но снова скрывалось за толщей облаков и походило на жемчужину в мутном потоке туч.

Как же все нелепо вышло с той чернавкой, что пришла к нему ночью, а точнее, с Росьей, которой, видно, нужна была помощь. И он не попытался даже узнать, о чём та хотела поговорить, пошёл спать и не помышлял об этом, пока не загрохотала в дверь Руяна. Теперь Росья подумает невесть что. Уже решила, что охоч до юбок. Он хоть и пытался сгладить всё, да только хуже сделал. При виде её, беспомощной и слабой, сердце сжалось до боли, словно тисками. Рвался помочь, да вот не знал, чем, как облегчить страдания девушки. Его вины тут много, что хоть ковшом черпай — под дождём сколько мотал да в сырости, ещё из бани на сквозняк вытащил. Хорошо, что все обошлось, и жар отпустил девушку, а теперь та под защитой в руках лекарки. Всё образуется, в старухе он уверен.

Дарко тряхнул головой — разве под защитой? О чём это он?! Боги знают, что теперь будет, но лишь бы не повторился горький опыт с Градой. Морозом страх за девчонку продрал по спине. Дарко гнал от себя эти мысли, чувствуя своё бессилие перед грядущим.

Выйдя на главный двор, первым делом отыскал Полада, найдя волянянина у оружейной клетки вместе с его побратимом.

— Знатно прокатились, — отозвался друг, выйдя из дверей в компании с Вавилом.

— Да, верно, — хмуро отозвался Дарко, уж не зная, что и думать.

Столько всего случилось за короткий промежуток времени, и на душе неразбериха. И вроде нет внутри никаких чувств, а всё камнем давит что-то. Нужен отдых. Просто устал, давно устал от всего того, что навалилось на него за последнее время. А может, дикая ответственность за невесту вымотала? Кто знает, но казалось, даже во сне не отпускало чувство тревоги от того, что он поступает неверно, как будто он враг самому себе и предатель. Всё пытался унять бурю внутри, а только хуже делалось, хотя и добросовестно исполнил волю отца. Вот с ним-то ещё предстоит разговор, и это ещё больше омрачало. Впору покидать Дольну прямо сейчас.

«Гадство!»

— А он что тут делает? — спросил Полад.

Дарко, очнувшись от раздумий, обратил взгляд на побратима, который стоял рядом уже один, Вавила след простыл. Княжич проследил за взглядом друга. По длинной каменной лестнице их терема спускался Венцеслав, и только теперь Дарко заметил его людей у ворот, что верно уже ждали отбытия. Княжич скрипнул зубами — его-то только сейчас не хватало. Стоило об этом подумать, как Венцеслав поднял голову и, увидев полный двор дружинников, быстро отыскал взглядом Дарко, поспешил к нему.

— Помилуй, Велес-отец, за что?

— Знаешь, — начал Полад, не отрывая взгляда от сборщика, — хоть тот и родственник, пусть дальний, по линии твоей матушки, и приходится племянником её старшему брату Даромыслу, и хоть знаю его мало, а уже на дух не переносу.

Что тут сказать? Дарко только фыркнул.

— Я тоже, — признался он, хотя уж не в первый раз. — С тех пор, как Венцеслав подружился отцовы дела вести, будто в городе нет более забот, чем тут ошиваться. Впрочем, отец его пожаловал, а мне приходится только смириться с тем.

Полад перевёл взор на друга.

— Я подозреваю, что Мстислав тоже в душе не рад видеть его, да только как откажешь? Всё ж какая-никакая, а родственная кровь. Да и лучше он пусть в приближенных ходит, чем Горята, сын купца. Этот явно никаким боком.

— Это верно, — ухмыльнулся Дарко.

— Не доверяй ему. Подлюка что-то вынюхивает, — вдруг сказал Полад, делаясь серьёзным, что деревянный истукан.

— Вынюхивает, — согласился Дарко. — Я только не могу понять, зачем.

Венцеслав приблизился, посмотрел по сторонам, стреляя острым взглядом на сновавших по двору воинов. Надвинув на лоб шапку, богато украшенную мехом лисьим, он увернулся от потока ветра, который раздул полы длинного кафтана из тяжелого сукна. На улице не так уж и холодно, а боится, что девица красная.

— Интересно, почему один, не в сопровождении своего любезного друга Горяты? — шепнул Полад. — Похоже, мне лучше удалиться, — решил он благоразумно.

Дарко держать его не стал, отпустил, согласно кивнув другу и давая понять, что свидятся ещё, успеют потолковать за вечерним застольем. А потолковать придётся о многом, в том числе, и о походе, в отношении которого Дарко уверился, что лучше отправиться и как можно быстрее.

Он проводил побратима взглядом и повернулся к сборщику.

— Рад видеть тебя в здравии, княжич, в мире и доброй чести, — поприветствовал Дарко Венцеслав, чуть преклонив голову. — С возвращением.

— И тебе того желаю, — не упустил своего случая ответить Дарко, снимая кожаные рукавицы и глядя на хоромины, за спину сборщика, показывая всем своим видом, что долго точить ласы не намерен. А потом смерил собеседника каменным взглядом и, не сдержавшись, добавил: — Ты по делу, и важное что?

— По делу ли... да как сказать. Вот наслышан, что невесту везёшь ты с земель дальних. Хотел выяснить, правда то или ложь, но вижу, что правда. Ну а невеста-то где? — огляделся Венцеслав, разводя руками.

Дарко хотел ответить, чтобы тот катился подобру, но сдержался.

— Тут она.

— Волот мне о том не рассказывал. По слухам узнал я.

Дарко сощурил глаза, не зная, верить тому или нет. А ну как хитрит, чтобы больше разузнать всего?

— Так а что говорить? Об том уже весь посад гудит, — не стал увиливать Дарко, сложив рукавицы вместе и записав их за пояс.

Венцеслав насторожился, верно чувствовал, что говорить с ним не желают.

— Говорят-то говорят, но то — слухи. Ну да ладно, скажи лучше, как звать невесту, с каких краёв? Какого роду-племени? Или, быть может, дочка вождя знатного с отдалённых княжеств? В глазах Дарко от злости молнии вспыхнули серебром. Такой наглости он и не ждал.

— А чего ты у меня спрашиваешь? У Волота и узнай.

— Волота уже третий день не могу увидеть.

— Вот как? — в горле встала горечь, в груди даже дрогнуло всё, и кислотой разлилась кровь.

Дарко бросило в жар. Однако он быстро нашёл с ответом:

— Как видишь, я тоже только с пути, не могу тебе ничем помочь.

— Кто-то говорит, что он уехал из Дольны, кто-то — что занедужил... — продолжил Венцеслав гнуть своё, не отступая, не выпуская из-под внимательного оценивающего взгляда серых, что пепел, глаз, вьедливых и смурных. — Мстислав никого к себе не подпускает и толковать ни с кем не желает о том. А я волнуюсь за друга. Сейчас возвращаюсь в свою вотчину, но завтра опять приеду, надеюсь, всё разъяснится.

Помолчав, сборщик подал знак своим людям, чтобы те приготовились выдвигаться.

— До встречи, — сказал он и, развернувшись, зашагал к подведённой к нему лошади, забрался в седло.

Бросив на Дарко острый взгляд, прищипнул каурую, рванул к воротам, присоединяясь к сопровождающей тройке всадников. Стража только и успела раскрыть ворота, выпуская завсегдатаев.

«Вот же скотина, пёс блудливый. И чего всё вынохивает? Чего надо ему? Хорошо, что Волот ещё держит его на расстоянии».

Сбросив раздражительность, Дарко передёрнул плечами и широким шагом направился к лестнице. Поднявшись по крутому порогу и войдя в широкую дверь, он оказался в привычной глухой тишине, за дверьми остались все звуки со двора. Вот и дома. Встречать его вышел Мирята. Дарко скинул ему с плеч кожух. Тяжелый, мальчишке пришлось его закинуть на плечо. Отдав и пояс с ножами, княжич не стал оттягивать, спросил с порога:

— Где Волот, где отец?

Он взволнованно заглянул в двери. Никто не спешил его встречать, а ведь с невестой для брата.

— Князь Мстислав у себя, — отозвался звонко мальчишка, сдувая со лба чёлку, — а княжич Волот — не ведаю, где. Вроде говорят, уехал.

Дарко выдохнул устало. Теперь нет сомнений в том, что на самом деле здесь творится. Эту отговорку он знал смолоду ещё. Значит, Волот погрузился в беспробудный сон.

«Как долго?»

Расстегнув петли на воротах и груди, что невыносимо стягивали, княжич обратил на Миряту взгляд.

— Бадью вели принести, и воды пусть натаскают, — велел он.

Мальчишка кивнул и исчез из горницы.

Дарко замер на мгновение, решая, что ему в первую очередь нужно сделать. К Мстиславу идти не хотелось так сразу, с дороги, и он решил, что, если надо будет, тот сам позовёт, а сейчас ему нужно время. Нужно прийти в себя.

Дарко, минув горницу, поднялся по длинной лестнице с двумя площадками. Пройдя по тёмному переходу, освещаемому прорубленными под потолком оконцами и заставленному вдоль стен сундуками да лавками, оказался перед дверью, сложенной из тесаных досок. Толкнув её и скользнув внутрь, он с облегчением выдохнул, переведя дух, сбрасывая усталость пути. Нужно освежиться и хотя бы немного поспать, вот только отец не позволит разлёживаться. Княжич выполнил его поручение, только вот привёз не двух сестёр, как было уговорено, а одну. Дарко подумал о Станиславе, старшей дочке. Искать теперь её нет смысла, да и где, коли сбежала. Теперь ясно, почему мельник Ивар озлобился на старосту Доброгу, а тот так легко отдал младшую дочку по малому сговору.

«Уж лучше бы не отдавал».

Дарко, расстегнув петли, скинул кафтан с плеч и бросил на лавку. В стенах будто сделалось темнее, давили. Не успеет Росья оправиться, Волот начнёт её использовать, ведь не стерпит. И от этого понимания ещё гаже сделалось на душе.

Пришёл Мирята со стопкой рушников да чистых одежд, челядь внесла широкую бадью, установив лохань, быстро наполнила горячей, клубящийся паром водой. Можно было бы и в баню, но Дарко хотел тишины и покоя и хотя бы на немного забыть обо всём. Оставшись один, он скинул с себя оставшуюся одежду, опустил в горячую воду, которая мгновенно согрела, расслабляя напряжённые мышцы. Постарался отстраниться от всего, но навязчивые мысли всё лезли в голову, что холодные змеи, сплетались в клубок. Вспомнились и слова Полада. Значит, не ему одному виделось, что сборщик чрезмерно интересуется делами Волота. Как бы Дарко ни крутил в голове всякие доводы, сопоставляя известное, а всё же откровенного разговора с братом ему не избежать. От таких мыслей даже голова разболелась, ко всему ушиб беспокоил его весь день, время от времени в затылок выстреливала боль.

«Нет, успокаиваться и пускать всё на самотёк никак нельзя».

Он вновь вернулся мыслями к Венцеславу. Вот же гад, и без того хлопот полон рот, ещё он под ногами путается. Верно Полад заметил, хоть и матушке родственник, но терпеть его не переносит на дух Дарко. Быть может, потому, что Града отзывалась о нём плохо, хоть и никогда не говорила напрямую о своём дядьке. И сколько Дарко помнил, жена Волота, казалось, даже избегала Венцеслава. Волот этого не замечал, но от взгляда Дарко не ускользало, как опечаливались глаза княжны, когда сборщик навевался в Дольну. По этой причине и медлили с отъездом в Лаговь, куда должен был отправиться со своей избранницей Волот, ведь пророчество жрецов сулило, что крепкие узы избавят брата от опасности и плена нечисти, и кто же знал, что выйдет всё наоборот, что брату станет хуже. А Граду так и вовсе извёл, сжив со свету. Дарко утёр лицо влажной ладонью. Всё же он не должен думать о Волоте плохо, брат не виноват, что с Градой приключилась беда.

Не похоже, чтобы Венцеслав беспокоился о племяннице, да и не приезжал проводить её в последний путь... По-хорошему, должен сборщик вовсе возненавидеть Волота, что тот не сберёт, а тут напротив — дружбу крепкую завёл. Или так решил выразить свою скорбь?

«Хотя с чего взял, что Венцеслав должен горевать о Граде?»

Их отношения нельзя было назвать тесными. И сборщик просто решил поддержать Волота, которому с новой невестой должен и перейти княжий стол. Однако, концы с концами почему-то всё равно не связать...

Из дум его вывел робкий стук за дверью, который мог принадлежать только одному человеку во всём тереме.

Дарко откинул голову, глядя в балочный потолок.

«Ну вот, не дадут с дороги отдохнуть».

— Ну, чего там? — спросил, слыша нетерпеливое скребушение.

Дверь тут же открылась, и в проём всунулась светловолосая голова Миряты.

— Там это... князь Мстислав кличет к себе. Немедля.

«Кто бы сомневался», — Дарко поднялся, вылезая из остывшей воды.

— Ну, чего ты там застрял, одежду давай, — беззлобно велел он, подхватывая с лавки рушник, резко утирая грудь, плечи. И всё равно следы вины не смыть, и ощущение было такое, словно он полоснул по горлу жертвенного телёнка.

С помощью Миряты оделся он быстро. Заправив штаны в сапоги и подтянув широкий кожаный пояс, направился к двери, предчувствуя тягостный разговор. Пройдя той же лестницей вниз, он завернул в сторону малой горницы, где обычно отец и собирал всех. И он оказался прав, Мстислав уже ждал его там. Ждал один.

Князь встретил его хмурым взглядом, на что Дарко ответил ему тем же. И не потому, что между ними были накалённые отношения, а потому, что Дарко устал исполнять его веления, не получая взамен никакой поддержки и благодарности. Впрочем, ему это и не нужно было, но ощущение того, что он отдаёт больше, чем получает, тянуло вниз несметным грузом, лишая его немалой силы. И видят Боги, что всё это ему осточертело. Но он держался и продержится, верно, ещё долго, терпения хоть отбавляй, что в последнее время только во вред. Однако стоило подумать о Волоте, как из глубины вместе со злостью всплывало сожаление и волнение, и от этой гремучей смеси хоть на стену лезь, а поделать ничего нельзя. Вот так и с отцом, вроде понимал его, но не мог не раздражаться на его давление.

Пройдя к длинному столу, Дарко опустился на прежнее место. Челядь уже зажигала лучины в светцах. Стемнело быстро, да и утро уже завязывалось в узел, хотелось есть. Как только горница опустела, Мстислав первым нарушил молчание, прожигая Дарко взглядом.

— Почему не известил меня, что приехал? — спросил он в лоб.

— Разве слуги не доложили?

Отец хотел было возразить, да передумал, затушив успевшие распалиться огоньки гнева во взоре. Дарко, всё же не выдержав напряжения, сдвинул кулаки.

— Да, меня оповестили и сказали, что привёз ты одну девушку.

— Опоздали мы, другая уже вышла замуж. А где Мирогост? — поинтересовался княжич, вспоминая, что волхв не вышел встречать его во двор, как он обычно это делал.

— Мирогост... — натужно и задумчиво проговорил князь. — Тебя он интересуется, а о Волоте ты не хочешь узнать? — в голосе его заскрежетал лёд.

— Я всё уже знаю, — так же прохладно ответил сын, призывая себя не кипятиться, но видно плохо выходило. Отец был невыносим. Разве Дарко виноват в том, что творится с Волотом?

— Почему так долго, Дарко?

— Я честно спешил, Росью... невесту я же не мог насильно тащить, не останавливаясь ни на ночь, ни на привалы? К тому же дожди зарядили непросыхаемо, да и Росью... невесту привёз не совсем здоровую. Захворала по дороге.

Дарко смотрел хмуро, скрипя зубами и играя желваками, ненавидел оправдываться, но отец всё время его вынуждал это делать. Мстислав, помолчав немного, выслушав всё, малость смягчился. Самое время сказать о своём решении.

— Мне нужно тебя кое о чём предупредить... — начал Дарко, решая обрубить всё топором, но тут скрипнула дверь, не позволив договорить княжичу.

На пороге появился, слава богам, Мирогост, да не один, а со жрецами. Случившаяся заминка позволила немного расслабиться княжичу, разжать кулаки, расправить сведённые до судороги плечи. Мстислав даже привстал и вдруг побледнел разом — а ну как случилось что с Волотом?

— Не беспокойся, князь, с хорошей вестью мы, — успокоил его сразу волхв, призывая сесть обратно. — Волот пришёл в себя. Только время ему нужно, чтобы оклематься, к ночи на ноги встанет.

С запозданием сердце в груди забухало часто, а по телу лавиной жар разлился. Вот так всегда, по острию ножа, по краю пропасти.

— Так не стойте, проходите, — кивнул князь.

Дарко уловил, как подрагивают руки отца, и укорил себя, что был слишком резок с ним, его слабость перед бедой он не мог сносить.

Служители богов прошли к лавке, рассаживаясь вдоль стены.

— Пришли речи вести, князь, и судя по всему, разговор у нас будет долгим, — сказал великомудрый волхв, и взгляд его что колом упёрся в Дарко.

— Женить нам надо Волота до этой зимы.

Княжич окаменел, что даже и дышать перестал.

— Как до этой зимы?! — развернулся он всем корпусом к Мирогосту. — Я отцу её, старосте Доброге обещал, что девица будет год целый жить в стане, пока срок её на выданье не подойдёт. И приближаться к ней не позволю.

Волхв плотно сомкнул губы, выдерживая пылающий гневом взгляд Дарко. Повисла такая оглушительная тишина, что было слышно, как кровь бухает в висках. Мстислав не без удивления глянул на Дарко.

— Не наша это прихоть, — первым спохватился волхв. — Эта нежить все жилы из Волота вытянула, и нужно поспешить.

Дарко не мог поверить своим ушам. Припомнил он разговор последний с Миргостом, ни о какой женитьбе и речи не было.

— Хочешь, чтобы я пошёл против своего слова? — он сам не понимал, почему его это так взволновало, ведь знал, что всё к тому и сведётся.

— Ей надо ещё окрепнуть, не готова она силой своей делиться.

— За это не переживай, она не Града, намного сильнее, выдюжит.

Княжич стиснул зубы, сказать было нечего. Он медленно повернулся к отцу и не знал, какими усилиями сдержался, чтобы не выпустить гнев, не разнести здесь всё. Мстислав, приободрившись духом, внимал словам жрецов. Дарко слушал их в пол-уха, думая обо всём, что случилось с ним за последнее время. Старцы обсуждали день обручения и нужные приготовления для праздника.

Не вытерпев, княжич всё же поднялся со своего места.

— Меня не считайте, — сказал он твёрдо, глядя непреклонно на отца. — Я отправляюсь с Поладом в Ставгонь.

Вся краска с лица князя схлынула, жрецы тоже притихли.

— Как хочешь, — наконец, сказал Мстислав, положив ладони на стол.

Дарко хмыкнул, дивясь столь быстрому согласию князя. Хотя чему тут удивляться, он сделал всё то, что было необходимо, теперь не нужен. Но даже если бы отец стал препятствовать, Дарко бы его не послушал, и видно тот это предвидел.

— Я уже не могу тебя удерживать, ты достаточно окреп, чтобы решать самому как тебе поступать. Могу дать тебе только своё благословение. Вижу твою потребность самоутвердиться

в своих решениях, испытать себя на храбрость и отвагу, испытать судьбу и пройти свой путь, и я не имею права вмешиваться в твой выбор.

И чем дольше говорил Мстислав, тем больше внутри будто всё коркой покрывалось. Вот как теперь он заговорил! Но, впрочем, упрекать князя сын не смел. Отец дал всё, что мог, и возлагал все свои силы и надежды на Волота, и стол княжий подготавливал ему с малолетства, Дарко же был как запасной.

Княжич поклонился жрецам в знак почтения и поспешил уйти.

В горнице уже гремели голоса побратимов, собиравшихся на вечернюю трапезу, но к ним не хотелось идти сразу. Дарко, покинув терем, поднялся по длинной крутой лестнице сторожевой вежи.

Княжеское гнездо погрузилось в сизо-чёрные тени, но стоило пройти чуть дальше, глаза обжёг пурпурно-алым светом закат, зная к холодам. Дарко безмолвно прошёл вдоль стены, наблюдая, как за окоём медленно тонул огненно-алый диск. Тянущиеся лучи опаляли раздувшиеся кручи, достигая холма, на котором стоял город, ярко освещая верхушки веж и высоких крыш теремов и амбарных построек, что словно семечки, были натканы вдоль берега широкого русла Воли. Похолодало ощутимо. Как только ветер затихал, тянуло горьким дымом с берегов, где жгли костры посадские, и над кровлями поднимался плотный слой мутного желтоватого смога.

Сонно кругом было и тихо, оттремели последние гулянья уходящего лета, постепенно погружался в спячку народ. Самое время засесть по избам с иглой в руке или резакон, вяяя новые оглобли да лепить из глины кувшины. Дарко поднял взгляд, отрывая его от копошащихся, словно сонные пчёлы, людей и устремил его вдаль, за косогор. Со святилища тоже клубился дым, верно жрецы пришли сразу с обряда.

Княжич остановился, когда его взгляд скользнул обратно и замер на девичьем дворе. Отсюда хорошо были видны срубы, в маленьких оконцах которых уже горели лучины. Дарко вспомнил, как часто забредал сюда, и хоть глубоко скрывал свои побуждения и желания, но ждал, когда во двор вместе с наставницами выйдет Града. Её раскатистый смех прозвучал так явственно, что княжич даже окаменел, глядя на безлюдный двор, а перед внутренним взором возник образ Грады. Вот она поднимает голову и машет ему, будто всегда знала, что он наблюдает за ней. И от этого кровь играла в жилах. Многое ему грезилось тогда, княжна всегда была вежлива с ним, не более.

Дарко вздрогнул. Вот же почудится. Невольно пронзила мысль, что может и зря привёз Росью, и прав был Полад, что нужно поискать другого выхода. Но иного не мог представить. Конечно, он мог заявить князю о том, что не отдаст Росью, что желает взять её в жёны, но... Он шумно выдохнул. Терять брата он не готов, жертвовать им. Думая об этом, княжич постепенно проваливался в чёрную пропасть. Единственное, что он мог сделать для Росьи — это оставить догляд, и в случае чего он оставит всё и вернётся.

Дарко невольно вспомнил, что обещал девчонке заботу. Теперь, узнав о скором своём замужестве, она окончательно в нём разуверится, теперь посчитает, что обманул её, пообещав спокойную жизнь. Хотя она ещё не видела Волота, ещё не узнала его, быть может, и приглянется ей, ведь сердце Грады брат покорил...

Княжич хмыкнул, отворачиваясь и сознавая, что думает не о том. Закат давно потух, оставив после себя густое розовое зарево, и сквозь тучи тут и там проклёвывались звёзды. Решил вернуться в горницу, к столу, да пригубить крепкого мёда, заглушить дурные мысли и образы, что бередают душу слишком долгое время, начиная с того, как увидел лесную путницу на дороге с яркими серо-зелёными глазами.

Дарко подоспел к самому разгару братчины. Пусть и между своих, но вокруг стола едва отыскалось место, пришлось Поладу потесниться, да и душно стояло и пахло брагой, что от одного запаха дурела голова, а может, он просто устал.

Не успел он опуститься на лавку, чернавка плеснула в чару медовухи, да не поскупилась, пролила на стол. Кто-то громыхнул поднять чары за здоровье и славу князя, и посудины грохнулись друг о друга, проливая питьё прямо на богато заставленный яствами стол.

За шумной беседой чувства Дарко притупились, да и мёд вскоре дал о себе знать, разливая по телу жар, разжимая все тиски. Полад, дождавшись подходящего случая для тайного разговора, положил ладонь на плечо княжичу и спросил:

— Как Волот?

Дарко стиснул зубы, и, глянув в распахнутые двери, в которых мелькала челядь, вынося пустые кувшины и внося уже наполненные, ответил:

— Лучше уже, по словам Мирогоста, должен прийти. Я князю сказал, что отбываю с дружиной к Ставгони.

Полад, выслушав друга, убрал руку, хмуро поглядел в чару.

— Всё же решил. Вот теперь я жалею, что нагрязнул в гости.

— Я бы всё равно тут не остался, — отозвался Дарко, чувствуя, как вскипает всё внутри, при воспоминании слов Мстислава. — И до обручения лучше мне убраться подобру.

Полад в недоумении обратился на него пристальный взор, и мутная пелена от выпитого вмиг сошла с него.

— Так ведь договорились же...

— Договорились, что год надо бы обождать, но жрецы рассудили по-своему, а с их волей не тягаться, как знаешь, — ответил с горечью княжич, замечая в дверях знакомую чернавку, что намерен так пылко хозяйничала у него в штанах.

Разрумяненная и явно чем-то взволнованная, она юркнула за столб, будто прячась. Окружение сразу померкло, когда вслед за ней вошёл Горята.

— А ему тут какого лешего надо? — нахмурился Полад, тоже замечая неожиданного гостя.

Сын торговца в развалку прошёл к столу. Кафтан травяного цвета едва сходил на его выступающем вперёд брюхе. Хотя тот и был молод, но обрюзг слишком рано, верно от сытой жизни да безделья. Он бегло оглядел всех, подсаживаясь к побратимам, которым сильно пришлось потесниться, вперился пристальным взглядом в княжича, поздоровался. Пришлось пересилить рвущееся на волю раздражение и ответить кивком.

ГЛАВА 9. Неприветливые хозяева

Жизнь в тереме потекла своим чередом. Благодаря стараниям лекарки Хайды и чудотворных отваров, Росья быстро поднялась на ноги. Через пару дней бывший в грудь кашель начал стихать, и горячка, что обращала всё её тело в жар, больше не тревожила по ночам. Спала она на диво крепко. Каждое утро приходила старуха, молча раскладывала свои травы и порошки, готовя для девушки очередной отвар. Хайда была того возраста, в котором все старики сердцем размягчаются, становятся открытыми и восприимчивыми, что малые дети, и по неосторожности пущенное слово может до глубины обидеть, до слёз пробить. Но лекарка не из таких. Твёрдая, неприступная, нравом крута, как земля, сносящая любые бури и половодья, закалённая и морозом, и палящим солнцем. И Росья подозревала, что не так-то просто её раздобить, расшатать на чувства. Попривыкнув к присутствию этой женщины, Росья уже не робела, как в первый день, и могла теперь внимательно её рассмотреть. Одета Хайда была так же в длинное платье, чистое и опрятное, платок закручен вокруг головы, волосы подобраны под ним, связаны в узел.

— Вот и всё, теперь опасаться нечего, — выпустила старица руку Росьи, что сжимала в своих сухих горячих пальцах.

Она отсела, даже не взглянув на девушку, принялась молча складывать свои травы и порошки. Росья, пока старуха была занята, мельком глянула на Руяну, которая сидела на лавке, пригнув голову, вышивая ворот платья. Почувствовав на себе взгляд, чернавка подняла взор, недовольно качнула головой, сердито сжав губы, скосила взгляд на Хайду. Её чернавка невзлюбила с первого дня за холодность и каменную неприступность. Когда Руяна по доброте своей вызвалась помочь ей, Хайда отшила её, как дитя неразумное, дав напутствие, чтобы та занималась своими делами и в чужие не лезла. Особенно в те, в которых ничего не смыслит. С тех пор чернавка избегала её, как ужа.

К Росье лекарка тоже не проявляла никакой ласковости, и коли что спрашивала, так только о самочувствии, и по имени ни разу не назвала. От того девушке казалось, что хоть та и не знает её совсем, но будто бы заранее девушка перед ней в чём-то виновата оказалась.

Хайда, собрав всё в суму, повернулась, и снова от пронизывающего взгляда её льдистых голубых глаз сделалось беспокойно. Росья невольно коснулась груди, где покоились бабкины обереги, ища опору в них. Ещё вчера лекарка заметила подвески ценные, расспросила, откуда

они у нее и кто были предки Росьи. Утаивать девушка не стала, поведала, что Бреслава вещуньей была известной из Елицы родом. Вот только говорить о том, что дар ей этот передан по крови, не стала. Хотя таким неверящим взглядом поглядела Хайда на неё, что наверняка поняла, о чём умалчивает новоиспечённая невестушка. Тут-то и взял страх, что прознать о том могут другие, не хотелось ей выделяться, особенно сейчас.

— Вечером ещё зайду, — сказала Хайда и направилась к двери.

И как только она скрылась за створкой, Руяна опустила руки, облегчённо выдохнув. Росья тоже непроизвольно расправила плечи, спустила ноги на пол и поднялась с лежанки, прошла к окну, где сидела над рукоделием чернавка, отодвинув заслонку, вдохнула свежего воздуха. Холодало с каждым восходом. За каких-то пару дней деревья уже совсем облысели, а тучи так и не расходились, давили, нагнетая сонливость. Но Росья не жаловалась, напротив, как только полегчало, приободрилась, а ныне утром так и вовсе ощутила заметный прилив сил. Девушка уже изучила всё, что было видно из окон: бревенчатые стены, да узкую стёжку, ведущую к хозяйским клетям, меж которыми туда-суда сновали чернавки. Руяна тоже не покидала терема. Не отходила от Росьи ни на шаг и верно так же замаялась в четырёх стенах. За три дня пребывания в княжеских хоромах к ним так больше никто и не заходил, кроме чернавок Щасны и Ясинки, которые видно были приставлены к невесте хозяевами для помощи. И Дарко, который обещался зайти, так более и не появился ни разу. Как бы Росья ни отгоняла мысли о княжиче, а желала увидеть его вновь, пусть даже издали, хоть ей и не дозволено о том даже грезить. Желание это перебивало мысли о замужестве, становилось дурно, и Росья делалась будто сама не своя.

— Какая из меня княжна? — не удержалась она, поддаваясь порыву. — Ей нужно родиться, а как ей стать, коли ладони истёрты мозолями, а стопы знают тепло земли? — вымолвила и, надыхавшись, закрыла плотно деревянную заслонку.

Руяна удивлённо подняла на неё глаза, откладывая полотно.

— Хм, нашла мне тоже задачу, — фыркнула девица, поднимаясь со своего места, поводя плечами, что задеревенели от долгого сидения.

— Испокон веков князья выбираю себе невест из такого же знатного рода, а я кто? Простая девка? Мне суждено на земле жить, а не одеваться в дорогие наряды да перстни на пальцы нанизывать.

— Станиславу бы то не заботило, — помянула Руяна сестрицу, уперев руки в бока.

Сейчас на девушке был надет корсак с широкой тесьмой на груди, это платье она, верно, берегла для подходящих случаев, потому как Росья его ещё не видела. Девушка выдохнула, понимая, что спорить бесполезно, да и незачем, теперь обратного пути нет. Она тут, в широких, богатых обставленных хоромах, хоть в то мало верилось.

— Не тужи, пройдёт хандра, пообвыкнешься и будешь как рыба в воде.

И то верно, Руяну и не смущает ничего: ни излишнее внимание помощниц, ни даже то, что они в чужих владениях. Росье бы её беззаботность.

— Ещё денёк побудешь в тепле, оправишься, и можно уже на воздух выходить гулять. На Торжок с тобой сходим, уж там, поди, не соскучишься, — чернавка прошла к столу, подхватив гребень и зеркало.

Росья невольно улыбнулась, принимая его из рук Руяны, круглое, что блюдо. Тяжёлым оно было и массивным, девушка провела кончиками пальцев по чеканной серебряной отделке по краю. Вспомнились слова деда Лытко о том, чтоб поменьше в отражение своё смотрелась, что многое можно увидеть в нём, но всё то будет ложью и кривдой, и сердце чистое можно попортить, если часто в него заглядывать. И небылицей казались слова деда, а вот теперь, спустя время, Росья поняла, что со Станиславой вышло именно так. Купил ей батюшка лист, каждый вечер она в него смотрелась, порой и глаз подолгу не отрывала, всё любовалась, улыбалась, а о чём — Росья и не могла понять. Потом же вон как вышло — не послушалась отцовского веления.

Чернавка, встав позади Росьи, принялась размеренно проводить по голове деревянным гребнем с редкими зубцами. А Росья безмолвно смотрела на себя. И то, что видела, не нравилось ей. Нос как будто заострился, и глаза на бледном лице ещё больше сделались, разливалось в них тёмной водой беспокойство и какая-то излишняя серьёзность. След от хворобы ещё не сошёл с лица. Росья недовольно нахмурилась и положила зеркало на колени, перевернув его другой стороной. Лучше послушаться мудрого старика, но она отчего-то уронила взгляд, будто что-то так и

притягивало её взглянуть на себя ещё разок, но по-другому. Только хотела было перевернуть обратно, как заметила на торце надпись небольшую. Росья повернулась к окну. И в самом деле буквы вычерканы. Грамоте дед Лытко обучал Росью, а потому она быстро прочла: «Града Бориславовна».

— Ты чего, Рось? — позвала её Руяна. — Чего разглядела?

Росья вздрогнула, повертела его ещё в руках, но более не найдя ничего, отложила зеркало, оглядела хоромину ещё раз. Ведь были у неё подозрения, что вещи эти все: и коробы, и сундуки, и ларцы, и даже одежда — чужими были. И так нехорошо сделалось, что она на себя чужое примеряет, что аж в глазах потемнело. И кто это такая — Града? Если вещи её здесь лежат, куда же тогда сама хозяйка подевалась?

Чернавка, совсем обеспокоившись поведением девушки, встала перед ней с гребнем в руках.

— Ради богов, ответь на милость, чего ты так побледнела? Может Щасну позвать, путь за лекаркой сходить?

— Не нужно, — подняла на неё замутнённый смятием взор Росья. — Вещи, которые здесь, ведь кому-то принадлежат?

Руяна хлопнула короткими, но пышными ресницами, подняла подбородок и растерянно огляделась, будто она только что очнулась от сна в чужом месте, такое озадаченное было её лицо.

— Так знамо дело, — наконец ответила она. — Видно готовились к твоему приезду.

Росья замотала головой и тут-то вспомнила, как смотрела на неё Хайда с упреком, будто ревновала её к кому-то.

— Руяна, просьба у меня к тебе есть, разузнай у чернавок, кто жил здесь до нас с тобой.

Брови чернавки опустились, глаза помрачнели, а губы сжались в твёрдую линию.

— На кой тебе?

Росья на миг испытала колебание, говорить ли о своих сомнениях Руяне или обождать пока.

Ведь недаром она чувствовала, что Дарко что-то утаивал, недоговаривал. Может, Града — это матушка его или сестра, которая вышла замуж и уехала давно? Хорошо, если бы оно так было...

Росья прикусила губу от досады, что не разузнала о родичах княжича раньше, всё думала не о том! Решившись, она подняла глаза на чернавку.

— Расскажу, когда выведаешь.

Росья, отказавшись от помощи Руяны, перекинула волосы через плечо, начала сама плести косу.

Чернавка вернулась за рукоделие — чем ещё заняться в столь раннее утречко.

Росья хоть и попросила девку выведать, кто же это — Града, а у самой теперь саднит в груди, не хорошо как-то, она ведь тут пока гостя, а уже выведывает всё. Хотела забрать слова обратно, да разве Руяну уже удержит что? Но с другой стороны, что плохого в том, чтобы узнать, куда её поселили? Сами хозяева не спешат знакомиться с ней, может, ждут времени, когда оправится? Верно будут держать её тут долго. Может статься, так и не увидится с Волотом до самого обручения, как и положено по древним обычаям. Хорошо бы. Росья встряхнула головой, нечаянно больно дёрнув волосы, верно чепуху городит. Вновь попыталась думать о женихе, да только как представит его, тут же в голову лезет образ Дарко, его греющий взгляд, тёплый, как жаркий летний день. Хоть и разговаривали они мало с ним, но как же тепло делалось на сердце, когда княжич рядом был, надёжность вселял и умиротворение, так спокойно делалось и хорошо, будто она знает его уж давно. И этот взгляд с извечной заботой и лаской. Росья прижала к губам пальцы, выдохнула, вновь ощущая его касания, так явственно, будто только что и гладил её, дышал в висок. От этих мыслей всё загорелось внутри и хотелось бежать и вновь, и вновь ощущать его рядом с собой. Руяна говорит, что приглянулась она младшему княжичу. Вот если бы подольше их путь был, может, она и поняла бы что, разобралась. И эти вопросы Дарко, от которых сжималось всё внутри комом.

В один миг всё омрачилось, когда вспомнила она ночь в постоялом дворе, девку голую. Тут уж хоть волчицей вой, а щёки запекло так, что тронь — обожжёшься, что яблоки только из печи.

Как бы ни влекло к нему, а суженый её — Волот, и лучше выкинуть лишнее из головы и принять то, что боги посылают, не навлекать их гнев на себя. Но облегчения то не принесло.

Росья вспомнила сестру. А ведь у Станиславы сложилось всё так, как хотела она, пусть и сбежала, но осталась с любимым, разве это не девичье счастье? Пусть и без крова да богатства (сестрица даже нарядов своих не взяла), а с тем, кто дороже всех на свете. Росья бы, будь она на

месте сестрицы, никогда бы на подобное не решилась, духу не хватило бы. Слаба. А будь Станислава на месте Росьи, то та не растерялась бы, извернулась, но получила б своё. Дверь после ухода лекарки снова раскрылась, и в светлицу тихо вплыла Щасна с подносом в руках. Руяна уж тут рукоделие своё отложила, присела за накрытый стол. Кормили девушек сытно и разнообразно, балуя и пирожками с ягодами, и икрой красной, что ложками можно было на хлеб намазывать. Правда Хайда советовала лёгкой пищей обойтись хворой, но Росья и части не съедала из того, что приносили, а вот Руяна уплетала за обе щёки. Что и говорить, девушка она была видная, такую верно обнимешь и хоть что-то почувствуешь, запомнишь, не то, что она — жилка. Насытившись, Щасна собрала опустившиеся тарелки да крынки и с кротким поклоном удалилась. Внешне чем-то чернавка напоминала Руяну, волос тёмно-русый и глаза такие же тёмные, но не с золотистыми крапинками, как у Руяны, а с зеленоватыми, такое же круглое лицо и грудь пышна, и движения плавные, неторопливые, только Руяна была живая, что ручеёк весенний, а Щасна — будто скованная льдом река. Да и молчалива, и отрешённая от окружения, что глухарь, хоть и слышит, а делает вид, будто не понимает. Утро расходилось, всё громче были слышны уличные звуки да топот чернавок за дверью. — Так, всё, — поднялась Руяна из-за стола, наблюдая тоскливый взгляд дочки старосты. — Смотреть на тебя тошно. На двор пойдём, нечего тут стены стеречь. Росья нахмурилась. Покидать терем и не хочется вовсе, с насиженного места сходить. Тут тихо и тепло.

Чернавка засуетилась так, что отпираться уже и ни к чему было, пришлось подниматься. Руяна сама подобрала наряд, зная, что Росья к тому безразлична, и помощниц кликать не стала. Из нарядов был выбор обширный, многочисленные платья Станиславы — матушка собрала все, да и её утолкла, те, что вышивала Росья на родине долгими зимними вечерами. Руяна, конечно, выбрала самое яркое, но спорить с ней не было никакого проку, всё равно не победить её упорства.

— Ну, чего ты духом поникла? Нельзя так всё время, в тени да без движения. Вон и цвет лица потускнел, а так хоть на воздухе, глядишь, и румянец появится. Да и... — чернавка запнулась, помогая Росье одёрнуть подол расшитого мелкими завитками корсака. — Вдруг... Кого и увидим...

Росья с недоумением посмотрела на девушку и тут-то смекнула, о ком именно чернавка говорит. С Поладом, поди же, Руяне тоже расстаться пришлось. Не виделись уж сколько. А она даже не упоминала о нём, видно, как и Росья, всё внутри переживает, наружу показывать боясь, хоть на Руяну это и не похоже. Не успела Росья подумать о том, как тут же вспыхнула.

«Может, и Дарко увидим».

Росья тут уж сама начала охотней одеваться. Приняла и венчик, расшитый жемчугом, который Руяна сунула ей в руки, завязала длинные ленты бантом на затылке. Бросив косой взгляд на серебряное блюдо, она всё же не сдержалась. Взяла зеркало в руки и взглянула на себя, да тут же отринула.

«Что делаю?! Дурёха!»

Будто не хозяйка самой себе! С судьбой своей примириться нужно, зачем же понапрасну грезить о том, чего не начертано ей? Да, Дарко обещался зайти, но ведь нет его. Все его знаки внимания только ради жалости да утешения. Росья, сглотнув подступающий к горлу ком, потеревила в дрожащих пальцах кончик косы.

Руяна, покрасневшая от рьяных сборов, уже вертелась перед этим самым зеркалом, которое только что Росья положила на лавку.

— Ну, пойдём! — повернулась она к девушке.

Росья в изумлении приподняла брови. Как же хороша была Руяна! В цветастом платье, что шло к её тёмным волосам и глазам, в сапожках красных, и такой же алый, как маков цвет, венчик на голове. На загляденье девка.

Руяна легонько прихватила под локоть остолбеневшую Росю, верно опасаясь того, что девушка передумает.

— Дозволения нам не давали никакого выходить, — в последний миг возразила Росья, всё ещё надеясь остаться в хоромине, раздеться до исподнего и залезть под покрывало.

— Да что мы, в самом деле, в темнице какой?! — всплеснула руками девка, и в её глазах заплясало негодование, что ещё больше красило её круглое лицо. — Уж по двору пройтись никто нам не запретит.

Больше не давая никакой возможности отпереться, чернавка, прошла к двери и широко раскрыла её, выкрикнула наружу:

— Невеста княжича прогуляться желает!

Росья, казалось, покраснела до самых ушей.

— Руяна! — шикнула она, но было уж поздно, тут же вбежали Щасна и Ясинка, накинули на плечи Росьи и шубку мехом внутрь, и голову покрыли платом поверх венца.

— Так-то лучше, — довольно улынулась Руяна и шагнула за порог, следом пришлось направиться и Росье.

Так в сопровождении чернавок и вышли на крыльцо, спустились на небольшой двор, куда привезли Росью в повозке ещё недавно. Утро выдалось и в самом деле холодным, казалось, едва ли не морозцем прихватило землю, да хрустела под ногами сухая трава. Небо сияло голубым бездонным родником, только у окоёма солнце вспыхивало золотом, обливая верхушки деревьев. Пусть и лучи его ещё не добрались до массивных бревенчатых стен теремов, но от открывшегося вида делалось тепло.

Теремов было три, не считая мелких построек, что громоздились приростками. Отдельно стоял, как бы немного в стороне, терем, в котором и разместили девушек, а два других были соединены крытыми переходами. Росья опустила взгляд, моля богов, чтобы не встретиться с кем-нибудь из хозяев. Хоть она и тянулась всей душой поскорее обойти жилые хоромины, пытаясь ускорить шаг, но Руяна нарочно не торопилась, всё разглядывала княжеские убранства. Ступая по голой земле, Росья слушала болтовню чернавок, медленно подходя к воротам, что вели за стены города. Стражники издали наблюдали за девицами, а тем только и дай построить глазки. Росье же захотелось посмотреть, что там, по ту сторону глухой стены, да и разгулявшись, она уже не чувала холода, что пробирался поначалу и за ворот, и под полушубок, но за стены не выпустят их одних. Потому девицы даже не пытались, неторопливо, лебяжьими походками пошли стороной дальше.

Росья заметила, как тихо было кругом, доносилось лишь редкое карканье ворон, да скрипы колодезных журавлей. Видимо, стан находился на самом отшибе, куда не доносилась городская суэта и лишние звуки. А вскоре из разговоров чернавок Росья узнала, что за воротами раздолье — хоромы возвышалась на холме у русла реки. От того стало теперь понятно, почему небо казалось таким близким.

Гуляли они долго, обходя постройки, пока не забрели в сад. Проходя среди рябиновых деревьев, Росья прислушивалась, как редко и глухо падают на землю яблоки и груши, а в глубине сада поют раскатисто утренние птицы. Угодые было огромным, это не в Елицах их садов, тут и заплутать легко можно. Они всё шли вглубь, пока не упёрлись в глухую каменную стену.

— Вот и дошли до княжьих хоромин, — повернулась к девушкам Щасна. — Вот там ворота, ведущие на княжий двор.

Росья глянула в сторону, куда указала чернавка. Недоумение взяло, что же за место, куда их с Руяной поселили? Руяна, видно, тоже удивилась. Росья нахмурилась, давая понять, чтобы та помалкивала. Узнает, всему своё время.

Всеми вместе они направились по утоптанной тропке дальше, их тут было множество, и каждая верно вела в разные концы двора. Вдыхая приторный запах плодов, Росья ощутила, как отчего-то сделалось волнительно на душе. Слишком многое было непонятно ей, да и страшно в незнакомом месте, среди чужих людей, и ждать теперь неведомо чего. Девушка вспомнила о бабке Бреславе — оставила же она тайн. И Волот... в последнем её видении казался он не совсем здоровым, может быть, поэтому про неё забыли. Но чем больше Росья думала о старшем княжиче, тем запутаннее всё становилось.

Вскоре девушкам попались резные лавки. Присаживаясь, Росья заметила чуть дальше, за липами, другие ворота. Они были распахнуты, но стража там не стояла.

Руяна тоже быстро заприметила их, спросила Щасну, осторожничая:

— Можно ль туда пройти?

— На то нужно позволение княгини. Или нянек, — ответила неуверенно Щасна, чем вызвала лукавую улыбку Руяны. Та поняла, что если немного настоять на своём, то можно и добиться своего.

Росья незаметно накрыла руку чернавки своей ладонью, легонько сжала, призывая молчать.

Если разрешение нужно, то как она покажет себя перед княгиней и князем, коли пойдёт поперёк? Если будет разгуливать вольно, будто у себя дома?

Ясинка сбегала в сад, набрала яблок, принесла их в подоле. Руяна, необременённая ничем, болтала обо всём — быстро нашла с девками лад, а когда разговор затеялся о Торжище да побрякушках разных, тут уж Росья не выдержала, поднялась. Побывать хотелось в тишине, походить. Осознала, что в тереме и в самом деле насиделась.

Посмотрев в сторону ворот, Росья, стараясь быть на виду у девок, прошла мимо двух кривеньких яблонь, вглядываясь через черные сплетения ветвей в оттаявшее небо, что светлело стремительно. Она не сразу заметила за раздумьями, как невольно очутилась возле ворот, но не это её заставило остановиться, а силуэт стоявшего под яблоней, что росла у самых створок, человека.

Росья даже шаг назад сделала от глубокой растерянности. Статную фигуру Дарко она могла бы узнать даже по тени. Он вышел из-под развесистой кроны на свет, оглядывая Росью. А она оглядывала его. Недоумение всё больше росло внутри — как не увидела его сразу, да и что делает он тут ранним утром?

— Я услышал смех, вот и решил заглянуть, — поспешил объясниться он.

Росья оглянулась на чернавок, которые заметно притихли, и повернулась к княжичу. Тот улыбнулся слегка, а потом вдруг посерьёзней, добавил:

— Старания Хайды не прошли даром... Рад видеть тебя здоровой, Росья.

И столько тепла и заботы было в его спокойном голосе, что девушка вовсе оробела.

Княжич не подходил близко, стоял от неё в паре шагов, будто меж ними выросла стена, да и чернавки не спускали с них глаз.

— Теперь будет всегда так, — посмотрел он на помощниц, те в раз отвели взгляды, побледили. — Но никто же не осудит, если мы отойдём недалеко и поговорим, — вернул он взор на Росью.

Было видно, что Дарко хочет что-то сказать важное, но взгляд прислуги направлен был на них, не позволяя сосредоточиться.

— Пройдёмся? — предложил он.

Росья было оглянулась, терзаясь в нерешительности, но Дарко, уже шагнув в противоположную сторону, вынудил девушку последовать за ним, уводя её подальше от лишних глаз, и никто не посмел их остановить. Внутри Росьи всё дрожало, заплескалось беспокойство. О чём желает поговорить?

«Вот же Руяна, как в воду глядела».

Остановились, когда их закрыли ветви деревьев. Росья вскользь поглядела на княжича.

Ложились на лицо Дарко глубокие тени, отпечатался след какой-то горечи, и ей самой вдруг зябко сделалось.

— Прости.

Росья даже опешила.

— За что?

Дарко помрачнел, но молчал.

— Что случилось, говори же? Что происходит, объясни? Бреславу ты искал не для матушки своей? С Волотом что? — вырвалось вдруг, но поздно уже спохватываться.

Княжич окаменел, твёрдо сжались губы, между бровей залегла складка, а взгляд в глубине холодных теней сделался ещё ярче — солнечные лучи отблесками играли в них.

— Волоту уже лучше, — признался он.

Росья втянула в себя воздух.

— Что с ним?

— Я не могу тебе рассказать. Ты сама всё узнаешь... Потом. Просто... будь осторожной.

Росья вытянулась, как палка. Вот уж утешил! Холодное отчуждение прокралось в душу. Всё же не обманывали её предчувствия, но горше всего было признать, что Дарко не совсем был с ней честен. Хотя и не обязан был.

Разлилось тягостное молчание. Княжич вдруг поднял руки, снимая с шеи что-то, сделал шаг к Росье. От близости горячая волна прошла по всему её телу, а земля стала шаткой и неустойчивой. Не позволив Росье толком понять, что к чему, он воздел ей на шею подвеску.

— Когда-то он хранил меня, теперь пусть оберегает тебя.

Росья опустила взгляд, подбирая с груди серебристый диск размером с медяк. На нём виднелись письмена, вот только она не могла разобрать ничего, такую письменность она не знала, больше походило на знаки, рубленные, вытянутые. Девушка ощутила, как Дарко приблизился ещё, и

думать забыла о подарке, что приятной тяжестью лег на грудь. Княжич поймал её руку. Росья, не решаясь поднять взгляда, чувствуя его горячее дыхание у виска, наблюдала, как вздымается его грудь.

Развернуться бы да бежать, но ноги сделалось ватными, а дыхание — редким. Пальцы Дарко коснулись её подбородка.

— Замерзла?

Росья подняла голову. Взгляд Дарко был так близко, что она видела, как плескается в глубине его глаз жидким золотом ласка. Он опустил взгляд чуть ниже, и Росья невольно прикрыла ресницы, чувствуя, как всё вокруг поплыло.

Негромкий смех вынудил вздрогнуть и отпрянуть. Дарко виновато отвёл взор, посмотрев в сторону, где оставили они девушек. Её же будто варом облили, она рассеянно опустила взгляд и, подобрав подол платья, пустилась прочь, оставляя княжича одного.

Что делает?! Что происходит? Будто наваждение какое-то. Росья перешла на шаг, чтобы не заподозрили её ни в чём чернавки, заставила себя не оборачиваться, хоть и очень хотелось. Торопливо спрятала подарок за ворот. Сердце билось камнем в груди, а руки и ноги отяжелели, проняла их дрожь. Выйти на тропку не решилась.

— Руяна!

Девки вмиг оказались рядом, увидев лицо Росьи, поблекли разом.

— Случилось что? — подступила чернавка, подхватывая хозяйку под локоть.

— Вернёмся давай, что-то плохо себя чувствую.

Помощницы только переглянулись меж собой, верно заподозрили в неладном. Росья пожалела, что позволила Дарко так легко увести себя.

ГЛАВА 10. Ссора

Дарко шёл быстрым шагом прочь от крепостных стен, от тех чувств, которые сплетались в узлы и не давали вздохнуть, но от самого себя не сбежишь. Не нужно было приходить к Росье и тревожить её, а надо было оставить в покое, ведь теперь он ничего не сможет сделать. Желание увидеть внучку Бреславы за эти дни изъело всю душу. А когда увидел, больше всего растревожило то, что он всё знал, но ничего не мог поделать, и вот уже злость — не злость, а боль — не боль, пойман и подвешен. За эти два дня он несколько раз заходил в истопку к Хайде, узнавая о самочувствии Росьи, но старуха только роптала, прожигая негодующим взглядом, не давала внятного ответа, что с девушкой, а попытки вызываться помочь в чём-либо отменялись напрочь. С самого начала она была против замысла Мирогоста. Слишком рано разыскали новую супругу для Волота, а когда старуха выведала, что и провести обряд венчания этой осенью замыслили, так вовсе взбунтовалась, зарёкшись верно не разговаривать не только с волхвом, но и с княжичами.

Все эти дни, хоть и шла подготовка к отъезду, но занимали мысли не о предстоящем походе, где ждёт неизвестность в чужих землях, а только о Росье. Дарко огромными усилиями сдерживал себя, но, как ни старался, не смог заставить себя остановиться. О чём же думал, когда пошёл к ней? Все стены, которые он так тщательно воздвигал всё это время, вмиг обрушились. Когда увидел её в саду, хрупкую и нежную, тогда овладел им бешеный, неподвластный порыв взять и увести Росью из сада, увезти прочь от города, подальше от Волота, от того, какое проклятие, уже загубившее одну жизнь, ждёт её, от всего того, чему он вольно или невольно подверг её, привеза сюда, будто ягнёнка — на убой. Чувства хлестали внутри и бушевали, что морские волны в шторм, а злость и ярость на самого себя душили, разрывая на части.

«Росья — невеста Волота, не моя», — единственная мысль, которая могла отрезвить.

Но невозможно было не коснуться её гладкой кожи, не заглянуть в дымчато-зелёные, как глухая сердцевина древнего леса, глаза, и уж куда сложнее было не коснуться её сочных губ...

Дарко тряхнул головой. Всё уже решено, и ничего не попишешь. Отец дал согласие на отъезд.

Волот пришёл в себя, правда поговорить толком с ним ещё не довелось, да и не хотелось. Не хотелось видеть его, смотреть в замутнённые надменностью глаза и испытывать удушье от собственного бессилия. Теперь Дарко понимал, насколько глубоко, залезла эта неприязнь занозой, а теперь вышла на поверхность, и ничего сделать нельзя: ни отпустить, ни ополчиться.

На дворе образовалась толкотня и шум. Дарко, очнувшись от раздумий, не сразу заметил прислужников нежданного гостя, что вели себя борзо и расхлябано, словно не у князя в чертоге, а у прилавка постоянного двора, где можно пощупать и пощекотать баб, чем собственно и занимались они, пока ждали этого сукина сына — своего хозяина. Дарко мгновенно вскипел от подобной непотребщины. Хоть сборщик и заезжал каждый день, но всё равно не переставал удивлять своим тошнотворным постоянством. Княжич сжал кулаки и, отвернувшись, поднялся на крыльцо, поспешив войти внутрь горницы, чувствуя, что и внутри его не ждало ничего хорошего.

Опасения его оправдались, едва Дарко взойшёл на порог, как тут же услышал залиvistый девичий смех.

Венцеслав неизменно занимал место рядом с Волотом, который зажимал беспутно ластившуюся к нему уже знакомую блудницу. Другая же, рыжеволосая, обхаживала Венцеслава, кладя тому в рот чищенные орехи. Оглушенный гневом, Дарко медленно прошёл среди столбов, за которыми его ещё никто не успел заметить.

Чернавка, что примостилась на коленях у Волота, склонилась, княжич что-то шепнул ей на ухо, и та вновь зашлась смехом откровенно и раскованно. Волот припал устами к выемке между ключицами девки, бесстыдно прошёлся широкой ладонью по талии, жадно смял грудь.

— И что ты делаешь, Волот? А как же твоя новоявленная суженая? Как её там величать, Роська? — спросил сборщик.

— А что она? Пусть сидит ждёт своей очереди.

Венцеслав загоготал, как конь. Волот, опустив ладони на бёдра девки, придвинул её плотнее. Та, нисколько не робея, позволяла себя щупать везде.

Когда вошёл младший княжич, Волот только тут его заметил, нехотя откинулся на спинку резного кресла, вся весёлость с его лица слезла. Девка, что сидела сверху, чуть повернулась, тут уж застыдилась, слезла. Старший смерил младшего ленивым и тяжёлым взглядом, выказывая всё своё недовольство тем, насколько тот ему помешал. Дарко повёл плечами — так скверно сделалось ему на сердце.

Гадёныш Венцеслав сидел расслабленно и раскрепощённо, нисколько не проявляя какой-то неловкости, будто всё было в порядке вещей — это взъярило ещё больше. И как бы ни расплылось в дружелюбии лицо Венцеслава, Дарко не собирался присоединиться к ним. Но Волот вдруг поддался вперёд.

— Ну и где ты был? — спросил он стальным тоном.

Дарко остановился, повернулся. Волот, положив локти на стол, сжав пальцы в кулаки, въедливо глянул на брата. Чернавки, почуяв дым разгорающейся ссоры, быстро подобрались, пошли прочь.

— Где ты был? — повторил он резче, поворачивая голову, глянув остро. — Только успел приехать, а уж бегаешь в женскую половину. За кем подглядываешь, а? Или же уже испробовал малину?

Гнев обжёг Дарко, как будто на него хлынул поток пламени, он сощурил глаза и сам не помнил, как в два шага оказался рядом с Волотом. Венцеслав, который сидел до этого как варёный, заметно подобрался, заёрзал на лавке.

— Ты что городишь?

Волот небрежно хмыкнул:

— Павду.

Дарко обдало кислым запахом браги.

— Я за правду, слишком много лжи вокруг.

Младший опустил взгляд и только теперь увидел чары, полные питья, да скудели.

— Дарко, да ты не слушай его, он перебрал малость, — вдруг вмешался Венцеслав, пытаясь развести братьев. — Мы просто выпили за его здоровье да за невесту. Садись, подели с нами праздность, — продолжал петь соловьём сборщик. — Я слышал, что ты собираешься в поход к Ставгони? И не останешься на обряд венчания?

Дарко оставил сборщика без ответа. Не обязан он ни с кем делиться своими чаяниями и поступками, а уж оправдываться — тем более.

— Обряд венчания через седмицу решили провести, — оповестил Волот, обращая на брата тёмные, как дёготь, глаза, продолжил насмехаться, заставляя младшего ходить по острию ножа. — Оставайся, может, и тебе что перепадёт.

Дарко глянул на Волота люто, выискивал и не мог найти причин его речам. Неужели догадывается о чём-то? Как бы там ни было, а терпению пришёл конец.

— Чего так глядишь волком? Я тоже не рад такому исходу, правда. Коли что случится, кто станет помогать мне и мчаться по первому моему зову?! — бросил старший.

А вот это уже было слишком, открытая насмешка, да перед этим прихвостнем! Этого Дарко не приемлет, уж какой бы ни была поганой его участь.

Схватившись за столешницу, прошипел сквозь стиснутые зубы Волоту в ухо:

— Если бы ты не был моим братом, я бы снёс тебе башку.

Не получив ответа, он развернулся и пошёл прочь.

— Ну, как знаешь, потом не жалуйся, что не делюсь с тобой! — догнал ответ Волота, ударив в спину.

Это было за гранью дозволенного, хотя этот прохвост, верно, догадывался обо всём.

Дарко поспешил побыстрее уйти и избавиться от вылившейся на него грязи, завернул в полутёмный переход. Всё же недаром сомневался в потугах Венцеслава вести дружбу с Волотом. Ещё не разгорелось утро, а тяжесть дня легла на плечи неподъёмным грузом.

Хотелось покоя.

Но не тут-то было, не успел княжич подняться к себе, его нагнал Волот. Брат, тяжело дыша, остановил его прямо на пустующей лестнице. Тёмные глаза беспокойно шарили по лицу Дарко.

— Мне ведомо, какие были отношения у тебя с Градой. Знаю, что ты дышал в её сторону неровно, верно и сейчас всё повторяется?

Братья некоторое время смотрели друг на друга в молчании, и каждый думал о своём, не находя ни в чём согласия, как было это всегда, сколько помнил себя Дарко.

— Мне передали, что ты ходил в сад. И не говори, что ты по чистый случайности туда забрёл, — прохрипел он. — Отираешься рядом с невестой? Моей невестой.

Каждая мышца младшего княжича напряглась, рубаха липла к спине, а в глазах потемнело от смятения и тесно сделалось в груди. Всё же, какие бы меж ними ни были тягостные отношения, совесть его колола остро и метко. Прикасаться к Росье он не имел никакого права, а тем более, подвергать её всякого рода сомнению и подозрению со стороны не желал. И больше всего переживал за неё, сознавая, какие ошибки успел наворотить.

— Росья юная ещё совсем, и отцу я её обещал, что жить она у нас будет до следующей осени, и что не тронет её никто, покуда девка в возраст не войдёт. А ты что же делаешь? Не успел отойти, как... — Дарко замолк, сжимая зубы, вскипая вновь. — Если она твоя невеста, то ты и веди себя как подобает... — стиснул зубы.

Впрочем, он ничего не сможет сделать, даже если что-то случится.

— Ты борзость свою поумерь. Завидуешь, что не первым родился?

Хоть слова были от слепой ревности сказаны, а ударили, что ножом под рёбра. Волот пыхтел, меряя брата ненавистным взглядом, всё больше погружаясь в ярость, глаза же потемнели пуще самой долгой ночи в году, что два бездонных колодца, верно, долго он смотрел во мрак, что ещё толком не воспрянул духом к жизни.

«Лучше уж последним, но не такой неблагодарной скотиной», — едва не сорвались с языка слова, но вовремя одёрнулся себя, вспомнив о Росье, которой предстоит ещё жить с ним, и вслух сказал другое:

— Иди, проветришь.

Отлепив, наконец, от него пристальный взор, Дарко пошёл дальше. Больше говорить было не о чем, всё и так стало ясно. Долго же держал в себе Волот чувство ревности к Граде. Что ж, отчасти брат был прав, но только отчасти. Дарко и в самом деле дышал неровно к ней, тут не поспоришь, но держал все свои желания в узде. Как же повезло Волоту с ней, та была верной и слишком доверчивой. Как, впрочем, повезло и с Росьей. А он, паскуда, не ценит ничего.

Дарко остановился перед дверью, дыша прерывисто и глубоко, чувствуя, как темнеет всё внутри. Волот всё же зацепил за живое. Что нашло на брата? Зачем вспомнил про Граду? Ведь это забыто, уже оговорено не один раз. Зачем ворошить прошлое? Это всё Венцеслав, тварь, всё в уши дует!

Дарко перевёл дыхание, но гнев накалился до такой степени, что казалось, пепел взметнулся по сторонам. Сжав кулаки, княжич шарахнул о дверь, да так, что треснуло где-то в петлях. Боль пронзила руку, но он остался глух к ней. Хватит с него!

Мужчина влетел в опочивальню, громко хлопнув дверью. Заметался, что ястреб в клетке, готовый перевернуть всё вверх дном. Стены давили, как и всё то, что так опостылело ему. Впрочем, чего ждать, коли так складывается, то лучше скорее уехать.

— Мирята! — крикнул княжич, распахивая дверь, зазывая отрока.

Тот проворно выскочил прямо из-за угла. Подслушивал знать. Хотя неудивительно, слишком тихо было в палатах, верно затаилась вся челядь, прислушиваясь к спорам княжичей. Хорошо, что матушка уехала гостить к родственникам, уже прибежала бы.

— Слушаю, — в глазах мальчишки мелькнуло сильное волнение вперемешку с растерянностью, верно никогда не видел своего хозяина таким взбешённым.

— Прикажи коня седлать, в Изгорь мне надо.

Парень кивнул, выждав немного — ещё какие указания будут, но Дарко кивнул, подавая знак, чтобы поторопился.

— Иди.

Тот уже припустился по лестнице.

— Постой! — Дарко задержал дыхание. — Полада найди и скажи, чтобы собирался в дорогу, завтра поутру выезжаем. Теперь иди.

Мирята поморгал, замаялся было, верно не ожидал такого известия, но послушно кивнул, метнулся с лестницы.

«Чем скорее уеду, тем лучше, тогда и Волот поумерит свой пыл, раз встал я ему костью поперёк горла».

Осталось ещё кое-что сделать для Росьи. И нужно очень сильно постараться, чтобы вернуть Воицу в детинец...

Путь в ближние веси был недолгий, Дарко успел приехать в деревеньку до обеда. Изгорь была обширным селением. Серые кровли, вымокшие от ночного дождя, терялись в грязно-коричневых, скудеющих с каждым днём кронах деревьев, и разбросаны были по всему берегу вплоть до первой излучины. Там терялись где-то в сизой дымке последние срубы.

Проехав небольшую отару пасущихся за околицей овец, Дарко миновал ряды заготовленных на зиму стогов сена. Среди домов пронизывающий ветер стих, только легонько трепал ленты на бледной молоденькой берёзке, что ещё летом в Купалову ночь нарядили девицы. Плечистые парни таскали со двора нарубленные дрова в клеть, смеривая всадника спокойными взглядами, пригибая кудрявые головы, верно знали, кто к ним явился в такое время да по какому случаю. О Воице все наслышаны, что прибыла она два года назад вместе с Градой из княжества Логови, и что жила при княжеском дворе, но ушла, когда княжны не стало. Дарко, рассматривая окрестности, подумал, что теперь верно прижилась она здесь, срастаясь с землёй да людом. На родину не вернулась, видно не к кому было, а тут ей по душе пришлось, вот и осталась. Вдруг взяло сомнение — согласится ли вернуться вновь? Должна. Вот только где её изба находится, Дарко не знал. Подъехав к работающим у поленницы парням, княжич остановил коня.

— В какой стороне Воица живёт? — обратился он к юношам.

— Так тут недалеко, вон, за изгородью, — тут же отозвался старший из них.

Дарко глянул в ту сторону, куда было указано.

— Дома ли она?

— Утром видел.

Княжич тронул мерина, оставляя парней, которые озадаченно смотрели вслед, забыв о работе. Спеша ко двору бывшей наставницы Грады, Дарко всё больше терзался сомнениями. А ну как погонит прочь с порога?

Воица знала всю правду о Волоте и о его проклятии, Града ей рассказывала обо всём, ни в чём не таясь. Дарко преисполнился к этой девке уважением, до самого конца она хранила и хранит семейную тайну, дав на то обещание упокоенной невесте.

Из дымохода валили белые клубы, значит, дома хозяйка. Избёнка её была старой, с ссохшимися на солнце брёвнами, покрывшимися в некоторых местах бледно-зелёными плесинами мха.

Однако всё вокруг было опрятно, низкая крыша хоть и стара была от времени, но без дыр, порог чист, и прибрано в сенях, в которые Дарко вошёл без всяких препятствий. Внутри тепло и наведён порядок, но всё говорило о том, что женщина так и осталась вдовицей: не было среди развешенного на верёвке белья ни портов, ни на петлях кожуха мужского. Из горницы слышались торопливые шаги, дверь скрипнула, и на пороге замерла невысокая фигурка

худощавой женщины, которую и не назовёшь таковой — красавицей была, и от пронизывающего взгляда её земля косилась под ногами.

Долгое время они смотрели друг на друга.

— Княжич, — выдохнула, наконец, Воица, но в серо-дымчатых глазах не вспыхнула радость встречи, угрюмо сжались и губы.

Наскоро вытерев руки о передник, она поправила узел платка на затылке, робко тронула рукой подвески на груди, прихорашиваясь. Как и прежде, выглядела Воица хорошо, даже слишком для женщины, живущей без мужа, несущей на себе целое хозяйство. А хозяйство немалое было, кудахтали куры за стеной, блеяла со двора и коза.

— Проходи, чего же на пороге стоишь, — пригласила она впопыхах внутрь, отступая к печи.

— Спасибо, — Дарко снял шапку, разметав волосы пальцами, шагнул в небольшую горницу.

Пахло влажной духотой, на полу стоял ушат, верно только вымыла доски хозяйка.

— С какими же ты вестями заглянул ко мне? — не стерпела она, стягивая с головы платок. —

Присаживайся, — поманила на скамью, сама подхватила с печи горшок.

Зачерпнув горячего варева, по запаху — сбитня, поставила перед дорогим гостем.

Дарко принял питьё, вдыхая его аромат.

— За тобой приехал.

Воица так и замерла с полотном в руках. Дарко, отпив немного сбитня, глянул на неё. В глазах её густо завихрился страх и растерянность.

— За мной?

— Садись. Поговорить нам нужно. С просьбой я приехал большой, — поспешил успокоить её княжич.

Женщина послушно присела напротив, всё ещё беспокойно и ожидающе смотря на Дарко. И он мог свободно рассмотреть её затмевавшую глаза красоту, верно данную богами, чтобы посмеяться над ней, забрав у той так рано мужа. Её тонкие брови были изогнуты полумесяцами, глаза, отливавшие сталью, обрамляли длинные тёмные ресницы, делая взгляд глубже, а расширенные зрачки утягивали в самую хлябь, где верно дна нет, так и тонешь. Прямой нос, красивые губы, щёки, раскрасневшиеся от проделанной работы. Пущены по плечам две тёмно-медные гладкие косы, что змеями скользят до пояса. Одета она была тоже просто, в льняной наверхник, крашенный голубым и подвязанный длинным вышитым бурым поясом. Всколыхнулись позабытые воспоминания, и верно не ко времени. Женщина робко отвела взор от излишнего внимания со стороны Дарко.

— Слышала, наверное, о том, что Волот невесту себе нашёл?

Воица медленно и как-то с печалью опустила взгляд, будто ждала услышать другое.

— Слышала, как же, — сказала она, схватившись зачем-то за полотно, что лежало рядом на столе.

Дарко заметил, что порозовевшие от холодной воды пальцы её подрагивали.

— Хочешь, чтобы я с ней была?

Он кивнул.

— Кроме тебя, мне не к кому обратиться, — ответил Дарко, чувствуя, как Воица напряглась вся, вздохнула туго, будто с горьким разочарованием. — Знаю, что прошу о невозможном, но Росье, невесте Волота, нужен пригляд и помощь... Она ещё юная... Не знает ни о чём... Обряд венчания через седмицу... — невпопад проговорил он, — я бы не тревожил тебя, но в поход собираюсь и...

Взгляд Воицы обжёг. Так посмотрела, будто враг перед ней. Она поджала губы, смяли тонкие пальцы полотно так, что костяшки побелели, но тут же разжались, и рука её скользнула по столу. Воица чуть наклонилась вперёд, накрывая руку Дарко своей холодной ладонью. От этого прикосновения обожгло всё внутри, разгоняя по телу кровь, пробуждая в нём всякие чувства: и страсть, и вожделение, и горечь — многое было между ними, когда она жила при княжьем дворе, но Дарко не хотел этого вспоминать и чувствовать. Теперь уже нет, сердце желало другую, ту, что была под запретом для него, пусть тело и говорит сейчас об обратном, верить тому нельзя. И ради Росьи он тут.

В избе они были совершенно одни, и зайти сюда никто не решится, пока княжич не покинет порог. Наблюдая распалюющиеся жаром желания глаза Воицы, что мерцали жидкой сталью, Дарко высвободил руку, погладил по коже, которая не успела огрубеть от тяжёлой работы, кою несла на себе она весь этот год. Обхватив тонкое запястье женщины, притянул её к себе. Теперь

всё сложил воедино, и стало ясно, как белый день, откуда такое снисхождение к нему при встрече, ласковые взгляды и безропотное угождение, которое воспринял как заботу. А после — это разочарование во взгляде, верно, ждала его, он приехал, только не затем, о чём помыслила. Неужели поселилась поблизости, не уехала обратно Лаговь из-за него?

— Я знала, что ты придёшь, — шепнула она.

Дарко раздумывал недолго, поднялся и прошёл к двери. Женщину на короткий миг взяла оторопь — уйдёт?

Княжич дёрнул задвижку, запирая дверь. Молча приблизился к Воице, взгляд которой оттаял, и поселились в нём тепло и ласка. Женщина была такая маленькая, что едва затылок доходил до подбородка Дарко. Проведя кончиками пальцев по её щеке, он, обхватив шею, погладил большим пальцем выступ ключицы, накрыл ладонями небольшую грудь, сжал неистово. Воица прикрыла глаза, вдыхая глубоко — вот она вся его. Ощувив прихлынувшее возбуждение от такой покорности, подхватил за бёдра, отнёс на лавку, повалил, дёрнув шнуровку на её ворота, приник губами к тонкой шее, целуя едва ли не до боли. Воица охнула, но истосковавшееся по мужской ласке тело женщины само отдавалось на малейшее прикосновения Дарко, вздрагивало.

Уже торопясь, она рванула с плеч юноши налатник, подобрав полы рубахи, нашла тесьму его портов, дёрнула.

Навалившись на неё, Дарко подобрал влажный подол платья, откинул к поясу, оголяя стройные ноги, раздвинул их, разместился меж её бёдер, приспуская штаны. Соприкосновение разгорячившихся тел напустило ещё больше тумана в голову, и здравомыслие покинуло княжича без остатка. Он сжал её плечи, истлевая желанием взять её, но Воица сама подалась вперёд, пронзая пальцами волосы княжича, крепче обхватывая его бёдрами. Дарко, погружаясь в тёплую глубину, заскользил сначала плавно и неспешно, давая Воице привыкнуть к себе, но нетерпение вдовицы возбуждало, толкало вперёд. Он задвигался жёстче, делая резкие толчки, пока дыхание не сбилось, а шея Воицы не покрылась испариной, наслаждался гибкостью женского тела, принимающего его так легко и с жадной, будто земля — проливной дождь. Достигая слишком быстро вершины наслаждения, он склонился, накрывая её раскрывшиеся, изголодавшиеся по поцелуям губы своими губами, продолжая вторгаться в неё, проникая почти беспрерывно. Воица вскрикивая и упираясь руками в лавку, стала сама подаваться ему навстречу, принимая целиком, жадно вбирая его рвавшуюся наружу силу, а потом вдруг откинула голову, толкнувшись навстречу, с нажимом сдавив его бёдрами, задержала дыхание где-то в груди. Дарко, накрутив на кулак её гладкие косы, потянул назад, продолжая двигаться до полного иступления, и, рванувшись в последний раз, выплеснул, наконец, наружу огонь, на миг задохнулся от нахлынувшего обессиливающего до самого дна блаженства, остановился, выпуская женщину.

Воица, выдохнув, откинулась без сил на скомканную постель. Некоторое время Дарко слушал переплетающийся грохот сердец, клокотавшую в висках кровь. Всё ещё оставаясь в ней, он пошевелился, слизав капельки пота с шеи Воицы, чувствуя горько-солёный вкус на языке. Поцеловав в её сухие горячие губы, отстранился и сел рядом, оставив девушку так и лежать с голыми согнутыми в коленях и раскиданными в стороны ногами.

В горнице повисла тишина, только витал в воздухе запах случившейся в порыве страсти близости. Унялось и дыхание, и только потом, где-то на доньшке разума, Дарко понял, что поступил не совсем честно. Однако времени на раздумья не было, ещё нужно было до темна переговорить с отцом и вольнянином. Приподнявшись, завязал штаны.

Воица тоже пошевелилась. Легко, как дуновение ветерка, прошла её уже горячая ладонь по предплечью, напряжённой спине, она склонилась к самому уху и шепнула:

— Ступай. Я приеду. Завтра.

Дарко вернулся дотемна, ещё только-только ступались сумерки, мягко опускаясь на детинец вместе с влажным туманом. Едва он проехал помост, как закрапал дождь. Метались огни пламенников на воротах, и в их свете сновали по стенам стражники. Въехав во двор, Дарко выругался. Венцеслав был ещё здесь, судя по шуму, что доносился со двора. Вот же пиявка. И в самом деле, въехав во двор княжич увидел, что люди сборщика от безделья спуют по двору, отвлекая стражу разговорами. Пир был в самом разгаре, множество гулких мужских голосов выпускали открывавшиеся постоянно двери хоромин. Появилось необоримое желание вытащить этого паскуду Венцеслава за шиворот и вытолкнуть за ворота. Даже начало трясти от

пробившей злости. Едва он пересёк двор, как на лестнице появился Волот, а с ним и Венцеслав. Следом шёл Горята. Ещё бы ему тут не быть, как мог пропустить очередную гульбу?! Дарко наблюдал уже целый месяц, что брат в последнее время гуляет на широкую ногу, но не до такой пьянки! Не весь белый день квасить!

Волот пока младшего не заметил, и Дарко искал взглядом среди людей Миряту, чтобы вывести, где отец и почему он позволяет такое непотребство. Ночевать ныне здесь княжич не останется. Родной стан показался как никогда чужим, да и нечего ему здесь больше делать, Дарко ощутил это так явственно только теперь.

Но мальчишки нигде не было. Княжич хотел пройти незамеченным через задний двор, но его успели увидеть.

— Дарко! — воскликнул Венцеслав, когда княжич попытался проскочить мимо.

Челядь и стража, которые были привлечены громким выкриком сборщика, посмотрели в их сторону, и теперь Дарко уже был у всех на обозрении, но люди снова занялись своими хлопотами, которых к вечеру было невпроворот.

Всей гурьбой княжеская знать, шумя и смеясь, вышла на двор. Дарко сохранял хладнокровие, хоть это невероятными усилиями давалось ему.

— Постой, — услышал он голос Волота.

Дарко аж передёрнуло от командного тона старшего. Чего ещё ему надо? Сердце уже пустилось в галоп, а ком гнева сдавил горло.

— Куда опять спешишь, не к моей ли невесте?

Дарко остановился, сжимая кулаки и каменья.

— Она ещё не твоя.

Тёмные брови Волота сошлись на переносице. Горята и Венцеслав притихли, посерьёзтели, но и не встречали, наблюдая со стороны.

— Что ты сказал?

— Что слышал.

— Волот, не надо, — вмешался всё же Венцеслав, но только ещё больше подначивая и зля.

— Отстань, — рывкнул на него Волот, вперившись замутнёнными глазами в младшего брата.

Волот хоть и был во хмелю, но держался крепко на ногах.

— Ты ничтожество, Дарко, тебе никогда не обойти меня, заруби себе на носу. Никогда не стать воином, силёнок у тебя не хватит. Думаешь, если пойдёшь на Ставгонь, сможешь обойти меня, стать мужчиной? Ты жалок.

Дарко не выдержал, с размаху ударил по лицу брата, попав в челюсть. Прихвостни, что окружали Волота, не дали упасть ему. Он встряхнул головой, очухиваясь и трезвея мгновенно.

Тут уже и челядь побросала все дела, бросилась глазеть на случившуюся меж братьями стычку.

Повисло молчание. Лицо Волота менялось на глазах, сначала вытянулось и посерело, а потом на него легла густая тень злобы. Чёрные глаза холодно сверкнули, Волот с остервенением кинулся, яростно отталкивая друзей, сбивая Дарко с ног, вместе с ним опрокидываясь на сырую землю. Кто-то пытался разнять их, растащить, на миг это удалось, но куда там — братья сцепились вновь, что клещами не разожмёшь, как две громадные глыбы, катались по земле, замахиваясь кулаками. Волот всё же попал куда-то в висок, и Дарко на миг потерял зрение.

— Ты, вымесок, я тебя убью! Надо было раньше тебя выжить, тварь! — со злобой рычал он, и голос, надрывной, из груди исходящий, Волоту не принадлежал.

Он пятернёй сдавил шею Дарко, другой придавил лицо к земле.

— Зря я доверился и отправил тебя за девкой. Но ничего, я своё наверстаю, возьму, так и знай, — хрипел он в ухо.

Дарко с размаху саданул Волоту в рожу, добавил ударом локтя под рёбра, и тот вмиг слетел с него, закувыркался. Княжич одним прыжком настиг старшего, захватив ещё и в зубы.

— Только попробуй сделать что плохое ей, убью, — просипел сквозь зубы. Видя ухмыляющийся оскал Волота, залитый кровью, вовсе потерял остаток разума, замахнулся для нового удара.

— Дарко! — услышал он отголосок женского крика.

Сжимая кулак до хруста, не сразу допустил в сознание узнавание.

— Дарко не тронь! — кричала матушка, кинулась сзади, схватила его за шиворот, силясь оттащить, но куда ей, такую глыбу и с места не сдвинуть.

— Оставь его, не тронь! — кричала она разъярённо.

Дарко стиснул зубы, сотрясаясь от гнева, не сразу выпустил Волота, который продолжал смотреть на него, как на ничтожество. Гадко сделалось внутри. Он разжал хватку и поднялся на ноги, позволяя княгине оттолкнуть себя. Тут подоспели Венцеслав и Горята, что издали наблюдали за тем, как размахивают братья кулаками, помогли подняться другу. Женщина охала, оглаживая выпачканное грязью и кровью побледневшее лицо Волота. Дарко почувствовал, как по скуле потёк густой ручеёк. Он коснулся брови, скривился.

«Пробил всё же, сволочь», — шикнул он.

— Ого! Что тут произошло!? — Полад появился перед княжичем внезапно. И откуда только взялся? — Вот чем ты тут развлекаешься. Я так и знал, что ты наврал, будто в Изгорь поедешь. А я тебя, как дурак, жду-жду, хоть бы меня позвал — кулаки размять мне бы тоже не помешало, — ответил он в своём обыкновении, с жгучей неприязнью поглядывая на сборщика. Волынянин быстро смекнул, что к чему без, всяких объяснений.

Матушка обернулась, гневно смерив младшего сына презрительным взглядом.

— Ты что творишь!? — вскинула она руки и бросилась на Дарко, толкая его в грудь.

Тот и хотел бы разъясниться, но разве поймёт она его? Однако был изумлён, с каким пылом она кинулась заступаться за Волота. Даже побратим хмурился, наблюдая, как княгиня разгневалась на своего младшего сына.

— Он же только на ноги поднялся. Совсем очумел! Чего ты руки распускаешь, на кого?! На брата родного! Не смей его трогать! Уходи, с глаз долой уходи, и лучше уезжай, Дарко. Княжич так и остолбенел. Мать только губы плотно сжала, выказывая волевую твёрдость. Верно, всерьёз она говорила.

— Уезжай, — сказала она и отвернулась к Волоту, который бешено зыркал на младшего, силясь верно испепелить того взглядом. Так и хотел пустить вновь в дело свой поганный язык. Дарко только этого и ждал, мало он ему рожу начистил, нужно было бы ещё. Но тот, как нарочно, молчал, гневно сопя.

— Пошли, — позвал побратима Полад. — Оставь их, не стоит он того, поверь.

Вдвоём они миновали двор, прошли в детинец, на задний двор, где и поселился Полад на время пребывания в Дольне. Но не успели подойти к низким воротам, встретила их девица. Дарко не сразу признал в ней чернавку Росьи. Полад первым прочёл вопрос по лицу друга, поспешил успокоить:

— Со мной она.

Хотелось спросить и давно, но не стал. Его всё ещё трясло от бешенства. Всё обернулось не так, как он предполагал. Отец, как только он стал ненужным, с лёгкостью отпустил и уговаривать не стал, как и не заботиться о его отъезде. Мать тоже за Волота печётся. Княжич даже приостановился, осозная, что ему тут нет места.

«Только сейчас понял, проклятье!»

От накотившего отвращения Дарко даже замутило. Всё это время брат его просто использовал, а он, как гончий пёс, старался для него. Дарко перекосило от осознания и пронизавшей его боли. Прав был Волот, он и в самом деле жалок, коль позволил управлять собой отцу.

Руяна вскинулась, когда рассмотрела в опустившейся темноте лицо Дарко.

— Батюшки! — охнула она.

Полад по-хозяйски приобнял её и подтолкнул чернавку.

— Чего стоишь? Ступай, воды носи да полотна.

— Постой, — остановил её Дарко.

Руяна застыла.

— Позови сюда Росью, — велел он чернавке.

Та растерянно переглянулась с Поладом.

— Приведи немедленно, — повторил Дарко жёстче.

Только тут девка, спохватилась.

— И чтобы никто вас не видел, — напутственно добавил он, когда та уже скрывалась за воротами.

Полад помолчал некоторое время, потом повернулся.

— И что ты задумал? Хочешь с собой увезти? Теперь уже поздно. Говорил я тебе, Дарко, а ты не слушал.

И без того метался княжич в бешенстве от собственного бессилия, понимая, что совершил ошибку, за которую и поплатился. Тогда была ещё возможность уберечь Росью, отговориться и

сказать, что внушки Бреславы заняты. Спрятать Росью как можно дальше от земель Дольны, увезти за Межну и к волхвав за крепкие стены, где бы её никто никогда не нашёл, ни лесной хозяин, ни сами боги. Теперь поздно.

Логово Полада было тесным, и везде, как у здорового холостяка, был беспорядок. Волынянин, скрестив руки на груди, опёрся на дверной косяк. По сравнению с проёмом он был на полголовы выше, и от того клетушка казалась ещё меньше. Ожидающим взглядом воин всё что-то пытался высмотреть в облике побратима.

— Ты не стой, собирайся в дорогу, — подтолкнул его Дарко.

Полад только лишь сокрушённо качнул головой, тягостно вздохнув.

— А мне и собирать нечего, как видишь. Хоть прямо сейчас в седло.

И Дарко не собирался тут больше оставаться, теперь уже незачем, раз всё стало таким прозрачно понятным, нечего наводить ссору, и чем скорее покинет Дольну, тем лучше.

Ожидание затягивалось и Дарко взяло сомнение в том, что Росья придёт. Но вскоре за дверью послышались шаги. В дверях возникла чернавка, первая вошла в помещение, а за ней и Росья. Пришла.

Она миг побледнела, когда в свете лучины увидела лицо княжича, но ничего не сказала, только встревоженно и бегло оглядела присутствующих мужчин и ещё больше оробела, ничего, видно, не понимая.

Полад, тронув чернавку, повлёк её за собой, та опустила на лавку ушат воды и полотно, и оба быстро оставили Дарко и Росью наедине.

— Что случилось? — спросила девица, придвигая ушат к себе и обмачивая в нём полотно.

Приблизилась, поднимая руку, чтобы стереть с лица успевшую подсохнуть кровь.

— Оставь, — сказал Дарко, забрав полотно и бросив его в воду. — Я уезжаю, — сказал он.

Росья растерянно моргнула, и серо-зелёные глаза заблестели.

— Как? — выдохнула она. — А как же... — она смолкла, бледную кожу тронул румянец.

И Дарко всеми силами старался держать себя в руках. Он встал, и Росья, хоть и вздрогнула, но осталась стоять на месте.

Он должен узнать, прямо сейчас. Спросил:

— Я тебя пугаю?

— Нет, — качнула головой девушка.

И Дарко, скользнув руками по её предплечьям, легонько сдвинул. Щёки Росьи ещё больше загустели краской, но глаз она не опустила, смотрела прямо и не собиралась его отталкивать, ждала. Больше не в силах сдерживаться, он обхватил её лицо ладонями и, не позволив опомниться, приник губами к её губам, нависая. Тёплые уста Росьи раскрылись, позволяя себя целовать. Дарко мгновенно накрыла горячая волна жара, будоража до глубины души. Он старался целовать её осторожно, но верно плохо у него получалось. От её нежности и мягкой отдачи в животе свернулась в узел истома, прокатываясь по всему телу слабостью. И всё забылось: и недавняя стычка с братом, и жестокие слова матушки. Дарко пошатнулся, давая глотнуть воздуха Росье, та, опалив своим дыханием, положила ему руки на грудь, испытывая и неловкость, и смутение, и страх.

— И как же мне быть?

— Я не могу тебя сейчас взять с собой, — поспешил он с ответом, сглатывая, ощущая на языке сладость её губ. — Волот не позволит уйти далеко, едва мы окажемся за стенами.

Росья слушала внимательно, едва заметно кивнул. Но испуга в глазах уже не было, а только ожидание, спокойное, как река.

— Что я должна делать?

И княжич готов был отдать всё, чтобы прямо сейчас увезти её. Но нельзя, слишком опасно, если поспешит, то совершит ошибку и Росью уже никогда не увидит.

— Ты не представляешь, во что я тебя втянул, — признался он, оглаживая её плечи, лопатки, спину. — Прости, я не должен был тебя привозить. Я виноват, — шептал он, удерживая себя, чтобы вновь не прикоснуться к распухшим и побагровевшим от поцелуя губам.

Росья слушала внимательно, ловила каждое его слово и готова была делать всё, он это видел и проклял себя за то, что не понял раньше, что произошло меж ними ещё задолго до сего дня, ещё когда он только въехал в Елицу. Ладно Росья, она неопытна и невинна, но он?!

— Жди меня, как только всё устроится, я приеду за тобой. Обещаю, что скоро. Вернусь и заберу, даже если ты... выйдешь за Волота, украду.

Росья смотрела на него неотрывно, осмысливая сказанное, но и это готова была принять. — Остерегайся Мирогоста. Завтра придёт Воица, будь у неё на виду постоянно и не отходи, пусть с тобой на ночь остаётся, это важно. И ничему не верь, никому. — Хорошо, — выдохнула она. Чтобы выпустить её, Дарко пришлось приложить усилие. Да и как отпускать? Немыслимо. Но рисковать он не мог. И лучше ей поскорее вернуться, не дай боги, ещё прознает, что была здесь. — Иди, — сказал он, глядя ей в глаза, отнимая руки, зная, что если ещё задержит её, то уже не выпустит. Росья опустила взгляд и, развернувшись, прошла к двери, не задавая никаких вопросов, только на пороге задержалась, обернулась, задумавшись над чем-то, но, верно, передумав, качнула головой и выскользнула в темноту. Дарко ещё некоторое время смотрел ей вслед, а внутри сгущался мрак.

ГЛАВА 11. Знакомство

Ночь длилась бесконечно. Росья не находила себе места. Руяна тоже не спала, молча сидела на своей лежанке и вышивала в свете лучин, иногда поглядывала на хозяйку. То, что Росья узнала в этот день, обрушилось на неё, как камни на голову. А всё началось после того, как она встретила Дарко в саду. Дарко...

Росья коснулась подвески, а в груди защемило, что даже дышать стало трудно от распирающих чувств. След от прикосновения губ Дарко, тёплых и желанных, всё ещё жёг уста. Росья и не ожидала, что её так повлечёт к нему, что утонет она с головой в водовороте охвативших её разных ощущений, от страха до разливающейся в животе истомы, а от одного лишь воспоминания о прикосновении его рук и о близости его сильного тела всё внутри переворачивалось. При мыслях об этом её бросало в горячий трепет, и сама она делалась шаткой, неустойчивой. И вместе с тем горькое сожаление о том, что княжич уезжает из городища, разъедало, толкая в пропасть. И что случилось между братьями? Что вынудило его так поспешно уехать?

Мысли ворочались в голове, не давая никакого покоя. А тут ещё и открылась тайна. Руяна всё же выведала, кто такая Града. Невеста из городища Логовь, дочка князя и бывшая жена Волота, которая умерла год назад. А ещё девка выведала, что сам старший княжич тоже недужит неизвестной хворью, только то скрывают все. Говорят, что в последнее время так и вовсе из городища не выезжает. И каким недугом страдает Волот, остаётся только гадать. Значит, всё верно она видела в своих приступах, всё так. Недаром знамение было ей ещё в лесу, когда кошку свою искала. Вспомнила вдруг Росья странный туман, что настиг её. Верно, будто бы прознали про неё, неспроста и бабушку Бреславу искали. Хоть Дарко и сказал, что виноват, но упрекать его Росье было не в чем. Доброга сам согласился отдать дочку, а она не перечила. Дарко просил осторожной быть. Но как тут будешь, коли старший княжич изъявил намерение провести обряд венчания даже не к первым заморозкам, а через седмицу? При мысли об этом сердце обращалось в лёд. И к чему такая спешка, Росья не понимала. И вообще не понимала, что происходит. Будущий муж пугал безмерно. Хоть не видела она его, а будто бы чувствовала близкое присутствие княжича, от которого дрожало всё внутри.

Только и оставалось вздрагивать и прислушиваться к звукам, что разносились за дверью, но к ним так никто и не пришёл в эту ночь, и боги знают, что ждёт её поутру, с восходом солнца. Захочет ли увидеть её Волот? И что Дарко имел ввиду, когда говорил, что втянул её в беду? Впрочем, она готова ждать его и вытерпеть всё.

Тьма и страх рассеялись, когда в окошке начало светлеть, сразу и полегчало. Теперь всё казалось не таким уж устрашающим. Но не успела Росья успокоиться, как в дверь тихонько постучали.

Невеста вздрогнула, а Руяна так и подскочила с лавки, выронив своё рукоделие. — Я открою, — сказала она, прошла к двери.

Росья же оглядела себя. Была в одном исподнем, потому спряталась под одеяло, слушая, как сердце скачет в груди неистово. Но опасения их были напрасны, на порог волчком скользнул светловолосый отрок. Поклонившись Росье, он тихо проговорил:

— Дарко Мстиславич послал меня сюда.

Росья так и вскочила с постели, босой приблизилась к нему, наказывая Руяне постеречь снаружи.

— Говори, — обратилась она к отроку в нетерпении.

— Просил передать, — парень полез за пазуху, выудил плотный сверток, отдал Росье.

Она приняла его, задумчиво разглядывая.

— А где же сам княжич? — спросила, притворяясь, будто не знает ни о чём.

— Так уехал.

Росья протяжно посмотрела на него.

— Как тебя зовут?

— Мирята.

Росья отошла, торопливо развернула свёрток. Послание от княжича было коротким. Дарко оповещал в нём, что вернётся, как только найдёт для неё безопасное место и людей, чтобы в случае чего дать Волоту отпор. Наказывал полагаться на Миряту, а если вдруг нужна будет помощь, посылать того за Хайдой.

Росья глянула на мальчишку. В каком же случае она должна обращаться к лекарке? Но тут же густо покраснела, к щекам жар прихлынул, будто её варом облили. Понятно стало, что последует после венчания, и помощь лекарки ей в самом деле понадобится. Росья продолжила читать. В конце вновь последовали просьбы о прощении. Добавил, чтобы сожгла письмо, и что он ждёт встречи с ней.

Верно и в самом деле поссорились всерьёз. Да, для неё всё решилось. Она подняла голову.

— Спасибо.

Парень кивнул и направился к двери, проскользнув под рукой вошедшей Руяны.

— Ну, чего там? — спросила она, видя в руках Росьи свёрток.

— Ждать просит.

Чернавка опустилась на своё место, мелькнули на её лице и усталость, и тревога, и благоговение.

— Когда там драка случилась во дворе, видела я Волота, — угрюмо сказала она. — Взгляд у него такой крепкий, лютый.

Росья тоже опустилась на постель. Вот же нашла девка время говорить о нём. И так страшно, ещё и пугает. Но невеста промолчала, вспоминая о Дарко, сжимая в пальцах его восточку.

Просил сжечь. Росья задумалась. Хоть слова его будут греть, как тут сожжёшь? Она запрягала письмецо в складки постели.

Руяна с тоской посмотрела на неё. Понятно, почему печаль в глазах — суженый её тоже уехал, и кто знает, надолго ли.

Как только ушёл Мирята, начал доноситься шум из-за двери, верно пробуждалась челядь. Девушки тоже стали собираться на утреннюю трапезу, одеваясь и плетя косы. После вести Дарко сил ощутимо стало больше. Щасна, как и всегда, принесла утреннюю похлёбку со свежей выпечкой. Всё казалось таким, как и обычно, тем, к чему Росья уже привыкла. Но минувшая ночь и признание Дарко всё изменили в ней. Сердце горело, и казалось, всякие трудности, что предстоит пережить, ей нипочём. А после трапезы, когда Щасна молча унесла пустую посуду, Росья решила, что узнает о недуге Волота. Не зря бабка ей привиделась, что-то верно она должна сделать.

Росья уже была в полном спокойствии, когда на пороге появилась та самая гостья, о которой говорил Дарко. И сильно девушка изумилась, когда увидела молодую женщину, настолько красивую, что обе девицы опешили. С прямой спиной, с ярко-медными косами, с большими серыми глазами... Если раньше Росья думала, что краше Станиславы и нет никого, то глубоко ошибалась. Ко всему незнакомка имела не робкий взгляд неопытной девицы, а глубокий, проникающий и достающий, казалось, до самого донышка души. Руяна даже забыла поздороваться с Воицей.

Та оглядела спокойно сначала чернавку, потом взгляд её обратился на Росью и остановился. Долго они смотрели друг на друга, но женщина кивнула первой.

— Ты Росья?

— Я.

Воица улыбнулась, и от этой улыбки неловко вдруг сделалось и тесно, будто её прощупали всю невидимые руки.

— Проходи, — вдруг спохватилась Руяна, зазывая Воицу к столу.

И почему Дарко послал именно её? — застыл в голове немой вопрос.

Руяну, судя по взгляду, тоже беспокоила эта неурядица.

Воица оглядела светёлку.

— Давно ты здесь?

— Третий день.

— Начнём начистоту, — сказала женщина, обращая взгляд на Росью.

Гостья прошла внутрь и присела на лавку, снимая суму.

— Я пришла к тебе, потому что меня попросил Дарко, так бы не согласилась, после того, что случилось с Градой, мне хватила горя.

Росья вся вытянулась, непроизвольно подняла подбородок, чувствуя кожей как Руяна тоже насторожилась.

Воица верно, прочла что-то в её взгляде, вытянулась, а чернавка молчала и смотрела настороженно со своего места.

— Ты, наверное, уже слышала о Граде? — спросила она.

— Слышала, — ответила Росья, переведя сбившееся дыхание.

— Я жила с ней здесь, в князем тереме, — продолжила рассказывать Воица. — Знаю обо всех её тревогах, обо всём, чем она со мной делилась. И о Волоте знаю... Дарко рассказал, что его брат надумал жениться на тебе через седмицу. Он мне нравится и ради него я тут, — сказала она спокойным тоном.

Росья сглотнула, заново оглядела гостью, ощущая, как внутри разливается яд, просачиваясь в кровь, парализуя, даже в глазах потемнело. Она отвела взгляд, пытаясь соображать здраво.

— Ну а ты? — она придвинулась ближе. — Была с мужчиной хотя бы раз?

Росья вспыхнула, уж такого напора и не ждала. Руяна тоже заёрзала, но как бы ни силилась вмешаться, сохраняла спокойствие. Как ни сковывала её неуместная ревность, а ответить пришлось. Она покачала головой.

Воица опустила плечи.

— Хорошо. Не думай, я не сомневаюсь в том, что ты девушка чистая и невинная, но должна спросить, потому как подготовить нужно. Да и всякое может быть. Как я поняла, ты же из простой семьи, из селения небольшого, а там ведь бывает разное.

— Не из простой! — не вытерпела Руяна, и как бы Росья гневно на неё ни смотрела, а та не остановилась. — Отец её староста — Елицы, уже какой год всю деревню держит. И мать — хозяйка-умелица, ткёт такие плотна, что купцы из городищ приезжают скупать. А бабка её, Бреслава, так и вовсе с даром провиденья, славится на всю округу!

— Руяна! — воскликнула Росья, осаждая чернавку.

Та плотно сжала тонкие губы и шумно раздувала ноздри, едва сдерживая злость. Но Воица несколько не обиделась, легонько улыбнулась только.

— И в самом деле — не простая... — задумчиво сказал она. — О Бреславе наслышана. Как же разыскали тебя?

Бреславу Дарко не застал в живых. В своём видении Росья поняла, что это Волот узнал о том, где девушки живут. Росья внимательно рассматривала женщину. Воица, с виду казалась доброжелательной, смотрела с участием, разделяя её задумчивость. Дарко сказал рядом с ней быть, но никому не доверять. Но как бы она не старалась рассуждать, а разрывало на части при мысли о том, что Дарко имеет с ней близкие отношения. И, как видимо, уже давно.

— А вот я из простой, — не выдержала гостья затянувшегося молчания. — Был у меня муж, правда деток так и не успела я от него родить. Умер он по случайности, вот я и пошла к матушке Грады, а та к дочке своей пристроила. А тут вышло всё так... — она не договорила, выдохнула тяжело, погружаясь в свои раздумья, видно, неутешительные. Теперь не удивительно, почему такая красивая женщина до сих пор одна, когда есть тот с кем можно разделить постель.

— Так что же с ней случилось? С Градой, — оборвала мысли Росьи чернавка.

Воица коротко взглянула к окну, где сидела Руяна.

— Уснула она однажды и... Не проснулась.

Руяна вмиг замолкли, и светлица на миг погрузилась в густую тишину. Росью проняла дрожь. Вдруг всплыл в памяти сон страшный, от которого до сих пор осадок остался. Она мотнула головой, сбрасывая наваждение. Да, неуместные мысли, но червь сомнения всё же точил нутро. Неспроста всё.

— А с Волотом что?

Воица плотно сомкнула губы, глядя на Росью бегло, будто решалась, говорить или нет.

— Мне уже ведомо, что с ним что-то не так, — поспешила Росья уверить, что не так глупа. — Но как приехала сюда, уже четвёртый день пошёл, а его я не видела, как и княгиню, и князя. Думала, обо мне забыли, а вчера узнала, что обряд княжич собирается учинить.

— С ним и в самом деле не всё в порядке, — подхватила женщина, хмурясь.

Тут уже и Руяна уши наострила. Воица глянула на неё с недоверием.

— Это Руяна, моя помощница, ей я доверяю во всё.

— Хорошо. Пусть то, что я тебе сейчас расскажу, не пугает. Хотя тебе это и не нужно знать. Заранее тебя предупредить могу, но... — Воица заметно колебалась.

— Что? — внутри Росьи заledenело всё, и руки враз похолодели, а сердце и вовсе перестало биться.

— И верно, чего уже таить. Что боги предначертали, того уже не обойти, — сказала женщина как будто самой себе. — С Волотом всё давно началось, с самого его юношества. Хворает он, может уснуть надолго и не просыпаться. По три дня, а то и больше.

Росья повела плечом от холодка, что прокатился по спине.

— Это как же так можно, постольку спать? — не выдержала Руяна.

— Люди всякое, верно, придумали. Не удивляйся, если услышишь сплетни разные.

— И какие же это сплетни? — не отступала чернавка.

— Пока княжич спит, душу его лесной дух забирает и требует у него девиц молодых.

— На кой? — побледнела Руяна.

Воица поёрзала.

— А вот тут уж сами подумайте.

И тут-то Росья вспомнила о слухах, что охватили Елицы.

А что, если Града умерла из-за этого? Ведь и опасения Дарко это подтверждают, не об этой ли беде говорил? От лица Росьи так и отхлынула кровь, и вся она совсем похолодела, а в висках бешено застучало.

Девушки одновременно вздрогнули и повернули головы к порогу, когда дверь отворилась и появилась Щасна, раскрасневшаяся и взволнованная.

— Волот Мстиславович желает невесту видеть, — сказала она тоненьким голосом.

Росья медленно поднялась, беспомощно глянула на Руяну, та, затаив дыхание, смотрела на Щасну.

— Хорошо, — первой заговорила Воица, — ступай, в скором времени спустимся во двор.

Чернавка, клоня голову, поняв доходчивый ответ, удалилась.

— Не переживай, — попыталась найти для девушки утешительные слова гостья. — Просто взглянуть на тебя хочет. Ты, главное, взгляд поласковой сделай, да отвечай, когда будет тебя Волот о чём спрашивать.

И как сказать, что не хочет Росья ему улыбаться и смотреть на него не желает? Пришлось собрать волю в кулак, покорно и терпеливо принять всё. Руяна в молчании выбрала платье для Росьи, венчик, какой покрасше. Воица, сняв дорожную накидку, помогла собраться девушке. Когда стягивала исподнее, подвески на шее брякнули, и взгляд женщины замер на её груди.

Росья накрыла невольно их рукой от чужого взгляда, среди них был и подарок Дарко.

Воица легонько улыбнулась, но от Росьи не ускользнуло, как мелькнула в серых глазах прохлада. Мыслями она вернулась к весточке, что схоронила в постели. Всё же Дарко прав, нужно сжечь. Не дай боги, прознает кто, а тем более, узнает Волот. Тогда беда. На миг захватили мысли:

«Что, если сбежать?»

Но тут же на сердце захолонуло, как представила, какой тогда позор падёт на её голову. Да и не позволят уйти так просто, когда выкуп невесты уже произошёл, и забрал Доброга плату. Чем больше думала об том, тем сильнее стягивались невидимые путы. Запоздало да пришлось осознание того, что не выбраться ей уже, связана по рукам и ногам. И как Дарко сможет забрать

её, ведь верно головой поплатится за подобное? Как разойдётся он с братом? Не кровью же? От этой мысли хлынуло отчаяние, осознала всё своё бессилие перед грядущим.

И чем ближе подкрадывалось время выходить из терема, тем сильнее пронидала дрожь. А когда вышла во двор, под залитое солнечным светом небо, так и вовсе будто в яму свалилась, оставаясь где-то на холодном дне, не замечая ни разгорающегося утра, ни того, как людно было на площадках, которые девушки быстро миновали, стараясь не привлекать внимания. Внутри продолжало бушевать смятение. Девушки остановились у лестницы, ведущей в высокие хоромы. Росья всё оглядывала огромное строение с массивными крыльцами да длинными переходами меж башен. Терем, как белая гора, возвышался к небу, пугая своей просторностью и красотой, но Росье было не до того.

— Я пойду с ней, а вы ждите тут, — сказала Воица Щасне и Руяне.

Последней вовсе не понравился такой расклад, да только делать нечего, пришлось послушать знающую женщину.

Воица, взяв Росью под локоть, повела её по лестнице. Пусть и неприятны были её общество и прикосновения, а деваться некуда — помощь её нужна. Внутри уже не торопились, неспешно миновали длинный переход. От разгулявшегося волнения мутило, тяжёлым комом подступала к горлу тошнота, и Росья даже не замечала ни резных столбов, ни сводчатого потолка, украшенного дивными цветными узорами. Вдыхая холодный, пахнущий какими-то травами стылый воздух, что был новым для неё, гостя оказалась перед невысокой двустворчатой дверью. Колени так и вовсе подогнулись. По ту сторону раздались грубые мужские голоса.

— Не бойся, — сжала девичий локоть Воица, твёрдо глядя в глаза.

Её уверенность немного передалось и Росье, да только всё равно нутро дрожало.

— Волот хорошо обращался с Градой... — сказала Воица и замолчала, верно, понимая, что говорить про бывшую жену неуместно сейчас.

Впрочем, Росье было не до того. Чувствовала что-то нарастающее, огромное и тёмное, что давило на неё.

— Я буду рядом, — шепнула женщина и, расправив свои косы на груди и платье, потянула за ручку двери.

А Росье только и оставалось набрать в грудь больше воздуха.

Горницу затопляла полутьма, после дневного света Росья не сразу разглядела сидящих за столом мужчин, переговаривающихся меж собой и смолкнувших в тот самый миг, как на пороге появилась новоявленная невеста.

Привыкнув глазами к полумраку, Росья смогла мельком заметить присутствующих, но старалась ни на ком не задерживать взгляд и смотреть в пол. Только краем глаза она уловила, как напряглась Воица. Повисло такое молчание, что казалось, будто оглохла.

— Не ждал тебя увидеть, — поднялся со своего места самый крепкий из мужчин.

Воица почтительно склонила голову.

— Здравия, княжич.

— И тебе желаю того же, — проговорил он задумчиво.

Голос Волота оказался тяжёлым, гулким, он прокатывался по пустым стенам греющим отголоском, пробирающим до нутра, и был совсем не такой, как у Дарко — проникновенный и обволакивающий.

— Проходи, раз пришла, — позвал он к столу.

Стараясь унять волнение, Росья прошла вслед за Воицей. Девушка ощущала, как множество глаз так и ощупали её всю, не давая дышать толком, почувствовала, что на неё пристально смотрит и княжич — холодная волна неуёмной силы окатила её.

— Посмотри на меня, — велел он, да так, что ненароком дрогнуло всё внутри.

Всё же Воица, что сидела рядом, вселяла немного спокойствия. Насмелившись, Росья подняла глаза. Волот сел напротив, слишком близко, что ей пришлось поднять подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза, которые утянули в бездну черноты, невольно толкнув Росью в позабытое сновидение. Дарко был совсем не похож с братом. Тёмные волосы Волота в полумраке казались угольными, как и брови, и чернота глаз, в которых плавали холодные равнодушные отблески. Немного впалые щёки, заросшие щетиной, сильная шея, крепкие плечи, мощная грудь. Старший княжич был матёрее своего брата, отпечатывался на его лице и след горечи. Росья, не выдержав удушливого взгляда, первая отвела взор, невольно нанизываясь на другие. Мужчины смотрели на неё открыто, приторно улыбаясь.

— Это мои верные друзья. Венцеслав.

Росья мельком взглянула на мужчину, что сидел по левую сторону от Волота. Вытянутый, немного худощавый, с редкими усами и такими же, как и у Волота, тёмными вихрами.

Студенистый взгляд Венцеслава обжёг. Воица в ответ кивнула, улыбаясь, верно призывая и Росью делать тоже самое, но почему-то улыбаться не получалось, а хотелось бежать прочь.

Волот, глядя на молчаливую невесту, напряжённо сжал челюсти, дрогнули желваки.

— А это Горята, — положил он ладонь на плечо широкогрудому тучному мужчине.

Сальный взгляд того небрежно скользнул по Росье, и ей сделалось противно от этого, верно и на лице выразилось отвращение, потому как похолодевшая рука Воицы сжала крепче её руку. А потому вдруг один за другим представленные друзья стали подниматься. Нечего не понимая, Росья завертела головой. Воица сдавила её руку так сильно, что девушка скривилась.

— Воица, оставь нас, — попросил женщину Волот, и голос его вовсе напугал, жёсткий стал и сухой.

Женщина заколебалась было. Росья глубоко удивилась, когда та выпустила её руку и тоже поднялась. Вышла последней, так и не проронив ни слова. Тугая тишина не давала Росье и пошевелиться. Волот долго и тягуче на неё смотрел, а потом, положив локти на стол и сцепив пальцы в замок, поглядел на невесту хмуро.

— Значит, ты внучка покойной Бреславы? — спросил он.

Ресницы Росьи вздрогнули, она коротко глянула на него и верно казалась запуганным зверьком, но не собиралась пугаться, хоть внутри всё и дрожало, что ответить не могла, слова из себя выдавить. Желала одного — уйти поскорее.

Волот раздражённо хмыкнул, снова откинулся на спинку кресла, задумчиво и протяжно смотрел на невесту. Наконец, княжич не выдержал и поднялся. Росья мгновенно сжалась, поёжилась, но продолжила сидеть на месте, вытянувшись, что струна.

Обойдя стол, Волот медленно приблизился к ней со спины, зашуршала одежда, и в следующий миг горячее дыхание суженого обожгло шею. Росья всеми силами сдержала себя, чтобы не отпрянуть, не шарахнуться прочь.

— Ты моя будущая жена, чего ты молчишь? Или язык проглотила?

Грохот сердца и давящая тишина на миг поглотили, в глазах и вовсе потемнело от близости того, кто был совершенно ей чужим. Мощный хват руки на шее, и её дёрнуло вверх, Росья успела только охнуть.

— Ты чего молчишь? Я тебя спрашиваю, — прошипел княжич сквозь зубы, сдавливая до боли девушку за плечи.

Он с силой встряхнул её, что от страха посыпали искры перед глазами, и она лишь видела чёрные глаза Волота, что заволакивали в беспросветную бездну, где существовал только мрак и лютой гнев, обжигающий и колочий, как мороз.

— Невинную из себя строишь?

— Пусти, — рванулась Росья, но высвободиться не получилось из крепких рук, и только больше разъярила она жениха.

Сдавлив её шею и грубо дёрнув к себе, так, что её дыхание перехватилося, он вперился взглядом в девушку.

— Слушай меня, — рыкнул он сквозь зубы. — Ещё раз повторится подобная выходка, горько пожалеешь, это я тебе обещаю, строптивых я не люблю, а станешь перечить, будешь получать, поняла?!

Росья смотрела на него невидяще, но от обиды слёзы всё же подступили к глазам.

— Поняла или нет?! — тряхнул он её зло.

Она только и смогла, что кивнуть, вцепившись в его руку, призывая разжать хватку.

— Смотри мне. А теперь пошла прочь и подумай хорошенько над тем, что я тебе сказал, — он с силой оттолкнул Росью, что та так и грохнулась на лавку, больно стукнувшись спиной о стену.

— Пошла вон! — рявкнул княжич.

Росья сама не своя подобралась и бросилась к двери, чувствуя глубокое унижение. Немедля кинулась к проёму, вылетела наружу. За ней торопилась Воица, подхватила за плечи, сжав, повела её обратной дорогой, приговаривая:

— Тише, тише.

Как бы ни душила в себе слёзы Росья, а всё же всхлипнула. И что его так разозлило? Раве она виновата в чём? Спустившись с лестницы на улицу, где ждали их чернавки, Росья старалась не

показывать своих чувств, хоть внутри и распирало всё от пережитого потрясения. И только когда они оказались в тереме, в светёлке, девушку пробил озноб.

Руяна, плотно затворив дверь, под села к молчавшей и побледневшей, что мел, Росье. Воица, поглядывая на девушек, принялась раскладывать свои вещи, сокрушённо качая головой.

— И что нашло на него? — проговорила женщина, приготавливая себе лавку, где уже была расстелена постель.

И когда успели? Верно Ясинка позаботилась о госте, пока в светлице никого не было. —

Изменился Волот Мстиславович. Не похоже на него, чтобы вот так... — недоумевала она.

— А это что?! — воскликнула Руяна. — Он что, тебя ударил?

Росья подняла замутнённый взор на чернавку, качнула головой, признаваясь себе в том, что если скажет слово, то разрыдается.

— Как же нет, глянь, на шее синяки буреют!

Росья невольно закрыла руками шею, отворачиваясь ото всех.

— Ладно, пойду порасспрашиваю чернавок, может, выведаю чего, — спохватилась Воица, верно понимая, что невесту лучше не беспокоить сейчас и одну оставить.

А вот Руяна не собиралась уходить, и когда Воица исчезла, под села ближе к Росье, сочувственно погладила ту по дрожащей руке.

— Расскажи, что случилось? — попросила она осторожно, и тут-то Росья не выдержала, всхлипнула, и слёзы сами собой полились по щекам.

Давно она не проливали их, какие бы беды ни настигали, а никогда горе и отчаяние так её не захватывали. А тут как прорвало. Руяна только смотрела на неё, терпеливо и угрюмо сжав губы, ждала, когда девушка успокоится.

— Не хочу я идти за Волота, — сухо выдавила Росья из себя. — Не хочу!

— Тише, — шикнула на неё чернавка, оглядываясь на дверь. — Молчи о том, не по сердцу мне эта Воица. Держи язык за зубами.

Росья прислушалась к звукам, но за дверью всё было тихо. Она могла бы и обозлиться на Воицу за то, что та покинула её, оставив с Волотом одну, да только разве имеет право простая женщина перечить княжичу? Скажи она, что против, так тот и выставит её вон. В этом Росья не усомнилась, её же погнал от себя.

Вытерев с лица слёзы, девушка полезла в складки постели, нащупав свёрток, выудила его и, больше не размышляя, поднялась. Как бы ни дорога была записка от Дарко, словно частичку души отрывает, но ради безопасности своей и княжича лучше сжечь. Сухая береста быстро воспламенилась от лучины. Уронив записку в железную чашу, Росья молча наблюдала, как истлевает весточка Дарко. Только вчера виделись, а вся она уже изнывала от охватившей её тоски. Девушка глубоко вдохнула, отрывая взгляд от пламени. Не время раскисать, она должна справиться, дожидаться его.

Руяна молча наблюдала за хозяйкой, но потом пошевелилась.

— Да, не думала, что вот так всё обернётся, когда покидала деревню... Сидим тут, как в темнице, даже на торжок знать не попаду.

— Волот разозлился на меня от чего-то, а потом пригрозил, чтобы поговорчивей была, прогнал, — призналась Росья, но уже спокойнее — отхлынуло отчаяние, позволяя думать ясно.

— Воица говорит, что он не был таким, — поникла девица. — Хотя доверять ей тоже не следует. Про какого-то хозяина наплела, о котором и сама толком ничего не знает, — Руяна замолкла, побледнела. — А может... Может, это Волот её, Граду? Пусть грех мне будет на душу, но не верю я во всякие небылицы. Как же может такое случиться, что уснула девушка и не проснулась? Уж поди не старуха, чтобы вот так ни с того ни с сего.

Росья пронизала её укоряющим взглядом.

— Лучше помалкивай. Если не знаешь, то и не выдумывай, — нахмурилась она.

Хотя домыслы Руяны к сердцу прокрались, поселяя зерно сомнения.

«Нет, — мотнула головой Росья. — Если бы это было правдой, Дарко бы не утаивал».

Он бы предупредил. И в видениях своих видала, что недужит княжич, и в лесу случилось что-то странное. Всё сходится. Но говорить о том больше не хотелось, как и помышлять, голова и так была тяжёлой. Весь оставшийся день прошёл в спокойствии. А к вечеру вернулась Воица. Девушки встретили её настороженными взглядами. Росья и не знала теперь, как к ней относиться, но лучше верно последовать совету Дарко. Что бы на уме у вдовицы ни было, а положиться больше не на кого.

К ночи девушки разлеглись по своим местам, разговаривали мало, да и не о чем было, всё присматривались друг к другу. Руяна явно показывала гостью своё отчуждение, но той и безразлично было её внимание.

Росья, укутанная теплом, слушая треск лучин, рассматривала балки потолка, озаряемые тусклым светом, всё думала о Дарко. Верно уже теперь далеко уехал от стен города. Когда закрапал дождь по стенам, стало и вовсе не по себе. Хотелось к нему, но грезить о том — только терзать себя напрасно, нужно готовиться к тому, что ждёт уже через несколько дней, которые теперь пролетят, как ветер, и не заметишь. Как станет она делить с Волотом постель? При мысли об этом загоралась стыдом, но не избегнуть теперь, и случится то, что должно случиться между мужем и женой.

Росья поёжилась, откидывая прочь от себя скверные мысли, что вынуждали выворачиваться наизнанку. Измучившись неведением, ум всё же устал вести бесконечный спор. Сон сморил, девушка провалилась в черноту.

Сначала ей ничего не снилось, но потом Росья поняла, что очутилась в том самом месте, где и в прошлый раз — на берегу реки. Ступая босиком по молодой сочной траве, она прошла к воде. Тревога завладела ей слишком поздно, краем девушка глаза заметила, что к ней кто-то приближается. Сердце дёрнулось и бешено застучало. Росья задеревенела, не в силах повернуться, осознавая, что это всего лишь сон, и возжелала немедленно проснуться, но не получилось.

— Не бойся меня, — послышался рядом чужой голос, тот самый, что и в том, предыдущем сне. Росья спиной чувствовала незнакомца.

— Я не хотел тебя пугать. Но теперь ты рядом, и всё будет по-другому.

Страх исчез, оставив только недоумение. Ничего не понимая, Росья медленно повернулась, чтобы посмотреть на того, кто с ней разговаривает. Это был он, тот мужчина с бельмами на глазах, что так напугал её, только в этот раз глаза его были ясны и имели золотисто-карий отлив, совсем как у Волота. Росья вдруг обнаружила, что тот и впрямь похож на княжича.

— Я просто хочу, чтобы ты была моей. Не уходи от меня далеко, и всё будет хорошо, никто тебя не обидит.

— А если уйду?

Бледное лицо незнакомца вытянулось, золото в глазах потемнело. Росья заметила, как разом померкло кругом, на небо стремительно набежала хмарь, а трава под ногами была уже не мягкой, ласкающей стопы, а сухой и колючей. Не успела Росья опомниться, как в плечи ей впились жёсткие пальцы, прожигая кожу. Мужчина заставил посмотреть на себя. Глаза его вновь затянулись пеленой.

— Не сможешь, — процедил он сквозь зубы.

Росья вздрогнула и проснулась. Сердце бешено трепыхалось в груди, а руки и ноги кололо иглами. Лежала в светлице, на своей постели. В полной тишине она привстала, оглядываясь по сторонам. Руяны на месте не было, постель её была не заправлена, верно пошла на двор девка. Воица тоже уже поднялась и сидела за столом с ровной спиной, плетя волосы в косы, что в утреннем свете отливали тягучим медным блеском. Она обернулась, чуть улыбнулась.

— Доброе утро.

Снова сделалось не по себе от красоты вдовицы. Всё же было на что заглядываться мужам. А уж поутру так и вовсе лицо светилось белизной, а припухшие ото сна глаза только добавляли ей очарования. После резкого пробуждения сон быстро схлынул, оставляя только неприятный осадок.

Росья нехотя откинула одеяло и села в постели. Дождь уже не стучал по крыше, да и на улице было светло, доносилось пение петухов и голоса девок со двора, спорили о чём-то, верно решали, кто пойдёт на реку рубахи полоскать. В такую сырость даже и она поленилась бы плестись в грязь. Росья поняла, как отвыкла от хозяйских дел. Будь она дома, не дрыхла бы так долго, а вставала бы до восхода. Однако возгласы не переставали звучать, а когда Росья натянула на себя платье, за дверью послышался топот.

Руяна возникла в дверях поблекшая и взволнованная. Невольно дрогнуло всё нутро от вида её, даже Воица замерла в изумлении.

— Ну, говори, — не выдержала вдовица, откладывая гребень. — Лицо такое, будто за тобой орда татей гналась.

Переведя дыхание, чернавка упёрла взгляд в Росью, проговорила:

— Князь Мстислав... Умер.

Показалось на миг, что Росья оглохла, и неверие замерло ледяным комом в горле. Воица же медленно поднялась со своего места.

— Ты чего несёшь? Кто тебе сказал такую чушь?!

— Весь двор о том говорит, — Руяна пропустила мимо ушей грубый тон вдовицы.

Росья сглотнула, наблюдая, как Воица прошла к двери и, не сказав ни слова, вышла.

Не успела Росья и рта раскрыть, как в светёлку, в распахнутую настежь дверь влетел Мирята. Уж его-то девушка не ожидала увидеть. Она вскочила с постели.

— Мирята, правда ли?

Тот поджал губы, понимая сразу, о чём спрашивает Росья, кивнул.

— Так что же случилось? От чего? — накинулась на него чернавка.

— Никто не сказывал, — пожал он плечами. — Говорят, что не проснулся. Но я пришёл по поручению Волота Мстиславовича. Он послал меня к тебе срочно, хозяйка. Просил передать это... — парень, достав что-то из складок одежды, протянул Росье. Оказалось обручье. Она в недоумении подняла на него взор.

— Зачем?

— Не знаю. Велел, чтобы ты немедленно одела.

Росья облизала ставшие вдруг сухими губы, приняла драгоценный подарок, который лёг в ладонь тяжёлым грузом. Она уже уяснила себе, что княжича лучше не злить.

Мирята виновато отвёл взор.

— А как же Дарко... — Росья осеклась. — ...Дарко Мстиславович.

— За ним уже княгиня послала. Скоро знать тут будет.

ГЛАВА 12. Желанная ночь

Дарко наблюдал, как вспыхивает на горизонте за глыбами туч золотисто-бурый свет. Восход только занимался, обливая холмы ещё тусклым, возрождающимся к жизни светом. Ночь была зябкой, поэтому воины кутались в меха и гнали лошадей среди редких пролесков, прячась от порывистого ледяного ветра. И только слышно было, как шумят, словно бушующее море, кроны, как скрипят деревья, будто надломившиеся ладьи. Это не в стенах города, в открытом поле для оказавшихся на дороге в ненастье идёт вечная битва со стихией за тепло, за сухость. Последние дни осени были жёсткими, как морозная вода, холод проникал к телу через толстые кожухи, остервенело кусая, что голодный волк, за открытые руки и лица.

Только к обеду тепло немного разгулялось по полю, и ветер уже не так свирепо бушевал, поднимая сухую траву в небо, взбивая гривы коней. Путники решили сделать привал прямо на открытом месте, разведя сноровисто кострища, что буйно полыхали под резкими промозглыми порывами ветра. От земли ещё тянуло сыростью, потому мужчины расстелили плащи и кожухи, дабы разделить сварганенную на кострах трапезу. Ели, неспешно переговариваясь меж собой, откинувшись на расстеленные подстилки, отдыхали.

Полад всё утро не решался вступать в разговор с помрачневшим чернее туч другом. Да и что говорить? Всё что случилось, было таким нелепым. Драка с Волотом вызвала в Дарко бешеную злость. Разбитые кулаки болели, нагнетали ещё большего буйства. Но как бы ни метались внутри чувства, разрывая княжича на части, а принять неизбежное придётся. Волот и так все соки выпил из него, оставив ни с чем, к чему теперь сокрушаться.

Волянин всё же решился разбавить напряжённую тишину. Оставив Вавила, подсел ближе к костру, на плащи, где Дарко сидел в одиночестве, неподвижно, что каменная глыба.

— Охолонись, хватит уже лютовать.

Княжич свирепо глянул на друга. Полад с холодной твёрдостью встретил его взгляд, потом мельком обернулся на своих людей, убеждаясь, что их никто не подслушивает.

— Я хорошо тебя понимаю. Но подумай лучше, — продолжил он, подкидывая в костёр веток и сухой травы. — Волот тебе родной брат, ну вспылел, болтнул малость, накопело, да и Венцеслав его натаскал так, что он ничего не видит. Может, помириться ещё.

Дарко побледнел и, пребывая и без того в скверном расположении духа, вовсе изменился в лице.

— Нет. Он поступил по-скотски, вконец борзость свою выпустил, и пора бы поставить его на место.

— И как ты собираешься это сделать? — спросил Полад, будто и ждал мига, когда сможет задать именно этот вопрос, что верно мучал его всю ночь и утро.

Дарко поёжился, передёргивая плечами. К Волоту, конечно так просто не подберёшься, тем более у него есть надёжный тын — отец. Но плевать, до весны он должен вернуться в Дольну и забрать своё. После похода поедет к князю Избору в Волинь, там и оседет, а к теплу придет за Росьей. Только вот тошно делалось от одного представления о том, чего придётся ей до того времени натерпеться.

— Может, всё же вернуться и поговорить с Волотом?

— Не получится, — бросил Дарко, откидываясь на шкуры, глядя в клубы серых туч, что ворочались в небе, тесня друг друга.

Точно так же было у Дарко на душе — тесно и хмуро. Полад больше не тревожил его, сидел погрузившись в молчание.

Княжич сомкнул веки, бессонная ночь дала о себе знать. Слушая шум ветра и обрывистые разговор воинов, которые изредка уносил ветер куда-то в сторону, он провалился в дремоту. Но неожиданно сквозь полусон пробились другие звуки, ощущаемые телом от земли. Дарко вскочил на ноги, тревожно вглядываясь вдаль. И в самом деле, на отряд неслись со стороны городища всадники. Воины вмиг подобрались с земли, тоже начали вглядываться, хмурясь.

— Свои, — сказал кто-то из них.

— Никак случилось что?

Внутри Дарко кровь оледенела, когда он узнал среди всадников Венцеслава. Княжич сжал кулаки, лицо его побледнело. Какого беса этому ещё тут надо?

Спешившись, поборщик стремительно приблизился к отряду.

— Ты посмотри, успел нагнать, — встал рядом Полад, скрестив руки на груди. — Неужели Волот одумался?

Дарко хмуро глянул на него.

Венцеслав остановился в двух шагах. Скотина всем своим видом показывал свою безразличность.

— Меня послал Волот, — произнёс он, шурясь от ветра.

Дарко непроизвольно качнулся, сдерживаясь от грубого высказывания. Поборщик от чего-то медлил, оглядывая княжича.

— Князь Мстислав...

Он не договорил, но внутри уже продрало льдом.

— Что?

— Умер.

Воины, что стояли за спинами, окружив их, переглянулись. Дарко же помертвел, не веря в то, что только что услышал, в груди камнем забилося сердце.

— Лжешь, паскуда! — шагнул он к поборщику, схватив того за грудки. — Зачем?! — прорычал он, встряхивая худощавое тело Венцеслава.

Тот попытался смахнуть руки Дарко, но ничего не вышло.

— Дарко, — потянул Полад друга в сторону, отрывая от Венцеслава.

Люди поборщика тоже спохватились, но вмешиваться поостереглись, к княжескому сыну идти на рожон побоялись.

— Зачем лжешь, тварь?!

— Это правда, — прошипел Венцеслав. — Княгиня нынче с утра прибежала к Волоту, известив об этом, она и просила вернуть тебя. Мстислав не проснулся поутру.

Последние слова хлестнули, что плетью по сердцу. Дарко ослабил хватку, отпихнул Венцеслава сам. Тот, взъерошившись, бросил остервенелый взгляд. Пошёл к оставленной лошади, взобрался в седло.

— Зря я вызвался помочь! — крикнул он с безопасного расстояния и с яростью пнул лошадь пятками, разворачивая и пуская её вниз по склону в обратный путь, следом едва поспедали его прихвостни.

Побратимы стояли молча, с хмурыми лицами, верно никто не ждал такой лихой вести. Дарко, дыша глубоко, всё пытался осмыслить сказанное Венцеславом. Как такое может быть? Отец был ещё крепок, как железо. Ладонь Полада легла на плечо княжича, оглушительный порыв ветра разбросал волосы по лицу Дарко, рванул полы плаща Валуя, что стоял поодаль.

— Нужно возвращаться, — нарушил первым тишину волянянин.

Дарко сжал зубы.

«Вернуться», — отдалось эхом в ставшей вдруг пустой голове.

Вернуться — это значит быть снова на побегушках у Волота, это значит выполнять его прихоти, из кожи вон лезть, чтобы не расстраивать мать и точно так же подчиняться её велению.

— Я не поеду обратно, — ответил, наконец, княжич, переводя застрявшее в груди дыхание.

Побратимы вскинули взгляды, в недоумении смотрели на младшего сына князя.

— Не дури, Дарко, — стиснул его плечо Полад.

— Я скажал, не вернусь, — смахнул он руку друга и широким шагом пошёл прочь от остальных. Но куда там, одного волянян его явно не хотел оставлять, настиг быстро.

— Послушай! — окликнул он. — Да постой же!

Рванул, вынуждая остановиться.

— Я бы, наверное, на твоём месте поступил так же, но, поверь, потом ты будешь себя винить за горячность и глупость, которую совершил, не проводив в последний путь своего отца. Я знаю, о чём говорю, — вьелся он в друга взглядом, замолк, дыша часто и глубоко. Лицо его стало белым, лёг на него след глубокой горечи.

Дарко припомнил, что отец Полада погиб пару вёсен назад, погиб вдали от дома.

— А ещё ты должен вернуться и помочь Росье, если она так тебе дорога. Сам подумай, сколько воды утечёт, когда вернёшься за ней. Навряд ли ты увидишь ту Росью, которую знал.

Дарко вытянулся, слышать об этом не было никаких сил.

— Я не смогу ничего сделать.

— Сможешь, если попытаешься миром поговорить с Волотом. Без отца и тебя ему туго будет. Не руби с плеча. Если ты сейчас не вернёшься, то потеряешь всё. Венцеслав, будь уверен, преподнесёт это в нужном ему свете.

Дарко долго смотрел на Полада, а в грудь что молотом били, раздавливая его, раздалбливая на части.

— Подумай, — побратим выпустил княжича. — Я вернусь с тобой, если ты позволишь.

После некоторого молчания, он развернулся и пошёл прочь. Дарко мрачно проводил его взглядом. Если бы был обрыв, то сиганул бы с него в ледяную воду, но кругом темнела равнинная даль. Он рванул из ножен меч, со всей дури стал сечь воздух, выпуская весь свой гнев и разлившуюся по телу свинцом боль, что рвала его на куски.

«Всё прахом. Всё. Что же за гадство!»

Выдохшись, Дарко воткнул остриё меча в землю. Так и стоял, не выпуская рукояти из ладони, пока клекотавшее в горле дыхание постепенно не выровнялось, а слепота гнева не спала с глаз. Бушевала горячим сплавом по телу кровь. Как бы он ни бился, а побратим прав, нужно возвращаться.

Вложив оружие в ножны, Дарко вернулся к становищу. Собрав с земли подстилки и затушив костры, дружина вновь водрузилась в сёдла, поворачивая коней обратно в городище. Возвратились только к ночи. Посад встретил путников шумом. Здесь даже поздним вечером кипела жизнь, и слух о том, что Мстислав нынче умер, ещё не тронул умы и языки люда, потому проехали они без всяких задержек. За воротами отряд встретила княгиня. В свете множества огней, что были зажжены по всему двору, лицо матери белело мелом, глаза, припухшие от слёз, преисполнились тоской и горем. Дарко покорило, когда мать приблизилась к нему, плотно сжала подрагивающие белые губы.

— Вернулся, — шепнула она.

— Что с ним произошло? — хотя спрашивать не было смысла, он и так понял причину смерти отца.

Он глянул в сторону терема, где за толстыми каменными стенами сидел в горнице по вечерам князь со своими ближниками, а теперь уже не выйдет к нему навстречу. Горечь сжала горло.

— Это ты виноват, — просипела княгиня.

Дарко даже опешил, сверху тяжело глянув на мать. Полад, собрав свои вещи и отдав конюхам лошадь, отправился к хороминам, смерив Дарко хмурым взглядом, видно слышал всё.

— И в чём же моя вина? — снова посмотрел Дарко на мать, которая в последнее время во всём его винула.

— В том, что ты слишком долго вёз невесту. Если бы поторопился, могли бы успеть и раньше всё устроить, а теперь он забрал жизнь близкого человека, — голос её дрогнул, оборвался, подступающий ком задушил княгиню, а потускневшие глаза замутились слезами. Княжич сжал зубы. Усталость дня, скверная весть и всё то, что случилось с ним за последнюю седмицу вконец сломили.

— Где Волот? — спросил он бесцветно.

— Лучше не приближайся к нему. Не трогай, не смей.

— Ты что, меня теперь за врага считаешь? Зачем тогда посылала за мной? Чтобы я слушал твои обвинения, для этого ты меня звала? — Дарко колотило изнутри, не выпускал княгиню из-под своего давящего взгляда, требуя ответа.

Та вздрогнула и сделала такое лицо, будто её ударили. Больше не в силах терпеть её истерики, княжич махнул Миряте, который топтался возле дружинников, не решаясь приближаться. Тот сорвался с места. Отдав отроку вещи, Дарко, больше не взглянув на мать, пошёл к терему. Никак не мог понять, чего она добивается. То зовёт, то наказывает своей отчуждённостью. И выходит, сын не сын, а неизвестно кто для неё. Но с другой стороны, можно было её понять. Все силы свои отдала Волоту, борясь за его положение. А с ним, со своим младшим сыном, как с вырождаком вымещает всю свою злость. В горнице стояла такая тишина, что пробежался по плечам холод, челядинцы, что сновали по всяким поручениям, ходили как в воду опущенные. Дарко прошёл вглубь.

В горнице в полном одиночестве сидел Волот. Черные тени исчертили его лицо до неузнаваемости. Брат с каждым днём менялся, становился тенью. Казалось, что и не дышит вовсе, но завидев вышедшего на свет Дарко, пошевелился, поднимая на него тяжёлый взор.

— Где он? — спросил Дарко с порога.

— Отнесли в храм. Мирогост обряд проводит со жрецами завтра поутру...

— Я не понимаю... — Дарко запнулся — перед братом снова стояла крынка с брагой.

Браниться из-за питья у него не было сил, а спросил о главном, что его всю дорогу тревожило:

— Это он сделал?

Волот застыл, плотно сжал губы, но, пересилив своё упрямство, ответил:

— Я не знаю, наверное.

— А Мирогост что говорит?

— Ничего.

— Не понимаю, почему отец? Зачем Хозяину понадобился он?

— Он требует её, — прошипел Волот, налил себе ещё питья.

— Я и так слишком долго терпел, — прозвучал чужим голосом брат.

Всё это походило на кошмарный сон. Дарко качнулся, осознавая, что всё ещё стоит в паре шагов от брата. Боль потери затаилась где-то внутри, скрываясь под тонким слоем наледи, что заковала на время все его чувства. Княжичу вовсе не нравилось, что она засела в нём слишком глубоко, готовая в любой миг вырваться наружу. Впрочем, на сегодня с него хватит. Он развернулся и, оставив Волота сидеть одного в горнице, отправился к себе наверх. В холодные толстые стены. Хотелось спать.

По пути Дарко чуть задержался, глянув невольно в прорубленное окно, выходившее прямоком на задний двор. Отсюда хорошо виднелся яблоневый сад, который уже поглотила ночь, но среди ветвей пробивались огоньки зажжённых лучин в окнах женского терема, рождая в нём другие чувства. Хотелось увидеть Росью. Безумно хотелось. До такой степени, что всё тело заломило. Была бы его воля, он бы забрал её в охапку, принёс сюда, зацеловал бы всю, утонув в зелено-серых глазах, рассыпал бы по постели волны русых с серебряным отливом волос. От подобных помыслов его пробил озноб. Это было невозможным, и лучше отказаться от подобных мыслей. Достаточно, что она просто есть. Рядом. От этого светлело на душе. Скинув с себя тяжёлую и влажную одежду, Дарко плеснул в лицо ледяной воды. Миряте, что бесшумно хлопотал в покоях, стараясь не мешать хозяину, вскоре сам прилёг на лавку к дальней стене. Он и поведал о том, что произошло тут за время его отсутствия. Рассказал и об обручье, которое Волот успел вручить невесте. Или не успел, тут уж как поглядеть. Лютует дух в нём, лютует и требует жертвы. Как бы ни смаривал сон, а спать не было времени, нужно было подготовиться к завтрашнему ритуалу. Да и народу будет столько, что тут уж не до себя. Но как бы он ни ждал, что в дверь постучат, его так никто и не побеспокоил, потому Дарко не заметил, как провалился в сон.

Разбудил его Мирята поутру, принеся известие о том, что пора идти к святилищу. Второй раз за год он идёт туда не для того, чтобы отблагодарить дарами богов за помощь и достаток, а напротив, предать огню самое ценное, оторвать от сердца частичку себя, своей души, оставляя в ней только дыры.

Народу собралось целая туча, шумел он, что раскаты грома на небе. Люди недоумевали, что случилось с их князем-вождём, что держал город уж много зим. Дарко всё время, что жрецы возносили молитвы богам, пребывал словно в как-то ином мире, мысли, что кисель, перетекали из пустого в порожнее. Мать и Волот, которые стояли поодаль, были как тени. Княгиня сейчас походила на столб божества, прямая, с плотно сжатыми побуревшими губами, смотрела прямо и гордо на то, как возжётся костёр и пламя с жадностью поглотило помост, где лежал князь. Волот стоял с опущенной головой, верно чувствуя за собой вину, но его вины было здесь мало. В конце концов, он бы жертвой Хозяина и не виноват, что гнев того пал именно на Мстислава. Перед глазами Дарко всплыло в памяти погребение жены Волота. Граду провожали совсем по-иному, и то благодаря упорству целительницы Хайды — пустили молодую невесту по реке. Дарко вздрогнул, когда на его плечо легла чья-то тяжёлая ладонь. Он чуть обернулся. Совсем забыл, что волынянин стоит рядом. Надо отдать ему должное, не бросил в беде.

Справили тризну прямо на берегу. Нынче было много людю, и много костров разбросано вдоль холмов. Ближе к ночи всё чаще на угрюмых лицах появлялись улыбки, а глаза загорались каким-то глухим всполохом живого огня. Воины устроили ристалище, вскоре затянулся настоящий пир с проводами и почестями, как подобает. Весь вечер Дарко избегал мать и Волота, старался обходить их стороной, не хотелось затевать ссору с братом, на которую тот был способен в любой миг. А тем более, когда эти его прихвостни с самого утра уж возле княжича околачиваются. Венцеслав, будто вторя мыслям Дарко, обернулся, скривился в неприязни, верно всё ещё держал обиду.

— А быстро он тебя в свои враги причислил, — сказал вдруг Полад.

— Понял, что со мной не получится договориться, вот и обозлился.

Дарко, отпив кислой браги, почувствовал, как на его плечи и спину навалилась ледяными глыбами усталость.

— Выходит, венчание откладывается? — Полад тоже прильнул к чарке.

Как бы Дарко этого хотелось... Но уход отца только ещё больше подстегнёт Волота. Вчера он убедился, что брат с каждым мигом теряет власть над собой, и непонятно было, кто в нём говорит — сам он или дух, что сидит в нём. Верно Дарко давно его потерял, а даже не заметил. И как позволить этому чудовищу забрать Росью? Уму непостижимо.

Дарко почувствовал, как вновь грудь сжимают тиски отчаяния. Как изловить его? Как вытащить из брата? Тот, верно, за многие годы уже сросся с ним, и как бы с мясом не пришлось выдирать. Злость от бессилия затмила ум. Дарко глянул в толпу, выискивая взглядом Мирогоста. Волхв до сих пор ничего не придумал, хотя обещал, что изловит гада.

Сжав кулаки, Дарко поднялся с земли. Полад не стал его останавливать, и княжич быстро покинул берег, вернулся в детинец.

Подниматься в пустые стены хоромин не было никакой мочи. Так и умереть можно с тоски одному. Да и голова от выпитого шумела и болела нещадно. Нужно развеяться. Он повернул к лестнице, что вела на вежу. Но замер как вкопанный, услышав от раскрытых ворот ласкающий до дрожи слух голос Росьи.

Ему следовало бы уйти прочь, заткнуть уши, а не поворачивать в сторону сада, но ноги несли его уже по направлению к женскому двору.

Дарко, выйдя за ворота, неспешно прошёл под пологом сплетённых яблоневых ветвей. Голос больше не звучал. Может, показалось? Ослышался? Но нет, снова тот полился, как ручеёк, тихо и легонько. Дарко невольно улыбнулся, приближаясь к источнику, словно лесной кот, тихо и мягко. И вскоре из-за деревьев забрезжили огни, в свете которых показались тёмные силуэты — это сидели на лавке девицы. Княжич замешкался. Пугать он их не хотел, но и подслушивать разговор — тоже. Говорили они о чём-то с тревогой. Дарко не вслушивался, рассматривая хрупкие плечи Росьи, завёрнутые в суконную накидку от холода. А ночи теперь были леденистые. И остро княжич захотел согреть Росью, сжать в руках и не отпускать.

Чернавка неожиданно поднялась, и Дарко шагнул в густую тень, оставаясь незамеченным.

Зашуршала листва, и когда он выглянул вновь, лавка уже пустовала. Он сделал глубокий вдох и выдох, находя в себе силы, чтобы смириться и уйти. Но сделал совершенно другое. Выйдя на

свет пламенников, осмотрелся. Стояла тишина, пустой двор, погружённый в полумрак, не выпускал никого. Вся челядь была там, на берегу, варганя снедь, для собравшихся. Дарко нагнал девушек на лестнице.

Росья, шедшая позади Руяны, первая услышала приближающиеся шаги, обернулась. Так и застыла, сжимая перекладину пальцами.

— Дарко... — выдохнула она чуть слышно, но чернавка услышала тоже, остановилась.

Росья обернулась на неё, и та всё поняла без слов, скрылась за дверью, оставляя их одних.

— Пройдёмся, — предложил он, ощущая внутреннюю дрожь, и с чего бы?

Росья спустилась, и тут уже Дарко, потеряв ум, стиснул девушку в объятиях, целуя лицо, вдыхая запах, который расшатывал последние остатки самообладания. Он накрыл её губы своими, согревая их, целуя с жадностью и каким-то отчаянием, не позволяя больше ни дышать, ни говорить.

— Я хочу остаться с тобой, — прошептала Росья, когда Дарко оторвался от её губ.

Через туман, что заполнил его голову, он попытался понять, о чём она говорит.

— Прямо сейчас... с тобой, — повторила она.

И только тут до его помутнённого разума достучались слова и понимание того, о чём она его просит. Дарко погладил её плечи, стиснул лопатки, сжимая девицу в руках, как расписную дорогую чашу. Она теснее прижалась к нему, глядя снизу в глаза.

— В тереме никого нет...

Дарко уже её не слышал, вновь прильнув к её губам. Росья задышала горячо, потянула за собой обратно на лестницу. Руяна встретила их на пороге. Посмотрела на Росью с каким-то одобрением. В светлице было натоплено и тепло, после улицы — благодать. Дарко только успел скинуть кожух, как заметил, что чернавки уже след простыл. Росья тоже скинула накидку, а за ней и полушубок. Приблизившись к девушке со спины, Дарко поймал её за запястье, подставляя к свету поблёскивающее серебром обручье. Захотелось немедленно сдёрнуть его и выбросить к лешей матери. Росья, заметив его напряжение, повернулась, оказавшись заключённой в его объятиях. И не было ничего слаще её близости, её горячих губ, хотелось вдыхать запах волос и купаться в её чистоте, как в роднике. Дарко огладил спину девушки, ощущая через платье и сорочку её плавные изгибы спины, узкую талию, накрыл ладонями небольшую грудь. Росья перевела дыхание, затаилась, но отстраняться не стала, позволив Дарко касаться её откровенно и бесстыдно, только ещё теснее прижалась к нему, и горячая волна прокатилась по всему его телу, вынуждая трепетать, словно он был ещё не познавшим женского тела юнцом. И как бы не сделать ей больно, не быть слишком грубым, в руках не раздавить.

Росья, дрожа, потянула его к лежанке. Видя в глазах девушки решительность, он погладил её по щеке.

— Впервые... это может быть не столь приятно...

Но по губам Росьи скользнула едва уловимая дрожь, затаился в уголках трепет.

«Касался ли её Волот? Мирята сказал, что он звал её к себе», — кольнула шипом ревность.

— С тем, к кому тянется так душа, не может быть плохо, — она потянула его ворот, растягивая на широкой груди петли кафтана.

Ещё прохладные пальцы обожгли кожу, прикосновения вызвали бурный приток крови. Дарко сдёрнул кафтан, скидывая на пол, следом и исподнюю рубаху. Росья смотрела чуть смущённо, а белых щёк коснулся румянец.

Подхватив девушку, Дарко бережно опустил её на лавку, неспешно развязав тесьму на вороте, стянул платье, а следом и белую, длинную, до икр, рубаху. Золотистый тягучий свет любовно обливал её стройное, красивое и упругое тело, и это зрелище напрочь вышибло все мысли из его головы. Росья, ощущая неловкость, заёрзала под его взглядом. Как бы ни осмелела, а внутреннее волнение всё же плескалось на донышке её зелёных глаз. Она ждала его. А он всем существом тянулся к ней. Но теперь его ничто не вытолкнет отсюда, никто не посмеет вырвать из его объятий Росью.

— Не отдам. Никому, — прохрипел он, покрывая её шею и грудь поцелуями, оглаживая живот и бёдра.

Росья прикрыла ресницы, наслаждаясь его прикосновениями. Она обвила его шею руками, призывая поторопиться. Дарко, вобрав губами затверделый маленький сосок, обхватил её талию. Ладони Росьи в ответ прошлись вдоль спины, потянули с бёдер штаны. Княжич

освободился от них, и некоторое время они лежали, сплетаясь телами, дыша глубоко и часто. Дарко наблюдал, как в зелёных глазах мерцают золотистые искры, разжигая в нём огонь дикого, необузданного желания. Всё тело горело, налилось свинцом. И вот уже последняя грань обрушилась.

— Ты готова? — коснулся он легко и воздушно её раскрасневшихся горячих губ.

Росья, стараясь спрятать волнение, кивнула, пододвинулась плотнее, но вместе с тем её пальцы на его плечах чуть дрогнули.

Больше не имея над собой никакого терпения, Дарко рванулся, туго входя в неё, одновременно ощущая, как судорожно вдавились её пальцы в плечи, оставляя отпечатки ногтей. Но сама она не издавала ни звука. Слыша бешеный стук сердца и сбившееся дыхание Росьи, он покрыл её лицо поцелуями.

— Сейчас пройдёт, — прошептал он, успокаивая, обхватив её затылок, но Росья только уткнулась в плечо, и Дарко все бы отдал, чтобы как-то облегчить первую боль девушки. Испытывая бешенный приток сил, медленно, осторожно и размеренно стал двигаться в ней. Постепенно Росья расслабилась и уже сама поддавалась его напору, впуская глубже, толкая в бездну удовольствия, что дрожью растекалось по всему телу, вынуждая дыхание обрываться. Как сильно он хотел этого с того мига, как увидел её. Ещё тогда, в лесу, невидимые нити сплелись, и Дарко даже не мог предположить, что завяжутся они в такие крепкие узлы. Движения стали резче, а прикосновения обжигали до боли, испепеляли остатки благоразумия и душу. Захлёбываясь от накатившей на него волны истомы, он обхватил Росью за плечи, впиваясь поцелуем в её губы, дыша с ней одним дыханием. Девушка отвечала с таким же пылом, с каким она позволила ему взять её. Поддавалась ему, требуя не останавливаться, принимала его уже полнее, стремясь стать единым целым. И он отвечал этому стремлению, опираясь о лежанку, врезался ещё быстрее, что доски под мощью и напором его тела закричали. Тела вмиг покрылись испариной, заблестела ложбинка между грудей Росьи, её лицо отразило наслаждение. Дарко пронизал пальцами её разметавшиеся по постели длинные волосы, что успели выбиться из косы, до упора толкнулся в неё, погружаясь целиком. Она выдохнула через губы, крепче оплетая его ногами. Он мог дать ей ещё больше, чем это, намного больше — своё сердце и душу отдал бы. Росья хватанула воздуха, откидываясь на постель, Дарко, подхватив её за бедра, медленно и плавно заскользил, горячая руда всплеснула в венах, вышибая его из собственного тела, растворяя где-то на грани миров. Сминая её бедра, он совсем остановился и замер.

— Росья... — прошептал Дарко, принося губами к её взмокшему виску, шее, собирая проступившую влагу, как росу, вдыхая её запах, словно аромат полевых цветов.

Росья тяжело дышала, ероша его волосы пальцами.

А после пришло запоздалое осознание случившегося. Дарко сжал зубы, чувствуя, как острые осколки злости безжалостно вонзаются в самую душу один за другим.

«Как после всего её можно отдать Волоту? Немыслимо».

Росья, ощутив его напряжение, заглянула в глаза, глядя его по скулам, щекам.

— Не отдам, — проговорил он с хрипом.

Она улыбнулась, ещё оставаясь разгорячённой, улыбнулась яркими от поцелуев губами. Такая чистая это была, открытая, как у ребёнка, и красивая, как у богини, улыбка, от которой пронизывало всё тело дрожью, и он весь в её плену плавился, как свинец под лучами солнца. Дарко уловил, что в её взгляде таилось теперь что-то большее, чем было до близости, но понять не мог, что именно.

— Я уже твоя, — проговорила она чуть слышно.

Дарко серьёзно глянул на неё, ясно осознавая, что с братом её делить не намерен.

— Моя, — сказал он, поцеловав её пальцы, принося губами к сухим и таким сладким губам, будто с жажды испивал воды, такие они были желанные.

Вся она была ему необходима, чтобы вот так касаться её везде, вдыхать запах. Внизу живота вновь разлилась истома, но лучше подождать, пока она не привыкнет к новым ощущениям, к нему.

— Как случилось так, что он завладел Волотом? — выдернул из потока неги вопрос Росьи.

Дарко вскинул на неё взгляд.

— Кто тебе сказал?

Росья повела плечами, чувствуя неловкость.

— Воица.

Княжич долго посмотрел в её румянившееся лицо, вконец возвращаясь к яви, которая была слишком недружелюбной и холодной. О вдовице он и думать забыл. Однако не мог предположить, что та расскажет об этой тайне невесте. Его Росье.

Девушка коснулась виска Дарко там, где подсохли ссадины от ударов Волота.

— Может, я смогу помочь, — вдруг сказала она, ещё больше вгоняя в гнев.

— Нет, — твёрдо ответил Дарко и, отстраняясь, сел. — И думать не смей. Я найду способ, как вывести тебя из города.

— Князь Мстислав из-за этого... умер, из-за него?

При упоминании об отце боль вернулась сторицей и ударила в грудь мощным молотом, поднимая со дна всю горечь. Дарко опустил ноги на пол, намереваясь подняться, но Росья опередила его, вжалась в спину, обхватывая.

— Прости, — ладони её скользнули по груди, не давая сдвинуться с места, и вся она приникла к его спине, прижимаясь расплётной щекой к плечу княжича.

— Это я должен у тебя просить прощения, — повернулся он.

Однако долго наслаждаться друг другом им не дали. Послышалась возня за дверью. Росья вздрогнула, и Дарко, быстро укрыв её покрывалом, поднялся сам. Подбирая с пола разбросанную одежду, под смущённым и беспокойным взглядом девушки он споро оделся, подпоясавшись в тот миг, когда раздался скрежет в дверь, и та раскрылась, только так никто и не вошёл.

— Ну, входи же, — позвал чернавку Дарко.

В дверях и впрямь появилась Руяна, но следом в светлицу скользнула и Воица. Увидев княжича рядом с Росьей, застыла, побелела, что снежная баба, а потом глаза её вспыхнули и обожгли злостью Росью, затем холодно прошли по Дарко, когда тот взял кожу.

— Не ожидала тебя здесь увидеть, — голос Воицы прозвучал со скрежетом.

— А ты что здесь делаешь? — прошипел он, шагнул в её сторону, сжав локоть, подтолкнул к двери, выходя за порог вместе с ней, оставив девушек наедине.

И как только затворилась дверь, Воица только тут как будто опомнилась, вырвала руку из стальной хватки.

— Как ты можешь?! — воскликнула она, сдавливая голос. — Что, по-твоему, сделает Волот с ней, когда узнает?

От её слов всё внутри взорвалось вулканом и перевернулось верх дном. Он угрожающе шагнул к ней, сдавил горло Воицы.

— Ничего он не сделает. Если не откроешь рот, он и не узнает.

Воица отпрянула, будто от пощёчины. И Дарко всё никак не мог понять, из-за чего она так взъярилась.

— Значит, я не ошиблась, это твой оберег у неё на шее?

Тут-то всё встало на свои места. Дарко выдохнул, остро пожалев, что позвал наставницу Грады в детинец. Но теперь-то уже ничего не попишешь — дело сделано, и от своего он не отступит.

— Мой.

Серые глаза вдовицы сверкнули сталью, зазвенел в них блеск дикой ревности. Вот она вся, как на ладони, а он-то думал, что может положиться на неё. Видимо, ошибся. Впрочем, не ждал такой рьяной бури от неё.

— Дарко, я не понимаю, мало тебе Грады было? Снова всё повторяется.

— Что именно?

Воица тряхнула головой, верно понимая, что сболтнула лишнего. Топот на лестнице заставил обоих оцепенеть. Показалась белокурая голова Миряты, юнец явно был взволнован и запыхался.

— Княгиня ищет тебя, — обратился он к Дарко. — Волот, он... снова.

ГЛАВА 13. Заговор

Воица смотрела в спину Дарко, пока тот не скрылся в тени лестничного пролёта. Некоторое время она стояла, не шевелясь, обдумывая всё то, что только что произошло. И самое гнусное

— Дарко выставил её за дверь, да ещё разговаривал таким грубым, угрожающим тоном. Как он мог так с ней! Он всегда только на неё полагался, у неё находил и утешение, изливал душу, а в итоге — растоптал.

С шумом втянув в себя воздух, вдовица сжала кулаки и зло глянула в сторону закрытой двери. «Что он в ней нашёл такого?! С какой стороны ни посмотри — щепка, глядеть не на что, больше похожа на дикого зверька, пропахшего лесом, — от накатывающей ярости в глазах начало темнеть, вспыхивал багровым туманом гнев. — Хоть как ни думай, а утёрла нос, соплячка! Мало одного княжича, так ещё второго в постель затащила! Строит из себя невинность. Вот дрянь, даже не постеснялась!»

Чем больше она об этом думала, тем сильнее оглушала ревность, постепенно приходило и осмысление того, что об неё просто вытерли ноги, и гадкое, омерзительное чувство обволокло горло, сдавливая точно так же, как недавно — пальцы Дарко.

«Как он мог!» — сокрушалась она, задыхаясь негодованием. Неожиданно слёзы проступили на глазах. Сглотнув обиду, Воица дёрнула подбородком. Предъявлять княжичу свои права она не могла, в конце концов, она никто для него та, с которой он спал, женщина, позволившая себя опустить, которую можно было ни во что не ставить.

Воица покинула лестничную площадку, выбежала из терема. Пройдя постройку, оказалась в другой стороне женского двора, где жили помощницы княгини. Очень скоро встала перед желанной дверью. Вдовица на миг окаменела и будто в пол вросла. Много времени прошло с той поры, как была здесь, да не думала, что вновь окажется у Белава. Посмотрев по сторонам, больше не медля, подняла руку и тихо постучала. Ждала, вслушиваясь в тишину. Многие ещё оставались на берегу, другие нынче затаились по своим углам, не высовывая носа, судача о смерти князя. Воицу было взяло опасение что, может, уже и не живёт тут чернавка. А искать её не было времени, стоило поспешить, покуда все не вернулись. За дверью послышалась желанная возня. Женщина с облегчением выдохнула.

Брякнул по другую сторону засов. Дверь отворилась. Некоторое время чернавка рассматривала в щель гостью без всякого удивления, холодно и равнодушно, будто знала, кто к ней ныне заглянет. Ведь уж поди слух о том, что Воица вновь вернулась в княжеский двор, разнёсся среди челяди.

— Может,пустишь? — потеряв терпение, произнесла Воица.

Некоторое время Белава раздумывала, но затем сама переступила через порог к неожиданной гостье. Только увидела Воица, как на лавке кто-то перевернулся. Насколько помнила вдовица, жила чернавка в светлице одна, опасались подселаться другие. А теперь, стало быть, нашла всё же себе мужика.

— Зачем пришла? — спросила Белава полушёпотом, закрывая за собой плотно дверь.

Воица ласково улыбнулась. За год Белава не изменилась. Такие же смоляные косы, немного растрепанные ото сна, карие, почти чёрные, с холодным блеском глаза на бледном лице. Её можно было бы назвать красавицей, если бы не уродливая борозда на правой щеке. Одета в исподнее, на плечи накинут плат зелёного, едва не болотного цвета, верно застиранный. Белава, всем известно, ворожила по молодости, пока кому-то не насолила. Так осерчали, что подловили беднягу, чудом жизни не лишили, правда, метку оставили навсегда. Было странным то, что княгиня до сих пор держит девку подле себя. Хотя той неведомо, чем промышляет её подопечная в стенах детинца. Хоть и не ворожит, но травки разные продаёт.

— Знаешь,зачем, — ответила Воица запоздало.

Та, казалось, побледнела ещё пуще, сжав в пальцах платок на груди. Погрузилась в задумчивость.

— Зря пришла, я не могу тебе ничем помочь. Нет у меня ничего, так что ступай.

Белава уже развернулась, спеша отделаться от гостьи, но Воица схватила её за локоть, вынуждая остаться. Воица вытянулась, расправив плечи, с высоты поглядела на чернавку. Впрочем, так и думала, что та начнёт упрямиться. В прошлый раз было тоже самое. Хоть в прошлом чернавка по первой не знала, для чего вдовице были нужны её порошки, но, когда Грады не стало, всё поняла сразу. Смолчала, никому не выдала. Хотя, что она скажет, сама же дала ей отраву, сама виновата.

— Не обманывай, всё городище тебя знает и ходит к тебе. Почему же мне отказываешь? Я вознагражу.

Чёрные глаза врезались в Воицу так, что та на миг потеряла дыхание — недаром Белава слыла ворожеей. Глаз её был не добрый. Но сейчас Воице это было безразлично. Чем быстрее избавится от девчонки, тем лучше. Пока княжич к ней совсем не прикипел.

— Она ещё дитё совсем, — ошетичилась было Белава.

— Я бы сказала тебе, какое она дитё. Ещё обряд венчания не прошла, как уже затащила в постель Дарко.

Тёмные брови Белавы выгнулись, посмотрела с недоверием.

— Заслужила пойти вслед за первой невестой, — прошипела Воица. — И хватит выпрашивать, а делай своё, крепче спать будешь.

Чернавка плотно сжала губы. Колебание длилось мгновение.

— Обожди, — нырнула за дверь.

Совсем скоро Белава вернулась назад. Тихо, чтобы не разбудить постояльца, прикрыла створку, выживая из-под платка узелок размером с напёрсток, вложила в руки вдовицы.

— Забирай и уходи, — тихо проговорила она, глядя в сторону лестницы.

Не успела Воица ответить, а как та вскинула руку, призывая замолкнуть. Женщины всматривались в темноту, но Воица так ничего и не увидела, не услышала.

— Иди, — подтолкнула Белава. — От греха подальше.

— Спасибо, — бросила Воица, сжимая в руке яд, быстрым шагом пошла прочь, благо никого не встретила по пути. Не чувствуя ни холода, ни земли под собой, она минула двор. Забежала в хозяйскую клеть. Внутри никого не оказалось, и она легко пересыпала порошок в плошку, залив его отваром из трав, подхватив посудину, направилась к светлице.

Оставшийся ядовитый порошок она спрятала в складках одежды. Будет странно, если невеста умрёт быстро. Хорошо, что Щасна успела приготовить сонные травы, данные Мирогостом, так её вообще ни в чём не смогут уличить. Вовремя Волота подкосило. Теперь Воица не переживала. Подходя к двери, вслушалась. Гудели голоса по ту сторону, значит будить никого не нужно. Деревенская девка ещё не укладывалась в постель. Волновало больше всего, как избавиться от чернавки Руяны, которая так и ходит по пятам и стережёт, что верная псина, свою хозяйку. А лишние глаза и уши ей не нужны.

Когда Воица оказалась на пороге, девицы, до этого тихо переговаривавшиеся между собой, разом замолкли, встретив вдовицу напряжённо. Воица только легко улыбнулась им, непринуждённо прошла в светёлку, поставила питьё на стол, скинула с плеч платок и присела на лавку, ближе к Росье. Та явно ощущала смущение, уронила взгляд. Чернавка молчала, наблюдая за ней со стороны.

— Ну, с кем не бывает, — начала Воица елеинным голосом. — А ты ещё молодая, неопытная. Росья глянула на неё из-под ресниц.

«Не доверяет. Что ж, не такая уж и глупая, нужно сильно постараться, чтобы пробить её на чувства».

— Я тебя понимаю. Сложно удержаться от соблазнов. Дарко поступил не по чести. Ты не виновата. Он должен был подумать, что ждёт тебя после.

Росья побледнела. Воица глянула на чернавку.

— Оставь нас, — попросила она, так же натянуто улыбаясь, уж каких сил ей стоило стелиться перед этими курицами.

Руяна ошетичилась, надменно вздёрнув подбородок. Росья повернулась к ней и кивнула. Та ещё немного помялась, но поднялась, хлопнула дверью. Воица под села ещё ближе, так, чтобы глядеть в глаза Росьи. Она хоть и смотрела как овечка, а доверять ей верно не собиралась.

— А теперь послушай меня, — сказала Воица заботливым, назидательным тоном, спокойным, стараясь не спугнуть. — Он ничего не сделает. Я вижу, что тебе по сердцу Дарко. Волот его родной брат. Старший брат. И Дарко придётся смириться с его первенством. Как бы он ни кичился, но Волот не уступит ему. И что будет, когда после первой ночи вашей Волот узнает, что ты не невинна? Он не простит. А если ты понесёшь, что тогда?

Росья сжалась, отвернулась, дыша тяжело и туго. Слова Воицы начали действовать, девчонка осмысляла их.

— Я знаю, как надо поступить. Поверь мне, с этим мы разберёмся. Волота я знаю, изучила его. И знаю, как заморочить его так, что он ни о чём не догадается.

— И что же я должна делать? — повернулась к ней Росья.

— Сначала, — мгновенно встала Воица и прошла к столу, подхватывая плошку, — выпей это. Чтобы наверняка не зачать. Поверь, так будет лучше.

Росья посмотрела на плошку, потом на Воицу, снова на плошку. Протянула руки, забирая подношение. На вид вода была окрашена в зелёный цвет и пахла полыньёю — всё как надо. Девушка ничего не заподозрила. Вдовица смотрела спокойно и даже с каким-то сочувствием, верно и впрямь жалела наивную девчущку, не показывая своего удовлетворения.

Росья поднесла к устам питьё, сделала маленький глоток, скривилась от отвращения.

— Лучше залпом пей.

Втянув в себя воздух, Росья снова прильнула к плошке, на этот раз делая большие глотки.

ГЛАВА 14. Жертва

Всё внутри кипело, озноб проходил через всё тело. Слова Воицы врезались серпами в самое сердце. Какое ей дело до его личной жизни, зачем она суёт нос?

Дарко шёл быстро и уже скоро очутился перед крыльцом, взбежал по лестнице. Мирята сказал, что Волота отнесли в покои. Он сбавил шаг, когда в горнице встретил Венцеслава и Горяту.

Впрочем, следовало ожидать увидеть их здесь. Отношения с ними с того времени, как сцепились братья, были накалены, и потому ни один из них не посмел окликнуть княжича, заговорить первым. Проводили лишь хмурыми взглядами, оставшись ожидать известий.

Впрочем, ничего они не дождутся. Если бы был жив отец, он бы с ними потолковал, а так больше и некому.

Покои Волота охраняли гридни. Челядь носилась с разными поручениями по лестнице. Дарко, вобрав в себя воздух, толкнул створку, вошёл внутрь. Помещение было освещено пламенниками, что горели в крепежах на стенах. В нос пахнуло травами и дымом. На этот раз рядом с Волотом присутствовал не Мстислав, а княгиня. Сама на себя не похожа, осунувшаяся, исхудавшая, мука искажала её лицо, и застыл в глазах лёд отчуждения, отражающий запертую внутри боль. Но как бы ей ни было плохо, и как ни жаждала утешения, а подходить к Дарко не стала, отвернулась, упрямо сжав губы. Если с Волотом что-то случится, то видеть во главе княжьего стола младшего сына она не была готова. Да и народ на посаде поговаривать всё больше стал о младшем княжиче, и это жутко злило княгиню, и всё толще выстраивало стену между ними. И не потому, что Дарко был чем-то хуже, он ни в чём не уступал Волоту, просто слишком много сил было отдано на становление старшего. А выходит, всё напрасно, все чаяния и надежды пусты.

Волот лежал пластом на лежанке, тёмные волосы разметались по подушке, лицо его сильно заросло щетиной, глаза впали, и тёмные круги пролегали от носа. Вокруг его обступали жрецы. Мирогост стоял подле ложа, сжимая в руке посох, оголовье которого было оковано железными пластинами. Выглядел старец тоже неважно: длинное тело, чуть сторбленное, возвышалось над постелью, на крепких плечах лежала медвежья шкура. Густые брови сдвинулись на переносице, волхв хмуро обратил взор на вошедшего, будто не желал его появления. Дарко приблизился, разглядывая недвижимого Волота, грудь которого даже не вздымалась, и от этого продирало нутро страх — жив ли? При виде его бледного лица с впалыми щеками позабылись и все недавние обиды, что горой выросли за последние месяцы между ними. Дарко сжал кулаки, глянул на волхва.

— Он требует своё, — произнёс Мирогост, заранее зная, что Дарко воспротивится отдавать невесту, ясно давая понять, кто сейчас им нужен — Росья.

— Я не дам.

Мать, что стояла чуть позади, тут же вскинулась, но волхв жестом указал ей не вмешиваться. Жрецы всполошились, переглядываясь, кто-то досадливо качал головой, а кто-то с пониманием смотрел на княжича, но никто из них не проронил и слова. Главным среди них был Мирогост. Мстислав ставил его слово во главу, и после ухода князя это право осталось за ним, по крайней мере, до тех пор, пока не очнётся Волот.

— Он отдал ей обручье, — поспешил разъяснить Мирогост, наблюдая, как вихри гнева застилают взор княжича. — Хозяин уже знает о ней и лютует, почему она до сих пор не у него. Он забрал жизнь князя только по этой причине.

Дарко выслушал его, чувствуя, как каменные стены будто пришли в движение и давят со всех сторон, загоняя в ловушку, не позволяя вздохнуть. В ушах зазвенело.

— Мы потеряли Мстислава, хочешь, чтобы и Волот ушёл вслед за отцом? Хочешь потерять брата? — давил он.

Мать от услышанного вскинула руку к губам.

Дарко гневно сощурился, внутреннее буйство разрывало на части, но он не сдвинулся с места, стоял, что каменная плита, свирепо оглядывая волхву. Повисла тишина, что загустела вокруг и стала почти осязаемой.

— Я узнал, как нам его изгнать, — вдруг сказал Мирогост. — Он на пределе, гнев его велик. И теперь мы можем его обхитрить. Но для этого нам нужна невеста.

— А если не выйдет?

Мирогост долго посмотрел на юношу, мелкая судорога прошла по щеке, верно старик сам был на взводе.

— Должно получиться. Я уверен, — сказал спокойно волхв.

Если бы он возразил, если бы бросился его прогонять, тогда Дарко бы ни на долю не усомнился в том, что нужно не позволить им это сделать. Но старик будто чуял его накал, чуял и обходился осторожно, благоразумно.

Всё это Дарко слышал и уже не раз. И хотелось лезть на стену от безысходности, от мыслей о том, что творится с Волотом.

— Ты даже не можешь представить, насколько он всемогущ, — продолжил волхв. — Сегодня это князь, а завтра — всё городище. Разрушит наш дом, и порастёт он лесом, а народ, если кто и останется в живых, уйдёт, — шептал он сдавлено и хрипло. — Она нужна Волоту, а он — ей. По раздельности им будет только хуже. Так что отойди и не мешай. Или... уходи, — сказав это, Мирогост повернулся к столу, проведя крупными для старца пальцами по книге, что была раскрыта перед лучинами.

Дарко заметил краем глаза, как мать вскинула гордо подбородок, будто это было её победой. Всё же получила своё. От гнева заполонило глаза туманом. Если мать и раньше относилась к нему прохладно, то ныне вовсе врагом считает. Это отчужденное и холодное отношение к нему не было для него секретом, оно тянется из прошлого. То, что роды у неё были тяжелые, и едва сама чуть не погибла, давая ему жизнь, от того неприязнь эта передалась в крови, выкормилась грудным молоком.

Наверное, впервые он посмотрел на мать осуждающе и с укором. Хоть никогда не позволял себе того, как ни тешил себя объяснениями и оговорками, а всё же в душе винил её. Винил за то, что она навлекла на них столько бед. Если бы она тридцать зим назад не пошла в лес, убежав от няnek, ничего бы не случилось. Тогда она впервые встретила хозяина леса, и нужно быть неразумной, чтобы не распознать в нем духа, неживое существо. Будучи замужем за князем Мстиславом, и после встречалась с ним. Пока он не заманил её в чашу леса и не перекинулся. Тогда, по словам матери, ей удалось сбежать, если верить ей. А за побег хозяин леса проклял её, да только проклятье пало не на неё, а на ребёнка, которого она уже носила под сердцем от Мстислава. Так дух и поселился в Волоте, требуя невест.

Дарко повернулся к волхву.

— Я сам её принесу.

Мирогост кивнул, давая на то согласие.

Развернувшись, княжич пошёл прочь.

— Дарко! — окликнула его княгиня. Видно была против того, но он не отозвался и уже скрылся за дверью, выходя из дымного помещения. Через горницу не пошёл, подозревая, что дружки Волота остались на ночлег, потому обошёл потайными переходами.

Ночь уже ушла за середину. С востока заметно бурело небо. Темнели вежи на крепостной стене, а на землю уже легла роса. Самая долгая ночь, которую помнил Дарко. Докатывался до слуха грохот щёбня, видно народ уже спозаранок спешил к реке, водрузить на ладьи товар.

На пороге его встретила Руяна, сонная, с растрёпанной косой, в одном исподнем. Глубокое удивление отпечаталось на её лице. Под взглядом княжича она сжалась, спеша прикрыться руками.

— Росья спит уже, — обронила она.

— Я знаю и хочу забрать её.

Дарко не видел, как исказилось в удивлении лицо чернавки, но та посторонилась, пропуская княжича в светлицу.

Росья лежала на постели недвижимо. Чернавке ещё верно не ведомо, что так сморило её, и если бы стала будить, то не добудилась бы. Русые волосы рассыпаны по подушке, лицо отвёрнуто и бледно, как и губы. Размеренно вздымалась и опускалась её грудь, и недавние ласки, что отпечатались в памяти, вонзились острыми шипами в самое сердце. Захотелось безумно прижать её и зацеловать. Спрятать ото всех. Отчаяние и гнев смешались, рискуя извести Дарко окончательно, заставить сорваться. Было невыносимо видеть Росью, эту хрупкую, нежную девушку, в лапах чудовища. Но ещё невыносимей было то, что он сам, Дарко, пришёл за ней вопреки своим обещаниям, которые он дал ей в тот миг, когда покидал Дольну. Обещал вытащить из этой ямы, в которую он её посадил, обещал увезти, сберечь, а в конечном счёте сам пришёл за ней, предал. И так скверно сделалось на душе, хоть волком вой.

Дарко склонился, закутав девицу в одеяло, легко подхватил девушку на руки, та и не весила ничего, как пушинка.

— Что случилось? Далече? — не удержалась чернавка, что стояла бездыханная за его спиной.

Дарко ей не ответил, да и что тут скажешь? Молча вышел за дверь, под холодное небо.

Росья так и не проснулась, мерцали только в тусклом свете огней обереги на шее и его собственный подарок, что выпал из-за ворота исподней рубахи. Дарко сжимал её, как самое ценное, что было у него. Оставалось только поверить Мирогосту, но верилось с трудом, что всё обойдётся, и дух не причинит девушке вред. И вся эта затея с поимкой нежити сильно не нравилась ему. И как бы не терзался, а волхв прав, позволить загубить Волота княжич не мог, равно как отдать ему Росью. А вот то, что они связаны теперь — он глянул на руку девушки, что покоилась на животе, и на массивное обручье — это тревожило куда больше. Выходит, что Росью он почуял и не оставит девицу. Даже если Волота не станет, найдёт пути к ней.

Вернулся в хоромину, где уже приготовили для Росьи постель. Рядом с Волотом пламенники были погашены, остались только лучины на столе, где лежала книга. Дарко под множественными взглядами положил невесту на постель, отступил на шаг, убеждаясь в который раз, насколько Росья беззащитна рядом с братом, совсем ещё юная, совсем недавно познавшая близость с мужчиной.

Мирогост зашептал заклęcia. Дарко, очнувшись от мрачных раздумий, огляделся, не обнаружив среди жрецов мать. Голос волхва становился ниже, и теперь исходил из самого нутра, делая его чужим для старца, непохожим. В его бормотании невозможно было ничего разобрать, верно говорил на языке духов. Языки лучин качнулись, плеснуло густым светом на девушку. Волосы Росьи вспыхнули золотом, заиграли тени и переливы на её лице. Дарко взглянул на волхва и не знал уж, какими силами оставался на месте, удерживая себя от того, чтобы схватить Росью в охапку и унести далеко-далеко, туда, где бы её никто никогда не нашёл. Но, к сожалению, такого места он пока не знал, а все его попытки выстроить его рассыпались прахом.

Едва он помыслил об этом, как сгустилась над девушкой клубки теней, собираясь вместе будто из самых тёмных углов хоромин, образуя воронку с оборванными в клочья чёрного дыма краями. Будто умелая пряжа стала ткать из него образ того, кто мучил Волота долгое время. И присутствующим показалась явственно человеческая фигура, а точнее глыба. Это был мужчина с такими же, как у Волота, тёмными волосами, что были вклочены, острым носом, выраженными скулами, впалыми щеками. За время перенял лик княжича. Из-под чёрных бровей сверкнули холодным блеском стали глаза. Взгляд его был дикий, звериный, не схожий с человеческим, он резко метнулся по собравшимся, и лицо духа исказилось. Хозяин оскалился, показывая клыки, которые были что у волка. Сам он был весь в лохмотьях, изодранная одежда спадала на пол спутанными в клубы нитями, будто он скитался по лесной глуши уже век, не знающий и не видящий ничего живого, а только своё логово, поросшее мхом, полнившееся спёртым, затхлым воздухом.

И он, Дарко, отдал ему Росью. Оставалась только догадываться, что с ней сотворит он. Княжич рванулся вперёд, и снова всё затянулось в чёрную воронку, исчез и гость.

Волхв, обрывая своё заклęcie, мгновенно преградил княжичу путь.

— Ты что натворил! — прорычал он. — Уходи, — гаркнул, стукнув посохом о пол.

Гул разнёсся по полутёмному помещению, отдаваясь звоном где-то внутри. Мирогост пронзил Дарко гневным взглядом, да таким, что дрогнула собственная воля в груди, даже больше, чем

перед самым хозяином. Дарко попятился к двери. За спиной волхва уже что-то происходило. Жрецы забормотали заклятия, не желая прерывать обряд.

— Уходи, или они погибнут оба, — последние слова Мирогоста ударили, что обухом по голове. Дарко отступил, потом сделал ещё шаг назад и, наконец, вышел за дверь. Он смотрел на запёртую створку, за которой происходило немыслимое, и чувствовал себя полным ничтожеством. Глушь спеленала его, только было слышно, как сердце колотится в груди. На висках проступила испарина, дыхание заledenело в груди, тяжёлым валуном давила безысходность. Из скверного состояния его вывел топот ног на лестнице. Дарко развернулся и пошёл прочь от двери, да и гридни, что караулили вход, посматривали на него искоса. По главной лестнице, ведущей в горницу, носилась челядь, всё ещё охваченная смятением от внезапной кончины князя, а внизу уже грохотали мужские голоса, верно народ перешёл под кров, и матушка, видимо, к ним спустилась. А потому появляться там Дарко не желал, и оставлять Росью одну у Волота — тоже. Он спустился на ярус ниже, но и тут мелькало слишком много прислужников с разными поручениями от княгини, кто-то даже окликнул его. Дарко не сразу расслышал, что позвали именно его, лишь только тогда, когда увидел перед собой светловолосого мальчишку, что нагнал со спины. Мирята дышал глубоко, волосы были всклоочены, верно носился по всему терему, а взгляд был такой, будто за ним гнались стая нежити.

— Я узнал, — сказал он и замолк, запыхавшись. Замаялся, увидев мрачный взгляд княжича.

Дарко уж хотел отругать отрока за то, что тот выбрал не самое нужное время. И так слишком всё плохо, хуже некуда. И этот жуткий образ, от которого внутри все холодело, ещё стоял перед глазами, а совесть рвала его на части, и лучше ему вовсе держаться ото всех как можно дальше.

— Я бегал по поручениям и... Случайно услышал разговор.

— Пошли за мной, — велел княжич, обрывая на полуслове Миряту.

Пройдя несколько дверей, Дарко завернул влево, толкнул низкую дверь, впуская вперёд себя мальчишку, сам вошёл в полумрак, пригибая голову. Здесь пахло пылью, и клеть совсем не отапливалась, но зато их никто не мог услышать.

— Воица ходила к Белаве, — шепнул отрок.

Дарко вытянулся, смотря снизу вверх на мальчишку.

— Говори, что слышал, — поторопил, видя его нерешительность.

— Они спорили, кажется, Воица что-то требовала, но та не соглашалась. Они разговаривали на пороге, я был слишком далеко и толком ничего не расслышал. Белаву что-то передала Воице. Дарко его уже не слушал, думая о том, какие могли быть общие дела у вдовицы и чернавки. Вспомнил последние слова, что сказал Воице. Неужели... Развернувшись, Дарко вышел из клетки, мальчишка юркнул за ним. Княжич отослал его к себе, сам быстрым шагом минул переход, спустился во двор.

Уже светлело, но затянувшие небо тучи не пропускали света, укутывая детинец во мглу. Ко всему моросил мелкой пылью дождь, но он вовсе не мешал купцам, старейшинам и всем мужам, воеводам и ближникам, что собрались ныне за общим столом, разгуливать по двору. Это были не просто совершение тризны, а встреча, где можно обсудить все насущные дела, что накопилось за последние месяцы, коих оказалось не мало, потому как Мстислав был слишком занят старшим сыном.

Дарко, оглядев стены, где кутались в плащи стражники, вдруг вспомнил, что, когда пришёл забирать Росью, вдовицы не было в светёлке. Или была? Не поднялась знать, когда он вломился в помещение, испугалась. А вдруг уже ушла? Княжич тряхнул головой. Никуда она не денется, раз смогла учинить такую подлость, о которой Дарко даже не осмелился помыслить. Просто не верилось. Сжав кулаки, Дарко широким шагом направился в сторону ворот.

В женском стане появляться ему не дозволено, да видно боги решили запутать и известить его вконец. Вымотанный приготовлениями и погребальными обрядами, да приступом Волота и тем, что довелось ему увидеть, да тем, что пришлось отдать Росью, Дарко валился с ног. Только воспоминания о Росье, которая была всего лишь короткий миг его, грели душу. Но тут же потемнело в глазах, как подумал о том, что вместе с сонными травами вдовица подмешала что-то ещё. Проклял себя за то, что впустил змею в свой дом. Сам же впустил. И нужно поспешить и вызнаться всё, что она успела натворить.

Дарко ввалился в светёлку, в полумраке почти ничего не разобрал. Руяна взвизгнула, натянув на грудь одеяло. Взгляд княжича метнулся по углам. Воица сонно оторвала голову от подушки,

пытаясь понять и рассмотреть со сна, что происходит. И очень хотелось тут же свернуть ей шею, хоть он и сам во всём виноват. Во всём: и в том, что привёз Росью сюда, и в том, что вернул вдовицу в терем.

В два шага он оказался возле неё.

— Поднимайся! — схватил за локоть, дёрнув с лежанки.

Чернавка в изумлении смотрела на происходящие со своего места, натянув одеяло до подбородка. Воица молча сопротивлялась, пыталась вывернуться, но Дарко вытолкнул её на лестничную площадку, а потом и на крыльцо, простоволосой и в чём была — в исподнем, да босой, но это мало его волновало.

— Ты что творишь? — зашипела она, обхватывая себя руками.

— Это я у тебя хотел спросить, что ты сделала?

Воица скривилась, будто впила кислого молока, притворилась, что не понимает, о чём княжич ведёт речь.

— Я доверял тебе. Ты знаешь, что я теперь с тобой сделаю?

Дарко угрожающе шагнул вперёд, Воица растерянно моргнула, и с лица её быстро стёрлось притворство. Но она быстро взяла себя в руки, вздёрнула подбородок и сама шагнула навстречу, положив ладони на грудь княжича.

— Дарко, успокойся, — зашебетала она прижимаясь к нему. — Ты не о том подумал. Это сонные травы. Мирогост приказал, я не могла ничего поделать. Ты же знаешь, против волхва бесполезно идти.

Княжич сощурился зло. Ложь, как дёготь, обволокла горло. В последнее время её слишком много. Он смахнул её руку и схватил за подбородок, а другой рукой — за волосы на затылке.

— Убью тебя, — просипел он. — Говори, что ты ей подмешала! Говори, или убью. Дарко дёрнул её за волосы так, что вдовица вскрикнула, вцепившись ногтями в его руки, но толку от того не было, хватка не слабла.

— Я не стала бы её сразу убивать, не такая уж и дура, — глаза Воицы заблестели. — Прости меня, — вдруг прохрипела она и коснулась Дарко, проведя ладонью по щеке.

Сразу захотелось сбросить её и вообще не касаться, и забыть то, что было всё это время между ними. Выходит, пока они были вместе, эта дрянь строила козни за его спиной, а он верил ей, как мальчишка.

— Прости. Я всё из-за тебя, ради тебя, — глаза Воицы затуманились, а холодные пальцы на его щеке задрожали.

Дарко сделалось противно от её слов и вообще ото всего, что его с ней связывало. Теперь понял, какую змею пригрел. Пока обхаживала его своими ласками, избавлялась от соперниц.

— Значит, и с Градой ты поступала так же?

Дарко хотел увидеть и услышать что угодно, даже ложь, но Воица только сжала губы, и по щеке её скользнула капелька слезы. Он выпустил её, не веря, что всё так и есть. Воица упала на колени, судорожно вцепившись в полы его кафтана, заплакала тонко.

— Прости меня. Я же видела, как она на тебя смотрела, играла, а ты страдал. Она бы всё равно не выжила. Он мучил её. И смерть была лучшим избавлением, поверь. Прости, — шептала она беспрерывно.

Дарко немедленно захотел оттолкнуть её. И он ещё желал оставить её с Росьей, притащил эту гадину сам же. Страшно подумать, как бы та измывалась над девушкой, если даже Граду не пожалела, ту, которую знала давно.

— Пошла вон, и чтобы я тебя здесь с восходом не видел.

Воица подняла зарёванное лицо, которое облепили пряди растрёпанных волос.

— А если встречу, — добавил княжич, — убью.

Оттолкнув её так, что вдовица рухнула на доски, Дарко развернулся и пошёл прочь с крыльца. Он слышал, как она всхлипывала. И лучше ему уйти поскорее. Осознание того, что эта дрянь сотворила, всё больше разжигало гнев. Значит, год назад она учинила расправу над женой Волота, и никто об этом даже не догадывался. Ни волхвы, ни жрецы. Как бы хозяин ни мучал её, а совершать преступление Воица не имела никакого права. И самое скверное было то, что вся эта грязь, выходит, из-за него, он причастен к смерти Грады. Осознание этого напрочь подкосило, вызывая горечь, боль.

Дарко долго бродил по двору в рассветной серости, пока усилившийся дождь не загнал его в терем. Всё пытался найти внутри себя хоть какие-то силы и присоединиться к столу, но

усталость и всё то, что навалилось на него за последние два дня, окончательно подорвало. Дарко вернулся к опочивальне Волота, слыша всё ещё гомон гостей и топот челяди. И никто из них не прознает, что творится с Волотом наверху, почему он так и не вышел за общий стол разделить братчину.

Как и в прошлый раз, он вошёл беспрепятственно. В полумраке разглядел жреца, что остался присматривать за спящими. Тот было поднялся, но, увидев княжича сел обратно на лавку, промолчал, опустив голову, продолжая читать книгу, что была у него в руках. Мирогост и остальные старцы видимо ушёл в храм, на утреннее славление.

Дарко тихо прошёл к девушке, рассматривая её. И только теперь заметил след принятого ей яда. Кожа приобрела серый оттенок, а вены на шее, висках и лбу проступили ярче. И княжич силой сдержал себя, чтобы не вернуться и не придушить Воицу, пока та ещё не ушла далеко.

Он протянул руку и осторожно коснулся пальцами её русо-золотистых, как осенняя мокрая листва, прядей волос, мягких и воздушных. Жрец пошевелился, но вмешиваться не решился. Дарко некоторое время наблюдал, как алеют её губы, которые он ещё недавно целовал, как подрагивают длинные ресницы девушки, как слегка хмурятся её брови, будто она видит плохие сны. И верно так оно и было, и что она зрит по другую сторону, довелось увидеть и ему. И об этом Дарко не хотел сейчас думать. Мирогост заверил, что изловит аспида.

Княжич погладил подвески на её груди, подобрал свой оберег, который носил с самого детства, теперь нагретый её телом. Росья приоткрыла губы, выдыхая неслышно. Дарко невольно сжал подвеску, ожидая, что девушка вот-вот откроет ресницы, но та вновь замерла. Выронив из ладони амулет, княжич отступил, собираясь уходить. Он подождёт ещё один день и тогда заберёт её отсюда. Дарко невольно глянул на Волота, что лежал в густой тени. Казалось, теней вокруг него сгустилось больше.

«Что ж, выживает сильнейший, так тому и быть».

Дарко развернулся и пошёл прочь, возвращаясь к себе. Завалился на лежанку, и стоило ему прикрыть глаза, как глубокий сон мгновенно затянул его в бездонную черноту.

ГЛАВА 15. Пленение

Росья вздрогнула и очнулась, разлепила от чего-то ставшие влажными ресницы, всмотрелась через пелену мути, пытаясь разобрать хоть что-то. И как же удивилась, когда увидела над собой не балочные перекладыны светёлки, а густой полог ветвей, в прорехах которого просачивалось брюхо серо-жёлтых туч. Тут и обнаружила, что лежит не на мягкой постели, да не в тепле, а прямо на земле, на сухой подстилке из осенних листьев.

«Как же?»

Она пошевелилась, жёлтые листья посыпались с волос и груди. Не сразу удалось сесть — ноги и руки будто заостенели, а голова была тяжёлой, как камень. Повернувшись на бок, она всё же смогла сесть, оглядела себя.

«Как здесь оказалась?»

Росья подняла голову, заозиралась, крутясь во все стороны, обводя взором незнакомое место, но увидела кругом только рыжебокие сосны и кустарники орешника да малинника с бурыми листьями, что гроздьями ещё висели на шипастых гибких ветках. И сама она была в одном в исподнем и босая. Страшные мысли хлынули в голову.

«Зачем вынесли из терема и бросили в лесу? Выкинули, как ненужную вещь? И где Руяна? Дарко?»

Лихорадочно начала вспоминать вчерашний день. Или уже не вчерашний? Сколько она проспала? Помнила, как была с Дарко — его горячие прикосновения чувствовались, как будто только недавно грелась в его объятиях, даже осенняя прохлада ещё не отняла у неё его тепло. Но вдруг из недр памяти всплыл разговор с Воицей. Сердце застучало чаще, Росья облизала ставшие сухими губы.

«Она же дала что-то выпить».

Жуткие догадки мгновенно хлынули в голову, что девушка похолодела разом.

«Неужели...»

— Опоила, — прошептала одними губами, в полной мере осознавая случившееся.

Подговорила людней, а те вынесли в лес.

Росья провела рукой по лицу, откидывая пряди со лба.

«Боги, и зачем поверила ей! Ведь Дарко предупреждал никому не доверять, не слушать!» Девушка коснулась груди, помогая тем самым унять поступившей дурноте и горечи, что задушили её. Провела рукой по шее, зацепив пальцами связку оберегов, те брякнули в неподвижном воздухе и окутывающей её со всех сторон тишине.

Закрыв глаза, Росья некоторое время дышала неровно и глубоко, выжимая из себя всё, за что могла ещё зацепиться, но попытки вспомнить что-либо пошли прахом. Тогда паника объяла её до дрожи в руках и коленях. Росья поднялась на ноги, одёргивая скомкавшуюся рубашу, что была чистой, никаких следов, могущих сказать ей, что с ней похитители обошлись скверно. Ни синяков на теле, ни царапин, ничего не было. Выдохнула. Собрав волосы, которые тоже были не спутаны, а, распущенные на ночь, всё так же гладко струились, перекинула через плечо, сжав в поледневших пальцах, всё высматривала среди чащи хоть что-то, что указало бы и разъяснило ей, какая же всё-таки беда случилась с ней, и как теперь выбираться из дебрей. Потом она пошла наугад туда, куда потянуло её чутьё, накалывая стопы хвоей и ветками. Хорошо, что не так холодно, но облаков понагнало сильно, как бы дождь не пошёл, тогда укрыться негде будет. Найти бы расщелину какую до темноты. Вскоре сосновая роща сменилась березняком, и в лесу стало намного светлее, хотя так и не попалось ни одной тропки. Всё думала о том, что теперь будет. Найдёт ли дорогу назад, выживет ли без еды да в холоде? Даже если удастся выйти к людям, как вернётся назад, да и стоит ли? После того, как грубо обошёлся с ней Волот, и всего, что сказала ей вдовица, судьба ничего не сулила хорошего. Но Дарко, как же?

Запах прелости загустел сильнее, когда Росья спустилась в ложину и услышала тихое журчание. Знать где-то родник рядом. Она поспешила, спускаясь с покатога склона, цепляясь за ветки берёз. Может и набредёт на реку, а там и до деревни какой недалеко, ведь они обычно раскидываются вдоль берегов.

Росья прошла по мягкому мху, осторожно спустилась в низину, подняла голову и не поверила своим глазам, перед ней лежал деревянный мост. Поторопившись, спустилась к нему, пошла по доскам, застеленным жухлой листвой. Сами балки покрыты были мхом, влажная ложина поросла камышом, и сильно напоминал старый мост тот, что стоит в Елицах. Но одно утешало, что поблизости есть жилые земли, иначе этого моста бы не было. Миновав его, Росья поднялась на взгорок, и оказалась на небольшой лесной прогалине, охваченной золотистым свечением, а посередине расчищенной поляны лежали три обросших мхом валуна, усыпанные листвой. Росья приблизилась, коснувшись пальцами шершавой поверхности, смахнула листья, но никаких начертаний и символов на камне не обнаружила, с какой бы стороны ни обошла каждый. Хотя это и походило на место силы, а всё же таких не ставили уже. Не могла никак понять, какому богу поклонялись здесь, кому возносили славение. И если даже это и делали, то всё выглядело заброшенным. Разрушен был и сам алтарь. Росья прошла в середину, загребая ногами листву, и ойкнула, когда напоролась стопой на что-то твёрдое, что хрустнуло под ногой. Девушка вскрикнула и отшатнулась. Прямо посередине святилища было кострище, в котором зияли чёрными глазницами черепа не только животных, но и человеческие. Росья заледенела. — Пришла.

Девушка вздрогнула и подняла голову. Прямо перед ней стояла в тени деревьев мужская фигура, но что-то внутри дрогнуло при виде его крепкого тела. Что-то в его облике показалось ей очень знакомым. И когда тот вышел из тени, Росья попятилась назад.

Она бы могла подумать, что это Волот, если бы не одежда, которая свисала на нём длинными истрепавшимися лоскутами, будто его драли дикие звери, а вид его был такой, словно он плутал по лесу уж долгое время. Черней смолы волосы, отросшие до плеч, спутаны, у Волота же они, хоть и тёмные, но с медным отливом. Сведённые на переносице такие же тёмные ровные брови придавали его виду грозности, оставляя глубокие тени в глазницах. Прямая линия губ обрамлена короткой, такой же тёмной, как и волосы, бородой. Он походил на отшельника, но тело его было сильным, не сказать, что изнурён, и казался он куда выше Волота. Росья отчётливо помнила его. Это был тот самый мужчина из её снов. Но как это возможно? Как вышло так, что стоит он перед ней?

Нутро сжалось от догадки — не спит ли? Но это никак не укладывалось в голове, не вязалось с тем, что всё чувствует и видит, слышит запахи. Не понимая, что происходит, Росья попятилась,

оглядываясь, ища пути отступления. Мужчина шёл к ней медленно, не торопился, остерегался ли спугнуть или, напротив, запугивал, уж то девице было неведомо. Росья упёрлась во что-то твёрдое, нащупала ладонями холодный валун. Мужчина тоже остановился, в двух шагах от Росьи.

— Чего тебе нужно? — спросила она не своим голосом, севшим и хриплым.

Теперь страх по-настоящему сковал её. Вспомнилось за один короткий миг всё: и странный туман в Елицах, и наставления деда Лытко остерегаться хозяина леса, а в том, что перед ней был он, девушка не усомнилась. Да и рассказ Воицы о лесном хозяине всплыл из глубин памяти, запугивая ещё сильнее.

— Мне нужна ты.

От него веяло запахами леса и холодом. Глаза мужчины стали ярче, глубже и темнее, и не было в них ничего живого, а только голод сродни волчьему. Он смотрел на неё и как-то сквозь.

Оправившись от первого страха, Росья сглотнула, расправила плечи.

— Зачем я тебе нужна? И как твоё имя?

Мужчина слегка пошатнулся, на миг его глаза оживились, будто он вспомнил что-то, и снова потухли.

— Раааньше у меня было имя... Это было ооочень давно... — произнёс он глубоким, приятным и даже немного напевным голосом.

— Это ты их убил? — Росья кивнула на кострище сложенное из горы костей.

Леший чуть обернулся, догадываясь, о чём спрашивает его девушка.

— Нет, они сами умерли.

Значит ни о каких жертвоприношениях нет и речи. Росья перевела дух — сжигать её он не собирается, и это всего лишь погребальный костёр.

— Я знаю, что напугаал тебя. Но людям иногда мниться мнооогое из-за незнания и страха.

Росья замотала головой.

— Мне нужно найти drogу назад. Скажи, где я? Помоги выбраться.

По губам мужчины на короткий миг скользнула усмешка.

— Отсюда нет выхода.

— Как нет? — Росья вспыхнула злостью.

Он просто играет с ней, с её страхом, как с котёнком! Но она тут же взяла себя в руки. Сколько говорили люди, лешие могут запутать, заморочить голову. И просто так не станут помогать. Вбрав в себя воздух, она успокоилась. Раз уж попалась ему, то тут ничего не поделаешь, нужно хитрить.

— Почему я? — выдавила, наконец, из себя Росья, разжимая тиски страха.

— Ты мне понравилась... Ты ооообенная.

«В чём особенная?» — хотела спросить, но вспомнила о бабкином даре прорицания, промолчала. Лучше уж это не упоминать.

— Ты говоришь, у тебя было имя... — начала она издали, пытаясь выведать как можно больше, может, что-то узнает важное, что поможет выжить или хотя бы оттянуть время. — Расскажи, что с тобой стало?

Он помолчал, сделавшись задумчивым.

— Они все встали на колени передо мной... когда я пришёл. Они поклоняаались мне как идолу, приносили дары... А потом, в один из дней, в деревню из других земель пришёл прорицатель, на груди у него висели другие символы, чужие, не наши. Он решил обратиить мою плоть в прах, сжечь на костре, сказал, что я не должен жить среди простых людей. Но потом сами люди тайком стали приходиить ко мне и поклоняться как богу. Я набирал силы и креп, они даваали мне жизнь своими молитвами.

— Почему они решили так поступить? Кто ты? — спросила Росья, чувствуя, как от слов его по спине пополз змеёй холод.

— Я такооой же, как они. Однажды забрёл глубоко в лес и нашёл в ущелье древние письмена, там было сказано мнооого мудрости, я смог разобрать начертания, которыми была изрезана вся книга. И когда я стал говориить они же начали толпами приходиить ко мне с других земель. Я не хотел уходить от них, они застаавили меня...

Росья поняла, каким путём — сжиганием на костре. Сколько же прошло времени с тех пор? Даже представить не смогла. Никогда не слышала эту быль. Наверное, это племя жило очень давно, и верно его уже не стало, раз не передались знания о нём. Получается, всё это

утратилось, и только стали ходить слухи о духе, названном лешим. Росья поledenела, когда поняла, что перед ней обычный человек, который умер не по своей воле за то, что ведал немного больше других.

— Скажи мне своё имя, — прошептала Росья.

Почему-то именно это стало так важно для неё. Может, так перестанет бояться, но ощущение не покидало её, что будто бы кто-то по ту сторону сознания пытается достучаться до неё. Но это веяние оказалось настолько мимолётным, что не успела толком ухватиться за него, как оно ускользнуло из её осознания.

Мужчина сделал шаг навстречу. Росья вздрогнула, очнувшись, и снова вжалась в камень, пытаясь тем самым удержать расстояние меж ними, которое мало-помалу сокращалось.

— Не бооойся меня, — прошептал он. — Я могу тебе дать бессмертие, если останешься со мной.

Росья качнула головой, хотелось кричать, что ничего ей не нужно, что хочет вернуться назад, в терем, к Руяне, к Дарко. Но не проронила ни слова, с глубоким потрясением наблюдая, как мужчина стал меняться на глазах, как лохмотья, в которое было облачено его сильное тело, становились вновь целой одеждой. Теперь на нём был армяк

[6]

до колен коричневого, как дуб, оттенка, подвязанный ремнём. И волосы стали будто короче, рассыпался чуб, закрывая правую сторону лица, и глаза изменились, стали не чёрные, а янтарного цвета, как листва под ногами. Но самое невероятное — леший всё более становился похожим на старшего княжича.

Несметно перепугавшись такой внезапной переменой, Росья дёрнулась, чтобы бежать прочь, да уже поздно было. Мужчина быстро преградил ей путь отступления, становясь стеной, но касаться её будто не решался, опасаясь чего-то.

Росья смотрела ему в грудь, не осмеливаясь поднять взгляда. Сердце стучало гулко, дыхание сбилось, и всё тело трясло.

— Ангар. Моё имяааа — Ангар, — прошептал он, обжигая горячим дыханием щёку Росьи.

Он вдруг протянул руку, касаясь шеи девушки. Росья, вся напряглась, но едва он коснулся её груди, как одёрнул руку, что от огня. Девушка же извернулась и скользнула в сторону. И тут же схватилась за голову, которая будто раскололась надвое, такая боль её пронизала. Она упала на колени в шелуху. И будто откуда-то изнутри раздались чужой гул мужских голосов, чьё-то безудержное бормотание раскроило образовавшую пустоту, но было оно неясным, будто говорили за запертой дверью.

Боль отхлынула так же внезапно, как и настигла. Немного переждав и успокоившись, Росья подняла голову, ища взглядом Ангара, и вздрогнула, когда услышала шелест листьев позади себя.

— Я так и знал. Они всё ещё пытаааются меня поймать, но скажи им, что у них ничего не выйдет, и тебя я уже не отпущу. Ты остааанешься здесь, со мною.

Росья обернулась, задрала подбородок, глядя снизу-вверх на мужчину. Человеченное лицо Ангара теперь выражало хмурость и раздражение.

— Тооолько знай, что я сильнее, рано или поздно ты оставишь своё тело там и перейдёшь сюда. Я подожду.

Росья не поняла смысл сказанного. Ангар прошёл к камню, облачиваясь на него спиной, пристально посмотрел на девушку. Отдышавшись, Росья хотела было подняться, но не тут-то было — тьма прорезала перед глазами чёрную дыру, и она будто провалилась в неё. Открыла глаза, понимая, но не увидела ничего, только не может и вдохнуть. Закашлялась, туман, что обьял её, немного расползся, нависли силуэты, что становились всё чётче. Склонялось незнакомое лицо мужчины с длинной бородой, из его уст вылетали какие-то слова, Росья не могла разобрать их, только сквозь толщу мглы прорывались их обрывки. Девушка огляделась, и оказалось, что была она в помещении, где имелись сводчатые, низкие, расписанные узорами потолки. Не понимая, где она и с кем, повернула голову и закаменела. Рядом с ней лежал Волот. Росья дёрнулась в сторону, пытаясь слететь с лежанки, но её успели подхватить чьи-то руки, сжали плечи, призывая успокоиться, и только тут Росья поняла, что из её горла вырывались крики.

— Скажи мне его имя! — требовал старик. — Скажи имя!

Росья разомкнула губы, чтобы говорить, но опрокинулась назад, рухнув в мягкую перину листьев. Глаза щипало, а грудь распирало, будто наглоталась воды, её тошнило.

Она задышала глубоко и часто, хватая воздух ртом, как вылетевшая на берег рыба, осознавая, что на самом деле всё, что её окружает — это навь.

— Ты останешься тут, — услышала она со стороны.

Росья подняла голову, откидывая волосы с лица. Имя, надо сказать им имя, толкалось внутри просьба старика вместе с частыми ударами сердца. А что потом? Сгинет тут? Мысли метались, что взбесившиеся кони, и всё казалось невероятным, смешалось всякое понимание, где явь, а где навь. И Волот, он был рядом. Росью затрясло, она обхватила плечи руками.

— Лучше тебе самой принять решение, и я сделаю это безболезненно. Обещаю, — сказал он со своего места.

— Зачем я тебе нужна? Ты же забрал Граду.

Ангар застыл, смотря тягуче на Росью.

— Она сбежала.

— Ты лжёшь! Ты забрал её! — Росья поднялась, хоть это и далось с трудом ей.

Ангар приблизился. Росья увидела в его глазах отражения тягуче золотящейся листвы и самой себя.

— Я не лгу, — сказал он спокойно.

Глаза Росьи замутились, совершенно ничего она не понимала. Как же тогда объяснить смерть княжны?

Взгляд Ангара медленно опустился на губы, потом на шею Росьи, на грудь и там задержался.

Ясные глаза налились темнотой, словно в золотистую медовуху капнули чёрной сажки, потемнели страшно. Ангар протянул руку, но Росья опередила его, зажимая в кулаке холодные железки подвесок.

— Кто тебе его дал?

Росья сжала губы, догадываясь, о каком именно амулете говорит Ангар, но не сказала ни слова. Тогда облик Ангара опять начал меняться, и теперь перед ней стоял тот самый отшельник, только теперь глаза его не чернели колодцами, а смотрели на неё белой зимой, их заволокло мутной пеленой. Росья не успела его толком рассмотреть, как сгустилась над головой хмарь, потемнело кругом в один миг. Хлынул шквальный ветер, и поднялся такой шелест и треск, что Росье стало не по себе. Холодный поток мощным ударом едва не сбил с ног, поднимая подол рубахи, сухую листву и сорванные с деревьев сучья. От взметнувшейся бури забились пылью глаза, и сквозь проступившие слёзы Росья пыталась найти Ангара. Боги знают, какими путями он запер её в своём чертоге в ловушку. Теперь ум ухватился за одну мысль — как выбраться отсюда?

ГЛАВА 16. Плата

Дарко проснулся рано, когда в опочивальню к нему пришёл Мирята, разбудив его шебуршанием. Ещё только утренний свет седой дымкой окутал каменные стены, отрок принёс чистую одежду, ту, которую положено носить после обряда погребения, и еды, хоть княжич ему то и запретил. Передумал Дарко за эти дни о многом, о собственной жизни, что словно болото, протухшее и заросшее, оплела его обманом, утягивая вглубь, и Дарко даже ни разу не задумывался о том, правильно ли живёт. Он считал, что поступал по совести, выполнял волю отца, потакал матушке, а в итоге раздавлен. Угнетала и мысль о том, что виновен был в смерти Грады, и уж этого себе никак не мог простить и примириться.

Дарко едва поднялся, голова казалась чугуновой, и сам он был весь разбитый и тяжёлый, каждая мышца при движении отдавалась болью. Княжич послал Миряту узнать, ушла ли Воица, хотя у той должно было хватить благоразумия, коли хочет остаться живой. Впрочем, теперь он пожалел, что оставил её безнаказанной. Вспомнил об этом, и вовсе сделалось мерзко на душе. Былое теперь не вернуть.

Все эти два дня он просидел в стенах, наверху, взаперти, и только Боги знают, как тяжело ему было знать о том, что происходит с Росьей, и не иметь возможности хоть как-то помочь ей.

Снедаемый беспомощностью, он весь извёлся. Никто к нему не поднимался, только пару раз мать звала его спуститься в трапезную, но он посылал отрока с отказом, а она не пыталась выяснить причину его заточения. Не волновало её и его самочувствие, как, впрочем, и всегда. Она больше тужилась о Волоте. Единственное, о чём просил Дарко Миряту — это разузнать о Росье. Разбудило его окончательно известие о том, что ночью, вместе с Волотом её перенесли в святилище.

Дарко встрепенулся с постели. Всё, довольно! Сколько ещё Мирогост будет истязать её!? Больше он не потерпит. А мысль о том, что он может потерять обоих, и вовсе ударяла копьём в грудь, выбивая всякие чувства, оставляя только пустоту. Если мать и волхв борются за жизнь Волота, то Росью он не оставит. И пусть брат лучше погибнет, но не заберёт больше ни одной жизни.

Зачерпнув из лохани прохладной воды, что принёс нынче Мирята, Дарко брызнул в лицо, потом ещё и ещё, пока ум не просветлел. Облачившись в приготовленные для сегодняшнего дня одежды, он накинул на плечи кожух и вышел из полутёмного помещения.

Осень уж схватилась сильнее, кроны деревьев сбросили последнюю листву, и холод норовил забраться за ворот. Подул ветерок, который не принёс с собой звуков пробуждающегося города, а только лишь шелест и леденистый холод. Княжич не ожидал встретить на хозяйском дворе Полада. Про волынянина он и вовсе забыл. Побратим встретил его хмурым взглядом.

— Я уж думал, тебя и вовсе не увижу.

— Я должен был предупредить тебя, чтобы ты отправлялся назад.

— Это позволь уж мне решать Дарко, своего побратима в беде я не оставлю, а беда, как я полагаю, взяла тебя в оборот. Ты на себя-то смотрел?

Дарко сжал кулаки, глянул в сторону, наблюдая, как стражники снуют на вежах, сменяя утренние караулы.

— Что там с Росьей? — привлёк к себе внимание друг. — Руяна вся извелась, нет ни вестей, ни её самой.

— Я не знаю. Мирогост забрал её...

— Что надумал делать?

— Забрать её и... — Дарко запнулся, когда увидел, как за спиной Полада открылись ворота, и на двор гурьбой въехали всадники.

Полад глянул в ту же сторону, куда был устремлён взгляд княжича.

— Он изрядно мне надоел.

Дарко, что и до того находился на пределе, вовсе вспыхнул, уж для этого многого было не нужно.

Венцеслав, прыгнув наземь и небрежно бросив повод конюху, спрятал за пояс кнут и зашагал к мужчинам. Следом спешил и Горята.

— Что с Волотом? Уже третий день не могу его застать? — сходу спросил сборщик, как только приблизился.

Дарко призвал всё своё терпение, чтобы не послать его к лешей матери, но вмешался Полад, видя нескрываемое напряжение друга.

— Приболел немного. Если что-то важное, говори, обязательно передадим.

Венцеслав раздражённо сощурил глаза, вперившись в волынянина, и верно много язвительных слов вертели у него на языке.

— Тебя я не спрашиваю.

От такой борзости прошла по лицу Дарко мелкая судорога.

— Осторожней, — прошипел.

Уж со своими гостями не позволит обращаться так дерзко. Полад молчал и с виду казался спокойным, но бедовали глаза, что, до того казавшиеся синими льдинами, вовсе засверкали колючим инеем.

— Думаю, княгиня точно знает, что с ним, — сказал сборщик и шагнул к крыльцу.

Полад же преградил путь, врезаясь плечом в не столь широкое в размахе плечо Венцеслава.

— Кто тебя звал или приглашал сюда? — прошипел он, и Дарко верно впервые увидел побратима таким разъярённым.

Но последовавший за тем поступок сборщика и вовсе не улёгся ни в какие рамки. Только успел пролететь кулак, Волынянин успел перехватить его, вывернув руку так, что хрустнула кость.

Дарко ринулся вперёд, но удар не сбил тучного Горяту.

— Ты что творишь?! — разрезал воздух голос матери.

Княгиня сбежала с порога, вслед ей прислуга, но сойти с крыльца не решился никто.

— Дарко, ты опять?! Боги, и за что мне такое наказание! Как ты смеешь? Князь только умер, а ты руки свои распускаешь, с ума сошёл? — с этими словами она кинулась на княжича, отпихивая его в сторону.

— Горе моё, и за что мне такое наказание, и зачем я тебя родила!

Дарко так и врос в землю от услышанных слов.

— Не смей ни к кому приближаться.

— Ты мне не можешь запрещать.

Звонкая пощёчина почти оглушила Дарко. Мать хоть и отбила руку, но не показала и вида, да и казалось, что её ничто не проймёт, лишь глубокая ненависть засела где-то на дне её глаз. Дарко ожидал увидеть что угодно, только не омерзение к собственному сыну, которое исказило лицо матери.

— Я очень жалею, что ты появился на свет не первым. Всё бы отдала, чтобы Волот стоял тут вместо тебя.

Венцеслав, что стоял в стороне, вытирая кровь, хлеставшую из носа, ухмыльнулся.

— Ты и так отдала всё ещё двадцать лет назад.

Лицо матери вытянулось, побелев, как снег, пустые глаза замутились, она сделала шаг и вновь занесла руку, но тут же, охнув, положила ладони себе на грудь. Стоявший рядом Полад успел подхватить её, сбежались и челядь.

— Я отнесу её, — Дарко хотел поднять мать на руки, но та шарахнулась от него, как от аспиды.

— Не трогай меня и не подходи, — зло бросила она в сторону сына, будто тот ей лютым врагом оказался.

Его тут же потеснили, Полад потянул его в сторону, уводя за собой в тень. Стараясь унять горечь и злость, что разъедало нутро, Дарко проследил, как княгиню подхватили под руки и повели обратно в терем.

— Это бесполезно, — сказал княжич, переводя дыхание. — Я не понимаю, что ей нужно.

— Что тут неясного, вымещает боль, иначе бы она не выдержала, не унесла бы всё это на себе. Как бы там ни было, но Дарко понял, что это уже выше его терпения.

— Вот что, ты собирайся. Больше я здесь оставаться не намерен. Сегодня покинем Дольну, — сказав, это он вышел из-под навеса.

Свиты Венцеслава уже и след простыл, как и самих друзей Волота.

— Мирогост не позволит... — догнали его слова.

Дарко глянул на друга, что тот аж вытянулся, таким верно был гневным взгляд. Княжич развернулся и направился к воротам.

Желтовато-бурый свет обливал макушки деревьев и покатые склоны береговых холмов, отражаясь янтарём на ровной глади реки. Доносились издали крики галок, что насели на пашни раскинувшегося во все стороны посада. Святилище располагалось ближе к воде, на пологом холме, поросшем кустами да изрытом оврагами. Под свинцовым небом кровля чернела угольными коньками, которыми были украшен сам храм. По обе стороны от ворот полыхали костры, языки пламени с остервенением рвал ветер, пригибая пламя к земле. И как уже хотелось избавиться от этого бремени, что выпило все токи из него, верно нет тут его доли и не будет уже никогда.

Дарко вошёл в ворота свободно. Позвякивали кованные обереги на столбах, развивались ленты, а нанизанные на колья черепа животных, принесённых в жертву для будущего урожая, были заменены цветочными венками. Жрецы в домотканых рубахах до земли и в овечьих душегрейках хлопотали у стен. Кто-то таскал воду и поленья, ныряя в низкие двери. Увидев княжича, они заметно затревожились, бросая короткие взгляды, заторопились внутрь, верно оповестить волхва о его приходе.

Княжича никто не остановил, и он, откинув тяжёлый полог, ступил в полутёмное помещение, пропитанное запахами горького дыма и пряных трав. Привыкнув к полумраку, он разглядел позади выложенного камнем кострища дубовых истуканов. Нутро его дрогнуло пред их суровыми ликами, что ввелись в него занозами, захотелось развернуться и уйти, но Дарко быстро совладал с чужой волей, вспомнив о том, зачем он тут. Ждать долго не пришлось, из других дверей вышел Мирогост в окружении двоих старейшин. И только тут княжич понял, как далеко всё зашло, понял, что не нужно было приносить Росью им, а теперь уже поздно, и ему

никто не позволит забрать её. Но он внутренне поклялся себе, что один отсюда не уйдёт, пусть даже ценой собственной жизни. Единственная, кто осталась ему дорогой и бесценной, это Росья, которая беспомощно лежала там, за плечами волхва. И какие бы чувства в нём ни схлестнулись, а Дарко прямо встретил тяжёлый взгляд Мирогоста.

— Я устал с тобой тягаться, Дарко. Напрасно ты пришёл.

Жрецы обступили волхва с обеих сторон, а те что, до сего мига были заняты делами, теперь направили всё своё внимание, приготавливаясь в случае чего помочь выгнать княжича из храма. Дарко медленно обвёл всех взглядом. Что ж, и он может по-плохому поступить, и в этом его никто не посмеет укорять.

— И я не хочу с тобой воевать, волхв. Но давай начистоту рассудим.

Мирогост нахмурился, в серых глазах сверкнул, что молния, отблеск костра, но он смолчал, внимательно слушая.

— Тебе не нужна жизнь Волота, тебе плевать на него и на весь город. Ты объявил войну хозяину и решил любыми путями изловить его, хоть через чужие жизни.

Жрец, что стоял по правую сторону, выпятил грудь, бросив удивлённый взгляд на Мирогоста, верно ожидая, что тот за такую клевету воздаст по заслугам охальнику. Но Мирогост молчал, видно оценивая сказанные слова.

— Доля правды тут есть, — протянул задумчиво волхв. — Не стану утаивать. Но, коли ты забыл, я напому тебе, что Он найдёт другой путь, с каждой жертвой Он становится сильнее, с каждой плотью. Его нужно изловить, Дарко. Он опасен, ты должен это понять.

— Ничего я не должен. Я обещал её родичам сохранить её до второй осени. Выходит, слово я своё не держу, и как мне быть в ладу со своей совестью?

Дарко почувствовал, как грудь вновь наливается свинцом, а дыхание становится тяжёлым.

— Я прошу тебя, Дарко, не мешай.

— Они оба погибнут, ты это сам знаешь. Ты только злишь его.

— Росья сильнее Грады, уж некуда отступать, теперь уже нет.

Дарко сжал губы, невидящим взглядом смотрел на Мирогоста, проклиная себя за своё малодушие, за то, что поверил, поверил всем им.

— Я убью тебя, — в один шаг он оказался рядом с волхвом, одним ударом смахнув его наземь, но закончить начатое ему не дали, жрецы навалились с обеих сторон, заламывая руки. Дарко одним рывком смахнул противника, ударив локтем куда-то в лицо. Тот взвыл, отступил, но место его тут же занял другой.

Сыпались на его голову проклятия и ругань, но Дарко был глух к ним, как к боли, что иногда вспыхивала то в боках, то в спине. Мирогост поднялся с земли, и в следующий миг что-то тяжёлое обрушилось на голову княжича, сбив с ног, толкнув в холодную бездну небытия. Волна прихлынувшей жизни поглотила его с головой, заставляя задохнуться. Дарко с усилием пошевелился, открывая глаза, и тут же зажмурился от чудовищной боли, что разлилась по спине, отдаваясь тугими волнами в затылке. Уж лучше бы он не приходил в себя, такая боль его охватила.

Дарко сжал заочковенными пальцами землю. Он разлепил веки, пытаясь понять, где он, но не обнаружил ни Мирогоста, ни жрецов, и сам он верно был в другом месте, лежал на земляном полу. Тусклого дневного света, что бился в щели, хватало на то, чтобы разглядеть бревенчатые стены земляного погреба. Дарко, выругавшись, попытался подняться. Боль, что выстреливала в затылке, оглушала и обездвиживала, сужая границы сознания до пульсирующей воронки.

Повернувшись на бок, Дарко сел и только потом смог и подняться на ноги. Бросился в двери, пихнув плечом. Заперто. Тогда он со всей силы шарахнул по створке кулаками.

— Открой! — грянул он.

Ответом ему была тишина. Тогда он с разлёту врезался плечом, пнул ногой. Ничего не вышло, дверь не поддавалась.

— Открой, или я тебя убью! — сорвал он голос. — Клянусь, что убью, — прошептал, уткнувшись лбом в дверь, скребя её ногтями.

Росья открыла глаза, подняла голову, прищурилась, осматривая через спутанные волосы капище. Сколько прошло времени, она не знала, всё перепуталось, и казалось, время тянулось безмерно долго, и пребывает она здесь уже вечность, и те голоса, что доселе трубили, будто в рог, доносятся теперь откуда-то из утробы сознания едва слышно. Вспомнив о лешем, Росья задрожала, огляделась. Ангара нигде не было, как и стихла поднявшаяся буря, только усиливающийся ветер бесшумно гнал по небу серые глыбы туч. Она пошевелилась, стараясь не выдать себя никакими звуками. Поднявшись на ноги, завертела головой, выискивая мужчину. Высились неподвижно надкурганые камни, присыпанные листвой и древесной трухой. Она так и ждала, что из-за них выйдет Ангар, но тот будто сквозь землю провалился. Разум кричал одно — бежать, бежать как можно дальше, да только разве скрывается от того, кто считает этот лес своим домом?

Росья бросилась с проклятого места обратно к мосту, продираясь сквозь ветви, едва не свалилась с обрыва, успев зацепиться за ветки, и заledenела, обнаружив вместо него поросли ив. Она прошла вдоль обрыва, накалывая стопы мелкими камнями и шишками, но так и не обнаружила разваленного мосточка. Всё, что окружало, было мороком, только с каждым вдохом не верилось в то, а верилось в нарастающий страх и боль в спине и затылке, что была непрерывно, словно в бубен.

— Тебе некуда бежать.

Росья вздрогнула и обернулась, но никого не увидела, только немного позже из-за дерева вышел Ангар. Он снова перенял облик Волота.

«Это кошмар, это всё неправда», — билось горлицей в груди сердце.

— Отпусти меня.

— Иди.

Росья даже опешила, она вновь обернулась, и перед ней вновь лежал старый мост. Не раздумывая, она сорвалась вниз, припустилась бегом по скрипучим доскам, поднялась по крутому склону, едва ли не падая, удерживаясь о сухой рогоз, забралась на холм и упала на колени. Перед ней предстал тот же самый дуб, что и на другом берегу, в той же расслабленной позе стоял Волот, облокотившись плечом о дерево.

— Зачем?

— Это не я, поверь.

— А кто же?

— Мирогост. Но я тоже желаю, чтобы ты осталась, поэтому какая разница, он или я. Ты останешься тут.

Росья вспомнила, что Дарко упоминал о волхве и о том, чтобы держалась от него подальше. О чём он её просил? От усиленных дум нещадно пульсировало в голове. Волот наблюдал издали и вовсе не спешил, впрочем, и зачем, если впереди у него вечность, и его пленница заточена тут навеки, если не очнётся. Но чем дольше пребывала она тут, тем явней казалось всё живым, и та светёлка, в которой она заснула, растворялась где-то на краю разума, и болванчиком дрожало ставшее стираться из памяти предупреждение. Сейчас Волот смотрел на неё точно так же, как тогда, в горнице, когда велел ей вести себя сговорчивее. Лёд хлынул по плечам и спине, не хотелось вспоминать ту единственную их встречу. И стоило ей об этом подумать, как в мгновение ока лицо Волота стало другим, значительно старше, залегла глубже морщина меж бровей, у носа появились складки, усы теперь перетекали в недлинную бороду. По-прежнему был на нём армяк и шерстяные порты, заправленные в сапоги.

Росья встряхнула головой, зажмурилась, накрывая лицо ладонями, она верно сходит с ума. Всё это ложь, морок.

— Ты боишься меня? — услышала она совсем рядом голос, который до боли проник в сердце, упав на самое донышко души.

Она подняла взгляд и не поверила своим глазам. Перед ней стоял уже не тот мужчина, и не Ангар в истинном своём облике и в лохмотьях, и не Волот, а...

Росья сглотнула, чувствуя удушье, попятилась назад, пугаясь саму себя, своих чувств и мыслей, что хлынули в голову против её воли.

«Не верить, не верить», — толкалось сердце.

Дарко сделал шаг навстречу. И тогда Росья не выдержала, развернулась и пустилась прочь.

— Росья! — донёсся обеспокоенный голос княжича, на миг оплёл путями тело, пленив.

Росья бежала, не оглядываясь, не видя перед собой дороги, не разбирая, куда ступает. Она то путалась в ветвях, что рвали волосы и рубаху, то падала в шелуху. Дыхание сбилось вовсе, а грудь распирало воспалённым жаром. Она остановилась, обхватила дерево руками, уткнулась в него, заставляя себя пробудиться. Вздрогнула, когда тёплая ладонь легла ей на плечо, повернулась, тут же оказавшись в горячих объятиях. Древесный запах Дарко окутал, успокаивая. Этот запах она узнала бы из сотни других. На княжиче был кожух, надетый прямо на голое тело. Росья на миг смутилась, когда запоздало ощутила, как под ладонями бьётся толчками его сердце. Колени подогнулись, будто целый пласт земли ушёл из-под ног. Воцарилась такая тишина, что было слышно, как с шелестом падают дубовые листья на землю.

— Росья, не отталкивай меня, — прошептал Дарко на ухо, целуя в висок, обжигая горячим дыханием, скользнули сухие губы по щеке.

Дарко был так близко, и этот его запах совершенно одурманивал и пьянил.

— Я тебя никому не отдам, — шептал он. — Никому.

Как хотелось кричать, чтобы забрал её отсюда, унёс из холодного глухого леса. Руки Дарко ласково огладили исцарапанные плечи девушки, притягивая её к себе. Росья, прижавшись к пылающей жаром груди княжича, забралась руками под кожух, пальцы прошли по твёрдым мышцам его спины, и так хорошо сделалось, так тепло, что растаял, как воск, и страх, накатило желанное блаженство и чувство защищённости.

— Ты пойдёшь со мной? — спросил он, словно прочитав её мысли.

Росья подняла голову, вглядываясь в его лицо, утопая в мягком янтаре глаз. Светло-русые волосы трепал лёгкий ветерок, в уголках губ залегла по обыкновению утрюмость, совсем как раньше, когда они были на пути в Дольну, когда всеми собирались у костра, он вот так смотрел на неё, будто желал сказать больше, но так и не решался. В голове помутилось, но одно она видела и понимала отчётливо — это был её Дарко, он пришёл за ней.

— Пойду. Я не хочу возвращаться к Волоту. Забери меня.

Красивых губ княжича коснулась лёгкая улыбка, и смотрел он на неё, как на самую ценную, дорогую сердцу и желанную девицу. Появилось на донышке глаз мерцание, исходящее откуда-то изнутри, умопомрачительное сияние, утягивающее вглубь себя. И от этого совсем кругом пошла голова. Росья обмякла. Дарко, спохватившись, скинул с себя кожух, накинул на её хрупкие плечи тяжёлую одежду. Девушка приняла заботу, чувствуя неловкость, собрала спутанные волосы и принялась смахивать с них сухую листву.

Дарко перехватил её руку.

— Ты так красива, Росья.

Руки его скользнули к шее, погладив ключицы, и медленно опустились вниз, обхватывая груди, чуть смяли, потом легли на талию и поясницу. По телу мгновенно разлилась нега, упав тугой тяжестью вниз живота. Дарко не позволил передохнуть, склонился, накрыв её губы своими, жадно впиваясь в них. Росья огладила ладонями сильные плечи, ощущая перекаты тугих и горячих мышц под пальцами, ответила на поцелуй так же неистово. Ноги уже совсем не держали её, и вся она задрожала. Дарко, подхватив девушку, бережно уложил её на усыпанную листвою землю под самым дубом, покрыл поцелуями её пылающие губы, открывшуюся ему шею. Изнемогая от желания, она прикрыла ресницы. Сильные руки пробрались под подол рубахи, огладили и смяли бёдра, скользнули меж колен, пробираясь вверх. Росья тихо застонала, глядя сквозь ресницы на сплетение мощных ветвей дуба, с которых бесшумно и изредка падали жухлые хрупкие листья. Потеряв всякое терпение, Дарко дёрнул тесьму на своих портах, накрыв Росью собой. Дыхание его сбилось, и она, почувствовав его напряжение, сама бесстыдно провела ладонью по тугой, готовой к соитию плоти, обхватила плечи Дарко, всем естеством подалась к нему. Но княжич не спешил, дразня её, выжидая полного её иступления, слегка потёрся об неё, покачиваясь навесу. А потом его будто подхватило вихрем, он сжал в кулаке верёвки, на которых были подвешены обереги, потянул, пытаясь будто разорвать. Росья дёрнулась, но стальные объятия и тяжесть княжича не позволили и шелохнуться.

— Не волнуйся, — успокоил он ласковым голосом. — Доверься мне.

Росья кивнула. Дарко свободной рукой стянул ворот платья на плечи, но осторожно не получилось, от натуги тонкая ткань треснула, оголяя груди. Прохладный ветерок быстро прокатился по коже, вызывая мурашки. Дарко обхватил губами набухший сосок, поиграл с ним языком, от чего внутри у Росьи занемело всё. То же самое он проделал с другим, оставляя

влажный след. Издав тихий стон, княжич прижался пахом меж её бёдер, подняв подол рубахи, вознамерился проникнуть в неё, и в следующий миг под спиной Росьи земля будто разверзлась. Она вскрикнула, срываясь во тьму, глотая воздух.

— Скажи мне его имя! — жёстко потребовал от неё чей-то голос.

Росья разлепила влажные ресницы, сквозь туман, что оплёл её разум, пытаясь понять, кому этот голос принадлежит. Чувствуя прогорклый запах, что остался на языке, она сжала в пальцах шкуры, на которых лежала.

— Дарко, — позвала она шёпотом.

Глаза мужчины, что нависал над ней, гневно сверкнули. Лицо его ей показалось знакомым, но на правой скуле зияла багровая садина.

— Мне нужно его настоящее имя, слышишь? — шипел он, теряя всякое терпение.

Росья всполошилась, ища взглядом Дарко, ведь он только что был рядом.

— Где я? — она попыталась подняться, но от проделанных усилий тут же всё поплыло, и всплеснулась со дна муть тошноты.

Волхв удержал её на месте. Росья заводила глазами, замечая фигуры других мужей рядом, и закаменела, когда опять увидела лежащего рядом Волота, лицо которого уже вовсе не было похожим на живое. С запозданием до разума дошло понимание того, что с ней сейчас было, и что Дарко — это не Дарко вовсе, а...

— Имя! — требовал волхв.

Росья раскрыла губы, хотела было сказать, но приступ удушья вновь схватил её в тиски, не позволяя выдать ни слова. Испытывая бешеное волнение и дикий страх, она замотала головой. Тогда Мирогост провёл по её лицу пятернёй, шепча что-то тихо, и такая тяжесть на неё навалилась, что Росья не в силах была сопротивляться ей, она вновь канула в озеро безвременья, слыша удаляющееся последнее наставление волхва:

— Узнай его имя.

Она хотела кричать, что не хочет туда, что не вынесет больше эту пытку, но рвавшиеся наружу слова застревали в горле, словно камни.

Росья судорожно вдохнула влажную густую прелость листвы, сгребла её руками, опираясь на локти. Боль поглотила её всю, изъедая нутро, пригибала к земле. Она попыталась ухватиться за обрывки воспоминаний из своего прошлого. Что было вчера? Сколько вообще утекло времени с тех пор, как оказалась она в заточении? С ужасом поняла, что каменная стена разделяет её с явью и с Дарко.

Слёзы задушили, застелили глаза, Росья всхлипнула, приказывая себе не срываться.

— Меня это начинаает злить.

Росья обернулась. Леший стоял чуть поодаль, вбирая в ноздри воздух, гневно раздувая их. Тёмные глаза Волота смотрели так тягуче, вьедливо, что холодок прошёлся от затылка к пояснице. С всеобъемлющим страхом Росья вспомнила о том, что могло ещё миг назад произойти между ними. Она трясущимися руками ощупала себя, оглядела и обнаружила, что плечи её так же оголены. Натянула разорванное исподнее, прикрывая открытую чужим глазам грудь. Обереги, что всё ещё висели на её шее, видно сдерживали Ангара, не позволяя сотворить с ней лихого и прибрать девицу к рукам.

— Если хочешь, я могу быть им. И я никогда тебя не брошу.

ГЛАВА 18. Потеря

Холодная тишина окутывала, погружая Дарко в вязкий кисель безмолвия. Время тянулось слишком медленно, мучительно тягостно было считать, как мгновения проходят за мгновениями, а он не в силах что-либо сделать. Княжич сидел на бочке, прислонившись спиной и затылком к стенке, вдыхая запах плесени и сырости. Голова раскалывалась от ушиба, и мысли, как вражеское полчище, осаждали, пронзая острыми копьями. Думал Дарко и о том, что будет, если не станет их обоих — Волота и Росьи, или уйдёт кто-то один — и то, и другое доводило до безумия. Потерю Росьи он себе не простит. А Волот... Его жизнь изначально висела на волоске, и уж давно бы пора было свыкнуться с тем, что рано или поздно проклятие

подкосит его. Впрочем, думать об этом тоже было больно. Да и что будет с княжеством, если уйдёт ещё и Волот? Как выстоять, вытянуть это всё? А мать...

Дарко выдохнул, поворачиваясь на свет, что бился через щели всё тусклее, верно вечереет. Никто его здесь не станет искать, разве только Полад, с которым он заручился собраться ныне в путь. Только найдёт ли тот его здесь? Дарко поднялся, прошёл к двери. Глубокий вдох, медленный выдох, но каждая часть тела всё равно была напряжена до такой степени, что он не смог сдержать всплеск бешенства. Саданул кулаками в дверь — защёлка только брякнула, но створка не сдвинулась с места. По пальцам густо и горячо потекла кровь из разбитых костяшек. Бесполезно, всё бесполезно. Сколько раз он вспоминал слова Полада о том, что не нужно привозить невесту в Долюну, сколько раз он корил себя, что не послушал, но теперь ничего не вернуть. Ничего. Дарко запустил пальцы в волосы, он уже ничего не чувствовал, кроме поднимающегося со дна души отчаяния.

И тут он замер, мгновенное онемение прошлось холодными глыбами по всему телу, остановилось и толкнулось в сердце. До слуха Дарко донеслись откуда-то сверху глухие крики, а следом повеяло гарью. Сбросив оцепенение, княжич метнулся к двери, безуданно толкая её. Всё отчётливее веяло дымом. Оставив бессмысленное занятие, Дарко рванулся к бочкам, схватил то, что попало под руку, с размаху бросил в створку тяжёлый короб, но без толку — короб разлетелся на щепки, раскатились по полу клубни репы.

— Открой! — крикнул он.

Чья-то тень мелькнула в щели. Княжич попытался высмотреть хоть что-то, но увидел только всполохи зарева, и они не были похожи на закат — горел храм. Внутри всё упало.

— Будь ты проклят, волхв, — прошипел Дарко.

Но тут же за дверью послышалась возня, а следом брякнула щеколда, и княжич, оторвавшись от стены, кинулся к выходу. Полад подхватил его на пороге.

— Я уж думал, что Мирогост принёс в тебя в жертву. Обыскал всё, — говорил на ходу волынянин.

Только тут княжич заметил, что друг был вымазан в саже и взъерошен, словно за ним гналась орда татей.

— Там уже всё занялось, Дарко, я не смог. Он запер...

Дарко его не слушал, да и не понимал, ослеплённый гневом, о чём тот говорит. Вбежал на пригорок, и взору его открылся полыхающий во всю мощь храм. В багряном зареве тонуло за окоёмом светило, такие же красные лучи обливали весь холм и горстку людей, слепили глаза. Огонь уже жрал крышу и стены, коньки с головами чудищ тлели, озаряя потемневшее черней смолы небо.

Не верилось в то, что он опоздал. Безумие охватило Дарко, он сорвался с места, ринулся к храму, где толпился вокруг народ, что успел сбежаться сюда, и верно эта беда стала для людей плохим знамением. Кто-то ещё пытался потушить пламя, плескал воду, таская с колодцев и рвов, другие отстранённо смотрели, женщины подвывали, кусая кулаки, наблюдая за обезумевшими жрецами.

— Как это произошло? Как?!

— Говорят, видели женщину, она подожгла хозяйскую клеть, а там и недолго, как занялись стены. Я сам поздно прибежал, тогда только, когда стража увидела пожарище, пропустил всё, в путь своих воинов собирал. Не углядел, да не думал, что тебя заперут. Ждал, дурак.

— А Росья, Волот?

— Ты меня не слышишь, Дарко, старик там заперся, в храме. Волота вытащили, его уже понесли в детинец, а Росья... Мирогост не отдал её, оста...

Княжич не дослушал, кинувшись к стенам. Промчался сквозь толпу, некоторых отталкивая, а другие, видя его, сами отшатывались. Дарко быстро оказался перед воротами и, не раздумывая, нырнул в них. Горячий воздух плеснул в лицо, опутал сетями грудь, но даже тогда княжич не остановился, ворвался в распахнутые двери. Всё полыхало: и крыша, и длинные дубовые чуры, горела трава, которой был выстелен пол. Жар мгновенно въелся в кожу, слишком горячо и дымно. Глаза застелило слезами, и накалённый воздух быстро высушил горло. Дарко бросился к дверям, вламываясь в них, но куда там, заперты.

— Будь ты проклят, Мирогост! — сорвался на крик Дарко, но по ту сторону уж ничего не было слышно, только гудение огня и вихри всполохов от новых очагов.

Что-то сверху надломилось, правый угол покосился, рухнула балка, сбивая изваяние, владыка грозы и молний с тяжёлым гулом рухнул наземь, вздрогнула под ногами земля, свергнутый истукан сбил алтарь.

Дарко закашлялся. Охваченный отчаянием, он вновь толкнул дверь плечом. Горячая смола брызгала искрами, и рукава рубахи задымились, схватились огнём быстро, потянуло палёной плотью, и ком тошноты подкатил к горлу. И как бы разум ни толкал Дарко отступить, он бился о дверь вновь и вновь. Из последних сил, разъярённый безнадёжностью, ударил плечом, боль стрельнула куда-то в лопатку, потемнело в глазах, и вместе с тем что-то надломилось по ту сторону. Не выдержав веса его тела, створка поддалась. Дарко буквально ввалился в горящее море. Воздух от накала дрожал, сушил губы и кожу. Сквозь заволокшую глаза влажную пелену он пытался хоть что-то рассмотреть, пока не увидел среди горящей утвари Мирогоста. Волхв будто и не заметил княжича, склонялся над распластавшейся на лежанке Росьей, а она, взмокая от нещадного жара, раскрывала губы, словно пытаясь что-то сказать.

В один прыжок Дарко перемахнул через стол, что разделял его с Мирогостом, схватил волхва за шиворот, вздёргнул на ноги, отрывая от девушки.

— Ты что творишь? — потребовал ответа у старца, да видно напрасно.

Искалеченное лицо волхва исказилось болью, и верно сам он был уж в полубреду, глаза его закатывались, а потрескавшиеся губы, покрытые коркой засохшей крови, всё вышёптывали слова. Дарко тряхнул его, призывая очнуться, но тот только обмяк в его хватке.

— Ангар, его имя А...

Земля вздрогнула с таким гулом, словно каменный кулак великана ударил о твердь с мощью грома. Дарко пошатнулся, волхва отбросило в сторону, и его княжич уж больше не видел, поглотило старика пламя, срывая одежду с него, съедая поседевшие волосы и бороду, волчью шкуру. Внутри Дарко дрогнуло «вытащить!», но огонь и удушье беспощадно выедали, жгли кожу, забивал глаза пепел, что сыпался с потолка. Дарко отвернулся и уже не видел, что было дальше со служителем. Теряя воздух и разум, бросился к лежанке, подхватил хрупкую и истерзанную девушку на руки.

Дарко не помнил, как выбежал на улицу, как тут же его кто-то подхватил и увел в сторону, подальше от глаз, в другой проход. Позже он понял, что это был Полад. Росья, казалось, вовсе не дышала, бледная, с посиневшими губами. Дарко положил её наземь, рухнул на колени рядом, гладил её щёки, растирал кожу, призывая очнуться.

— Сними эту дрянь, — указал Полад на обручье.

Княжич с остервенением сорвал с тонкого запястья проклятое украшение, но Росья по-прежнему не приходила в себя, и показалось на миг, что нить жизни оборвалась, и девушка безвозвратно уходит за грань, Дарко подхватил её, прижимая груди, шепча что-то, призывая пробудиться. Кто поможет ему? Мирогост остался в пепелище. Хайда? Но и она неизвестно где теперь. После того, как Мстислав объявил о венчании, женщина больше не показывалась. Мирята! Послать бы его за лекаркой, но отрока рядом не было, да и слишком долго, а Росья так и не дышала.

Полад сосредоточенно наблюдал со стороны, даже теперь он выказывал спокойствие и холодность ума. И как только удаётся? Дарко не мог понять, как и не мог видеть того, что в голубых глазах его уж давно не тлеет призраком надежда. Княжич вновь положил Росью на землю, нащупывая жилку, цепляясь за надежду, что не всё напрасно, но под пальцами был лёд и никакого движения. Он это понимал, но никак не мог оторваться от неё, точнее, отсечь частичку себя, которую Дарко давно отдал ей. Осколками впивалась страшная правда, от которой остывала в жилах кровь и накатывала глыбами отрешённость. Вокруг стало совсем темно, лишь из окоёма ещё тянулись оранжевые лучи солнца, касаясь русых волос девицы, оставляя золотистые переливы.

За спиной трещали брусья и ревели пламя, но Дарко и этого не слышал, не слышал, как народ гурьбой сходил на пожарище. Княжич поглядел в лицо Росьи. Она сильно исхудала за последние дни. Всё так же висели на груди обереги, блеснула слеза в уголке её ресниц. И Дарко хотел уже сорваться в чёрный омут, что почти накрыл его с головой, как вдруг Росья вздрогнула. Грудь девушки поднялась и опала. Дарко стиснул её плечи, но вовремя опомнился, ослабил хватку. Полад, увидев, как Росья начала приходить в себя, торопливо скинул с себя кожух. Дарко бережно закутал её, приподняв с земли, и держал в руках, как драгоценность.

— Ты вернулась. Вернулась... — шептал он, оглаживая её волосы, лицо.

Дарко не видел, что происходило вокруг, мир сузился до одного лишь хрупкого создания в его руках. Росья была жива, пусть ещё и не открывала глаз, но дышала, пусть и оставалась ещё болезненная бледность, но румянец постепенно окрашивал щеки, а губы розовели.

— Всё хорошо, — твердил он, зная, что она его слышит. — Не уходи больше, слышишь?

— Я всё приготовил, наши люди ждут, — вмешался Полад, и все звуки хлынули в голову, выводя Дарко из оцепенения. — Никто не видел, как ты вышел...

Только тут до княжича дошёл смысл сказанного.

— Решай, — с твёрдостью посмотрел на друга волынянин.

Дарко обратил взор на Росью, которая тихо дышала в его объятиях, и растерянно шарил взглядом по её лицу. Что ж, он так хотел уехать и начать новую жизнь, а теперь и стало для кого, в Дольне его уж ничто не держит.

— Тут ещё кое-что произошло, пока тебя не было.

Дарко вновь перевёл взгляд на побратима, думая, что могло ещё случиться, но верно самое страшное теперь позади.

— Жена Волота вернулась.

Дарко показалось, что он ослышался, и разом померкло всё кругом, верно волынян что-то перепутал.

— Града?

— Да, она пришла со старухой, лекаркой вашей, Хайдой и... с сыном... ему только год...

Дарко перебрал всё в голове, сопоставляя услышанное с прошлым, но не укладывалось ничего — она же умерла, и погребение... хотя... Дарко глянул на Полада.

— Всё подстроено. Она рассказала, что её пытались отравить, и эти сны, в общем, Града была уже тяжела и, чтобы сохранить дитя, ушла.

Дарко, вконец очнувшись, повернулся, выглядывая из-за своего укрытия. Люди всполошились, бегали, кричали, верно его уже и никто не ждал, погребли под завалами. Граду он так и не увидит, всё давно разрушилось для него, и его уж тут не должно быть с тех пор, как забрал невесту у родичей.

Дарко ощутил на своём плече тяжесть руки побратима. Полад поднялся.

— Я позову людей, нужно поспешить, пока они все не опомнились.

Княжич поднял голову, глядя в лицо Полада. Так вышло, что волынянин стал куда роднее Волота.

— Спасибо.

— Как иначе, своих не бросаю, — сказал он и, развернувшись, скользнул за постройку, чтобы вернуться уже с Валуем.

Дарко задумчиво посмотрел ему вслед. Росья пошевелилась. Княжич перевёл на неё взгляд. Из раскрытых губ девушки вырвался тихий вздох. Он прижал её к себе, касаясь губами горячего лба.

Всю жизнь он был верен отцу и своему роду, и будет хранить память о них, покуда жив, ведь как бы мать ни относилась к нему, а дала жизнь и попытку испытать всеобъемлющее великое чувство единства, что никак не вмещалось внутри и уходило за грани тела и души, а ведь многие, чтобы испытать хотя бы раз это чувство, идут в бой, кладя головы на поле брани.

* * *

Росья очнулась от того, что рядом где-то трещали поленья, и только потом она ощутила жар с левого бока. По телу прошла горячая волна, пробуждая девушку окончательно. Она разлепила ресницы и тут же отвернулась, растерянно выглядывая в ночную чашобу. Не почудился ли ей вновь сидящий возле костра Дарко? И мужские голоса, что доносились со стороны леса? Росья вспомнила всё то, что с ней стряслось, и её накрыла беспощадная боль. Больше она этого не вынесет, нет. Но тут же появилось лицо Руяны, взволнованное, но вместе с тем сияющее тихой радостью. Уж её Росья не ждала увидеть. Чернавка тепло улыбнулась, и весь скопившийся страх мгновенно спал.

— Очнулась, — полился ручейком голос девки, и вместе с ним звуки леса хлынули на Росью, приводя в чувства.

— Вот, испей, — подала Руяна глубокую плошку с отваром.

Росья, преодолевая тяжесть, будто вместо костей было железо, что сковало всё тело до ломоты, приподнялась, поглядывая в сторону княжича. В руках у Дарко были нож и сук, он что-то с твёрдой сосредоточенностью выстрегивал, но, услышав Руяну, тут же поднял голову. Росья

быстро отвела взгляд, сама не понимая, от чего, но волнение охватило всю её. Выныривая из-под шкур, приняла питьё.

— Где мы? — спросила, отпивая горячего травяного взвара, обжигая язык.

Без покрова под открытым ночным небом было прохладно, оглаживал спину холодок. Делая маленькие глотки, она осторожно оглядывалась. Чуть в стороне сидел Полад, рядом у другого кострища разместились остальные дружинники, некоторых из них Росья помнила. Поток воспоминаний накрыл лавиной, и она едва не поперхнулась, припомнив и Мирогоста, и Ангара, и огонь, и то удушье, которое испытала, когда волхв вытягивал её из нави.

Руяна раскрыла губы, чтобы говорить, но вдруг кто-то на миг заслонил тепло костра. Росья подняла взгляд, смотря снизу на Дарко. Чернавка торопливо подобралась, пошла к волюнянам, оставляя их наедине. Княжич опустился рядом, долго посмотрел на Росью. Сейчас глаза его были потемневшими, в глубине их притаилась и боль, и сожаление, и беспокойство.

Нестерпимо потянуло коснуться его, утешить, но Росья сдержалась, смотря на Дарко с затаением.

— Мы уже далеко от Дольны, — сказал он сухо. — Направляемся до Межны, а дальше сядем на ладью, путь возьмём до Ставгони, там и остановимся.

— А Волот? Что с ним?

— Он жив.

— Мирогосту удалось изловить Ангара?

Дарко с растерянностью посмотрел на Росью.

— Я не знаю. Волхв сгорел... Как и весь храм. Туда я больше не вернусь.

Спину Росьи от услышанного продрал мороз. Последнее, что помнила Росья, это требование Ангара остаться с ним, а потом... духота и огонь. Тут же её прострелило понимание — пожар. Она поёжилась, испытывая глубокое потрясение. Потерять свою родину и земли, богов — хуже и не представишь.

Росья опустила взгляд, увидев в руках Дарко вырезанную им фигурку обережного шура.

Княжич ниже опустил голову, вся усталость и утраты отразились в этот миг на его лице.

Чувства Росьи вспыхнули, смешались и обожгли, она не стерпела, подалась вперёд и обняла Дарко, утешая. Он же будто этого и ждал, верно думая, что она прогонит его, воспротивится ехать с ним в чужие земли, прижал к себе.

— Прости меня, я не хотел тебя подвергать такой пытке. Я желал помочь всем, но...

— Больше не говори ничего, — прошептала Росья, уткнувшись его в шею, вдыхая тёплый, отдающий дымом и хвоей запах Дарко. — Не надо. Давай забудем это.

Дарко застыл, гулко билось его сердце, мгновение-другое осмысливал сказанные слова. А потом Росья ощутила касание горячих губ княжича на виске, щеке, он отыскал её губы, прильнув к ним в долгом поцелуе, в котором было всё: и отчаяние, и радость, и горечь потерь.

— Всё будет хорошо, — сорвались с её губ слова. — Мы сумеем построить новое.

В глазах княжича ответами забилося пламя.

— Спасибо богам, что оставили мне тебя, — тихо произнёс Дарко.

Примечания

3

4

5

6

[illegible]